В. Д. Королюк

СЛАВЯНЕ И ВОСТОЧНЫЕ РОМАНЦЫ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

ВЛАДИМИР ДОРОФЕЕВИЧ
КОРОЛЮК
(1921—1981)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

В. Д. Королюк

СЛАВЯНЕ И ВОСТОЧНЫЕ РОМАНЦЫ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Ответственный редактор
Е. П. НАУМОВ

МОСКВА
«НАУКА»
1985

Книга — избранные труды выдающегося советского слависта В. Д. Королюка по важнейшим проблемам формирования и развития раннефеодальной государственности и становления народностей в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, по конкретным вопросам истории ранних государств у прибалтийских славян, в Польше и на Руси; включены работы по этногенезу и этнической истории славянских и восточнороманских народов в эпоху раннего средневековья. Книгу заключает библиография работ В. Д. Королюка.

Для историков, филологов, философов, юристов.

Рецензенты
И. С. ДОСТЯН, Я. Н. ЩАПОВ

Редакционная коллегия
Л. В. ЗАБОРОВСКИЙ (отв. секретарь)
Б. Н. ФЛОРЯ

Владимир Дорофеевич Королюк

СЛАВЯНЕ И ВОСТОЧНЫЕ РОМАНЦЫ
В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(Политическая и этническая история)

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР

Редактор издательства *Л. И. Тормозова* Художник *В. А. Чернецов*
Художественный редактор *Н. А. Фильчагина* Технический редактор
Т. С. Жарикова. Корректоры *Т. М. Ефимова, Ю. Л. Косорыгин*

ИБ № 29444

Сдано в набор 6.05.85. Подписано к печати 2.09.85. Т-16735. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 12,7. Усл. кр. отт. 13,02. Уч.-изд. л. 15,6. Тираж 5000 экз.
Тип. Зак. 1464 Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

К $\frac{0506000000—326}{042(02)—85}$-85-III

© Издательство «Наука», 1985 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Сборник, посвященный памяти выдающегося советского историка-слависта Владимира Дорофеевича Королюка (1921—1981), содержит его статьи по сложному и многоплановому кругу проблем раннефеодальной государственности и становления древних народностей в раннесредневековой Европе — в центральной, восточной и юго-восточной ее частях. Такой выбор был обусловлен не только ходом научных исследований ученого-слависта широкого профиля, но и тем, что он постоянно сохранял пристальный интерес к этим проблемам, уделяя главное внимание в последние годы жизни вопросам этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев в древности и средние века, подготовке обобщающего труда «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья». Разработке этих проблем в последние годы, причем в рамках не только Института славяноведения и балканистики АН СССР, но и других учреждений АН СССР, АН МССР, АН УССР во многом способствовали постоянные усилия В. Д. Королюка в качестве председателя бюро секции по этногенезу Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, активное участие в работе Научного совета АН МССР по истории славяно-волошских связей и молдавской народности.

Как известно, результатом первых научных поисков Владимира Дорофеевича была его статья «Государство Готшалка XI в.», опубликованная в 1947 г. в «Славянском сборнике» и рассматривавшая один из важнейших этапов формирования раннефеодального общества у полабских и прибалтийских славян. Но разумеется, вклад В. Д. Королюка в советскую историческую науку вовсе не ограничивается лишь работами по раннему средневековью, хотя этим вопросам, как было сказано, он уделял много внимания на протяжении всей своей жизни (достаточно напомнить, что в 1965 г. в качестве докторской диссертации была

успешно защищена его монография «Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв.»). Ему принадлежат более 450 работ по разным проблемам истории нашей страны и зарубежных государств Центральной и Юго-Восточной Европы начиная с поздней античности и вплоть до XIX в. В их числе — монографические исследования, статьи, разделы коллективных трудов и рецензии по истории славяно-германских отношений, внешней политики Русского государства, по истории советского славяноведения и др. Отметим в их числе главы и разделы в «Истории Польши», «Истории Чехословакии», «Истории Москвы», «Очерках истории СССР периода феодализма», в учебных пособиях по истории средних веков и истории южных и западных славян.

Владимира Дорофеевича отличал также пристальный интерес к истории искусства и культуры, чему он посвятил целый ряд своих работ.

Подготавливая мемориальный сборник, редколлегия ставила целью собрать наиболее важные статьи Владимира Дорофеевича по социально-политической и этнической истории славян и восточных романцев, многие из которых были опубликованы в разных изданиях, зачастую не слишком доступных широкому кругу читателей. Тем самым коллеги и ученики В. Д. Королюка по мере сил пытаются представить в комплексе ценные исследования ученого, объединение которых и обобщение в виде серии статей он ставил своей целью в последние годы, но, к сожалению, не успел ее достичь.

Очерк творческого пути В. Д. Королюка подготовлен Б. Н. Флорей, библиография работ составлена А. Н. Горяиновым и А. Е. Москаленко.

Научно-техническую обработку рукописи выполнили Н. С. Захарьина, О. В. Иванова, С. А. Иванов, Н. И. Сериков, фотография подготовлена М. И. Леньшиной.

ВЛАДИМИР ДОРОФЕЕВИЧ КОРОЛЮК

(Очерк творческого пути)

Первая черта, которая сразу же бросалась в глаза каждому человеку, который когда-либо встречался с Владимиром Дорофеевичем,— это широта его интересов, черта, которая проявлялась с равной интенсивностью и в его жизни и в его творчестве. Она была характерна для Владимира Дорофеевича и в его студенческие годы.

Занятия в семинаре В. И. Пичеты историей Польши и Восточной Европы периода развитого и позднего средневековья, занятия в семинаре Н. П. Грацианского историей полабских славян и славяно-германских отношений периода раннего средневековья, занятия русской историей в семинаре С. В. Бахрушина, породившие стойкий интерес к этой области исторической науки, занятия чешской историей под руководством Зд. Неедлы, нашедшие отражение много лет спустя в написанном Владимиром Дорофеевичем творческом портрете этого замечательного чешского «будителя»,— уже этот краткий перечень говорит о том, как широко молодой студент пользовался возможностями, которые предоставлял в распоряжение учащихся Московский университет конца 30-х — начала 40-х годов, где трудилась в то время плеяда выдающихся ученых. Необычное обучение и закончилось необычно: подачей не одной, а двух дипломных работ — одной В. И. Пичете, другой Н. П. Грацианскому.

Затем круг этих творческих интересов все более расширялся. Для изучения истории ранних славян и этногенеза потребовалось профессиональное владение данными таких наук, как археология, этнография, антропология и (в какой-то мере) лингвистика. В дальнейшем преобразование Института славяноведения в Институт славяноведения и балканистики послужило для Владимира Дорофеевича толчком к тому, чтобы заняться проблемами истории Юго-Восточной Европы, в частности этнической историей восточ-

ных романцев, возник и стойкий интерес к истории народной культуры — этот перечень можно еще продолжить.

Хорошо известно, что широта интересов далеко не всегда благо, в иных условиях она может обернуться механическим усвоением из разных источников вещей, на деле не соединимых, механическим соединением разнородного, беспринципной (по существу) эклектикой. Но для сильной научной индивидуальности широта интересов — необходимое условие достижения творческой самостоятельности. Выходя за рамки одной проблемы, одной эпохи, одной историографической традиции, исследователь приобретает драгоценную возможность взглянуть на эти явления как бы со стороны; сопоставив разные точки зрения на один и тот же предмет, обнаружить достоинства и недостатки каждой из них, занять по отношению к ним самостоятельную позицию и тем самым приобрести основу для нового оригинального и более верного суждения.

Именно таков был характер творческой индивидуальности Владимира Дорофеевича, именно таким он проявился уже на первых этапах его жизни в науке.

Хотя Владимир Дорофеевич занимался в университете у разных учителей, но главный объект его интересов определился сразу — история западных славян в средние века. С этим были связаны его семинарские занятия и у В. И. Пичеты и у Н. П. Грацианского. Неудивительно поэтому, что при активном участии В. И. Пичеты, верно оценившего незаурядные способности своего ученика, Владимир Дорофеевич стал одним из первых сотрудников созданного в 1947 г. Института славяноведения Академии наук СССР. В стенах этого учреждения прошла затем вся его научная и творческая жизнь.

Первой большой самостоятельной работой Владимира Дорофеевича было выполненное под руководством В. И. Пичеты исследование по истории русско-польских отношений рубежа XVII—XVIII вв., кануна и начала Северной войны. Автор этой работы, кандидатской диссертации (защищенной в 1948 г.), которую есть все основания считать докторской (свыше 35 п. л.), сумел решительно отойти от традиций освещения этой темы и в русской, и в польской буржуазной науке. Во всеоружии фактов, что придало выводам особую убедительность, он дал образец всестороннего, объективного, строго научного освещения такого сложного, противоречивого, опутанного массой историографических легенд и предрассудков явления, как русско-польские отношения в их историческом прошлом. Рабо-

та его получила высокую оценку зарождающейся польской марксистской науки, основная часть диссертации была опубликована в Польше отдельной книгой.

В этой работе проявилась еще одна особенность научного дарования исследователя — широта подхода к теме, умение видеть ее как часть обширного целого и определить ее место в этом целом. Впоследствии, вводя своих учеников и младших коллег в премудрости изучения международных отношений, Владимир Дорофеевич неоднократно повторял, что если в работе анализируются только отношения двух стран самих по себе, то такая работа не сможет дать объяснения причин происходящих событий. Он показал себя сторонником иного способа исследования: в своей кандидатской диссертации о русско-польских отношениях молодой ученый так или иначе использовал материалы сношений почти со всеми государствами Европы, с которыми Россия поддерживала в то время дипломатические контакты. Развитие русско-польских отношений с большим мастерством вписано в рамки общеевропейской системы международных связей.

Такие особенности дарования Владимира Дорофеевича, как самостоятельность суждения по отношению к существующей традиции, широта подхода к научной проблематике, оказались как нельзя более на месте, когда перед недавно окончившим аспирантуру исследователем была поставлена новая задача разработки марксистской концепции истории Польши периода феодализма. Сейчас трудно себе представить, чтобы решение задачи такого размаха было поручено столь молодому исследователю, который должен был решать ее практически почти единолично. Такое было возможно лишь в обстановке конца 1940-х — начала 1950-х годов, когда не хватало научных кадров, а жизнь ставила перед молодой советской славистикой большие задачи, на решение которых отводились весьма сжатые сроки. Нет нужды говорить о масштабе поставленной перед Владимиром Дорофеевичем задачи, об ее ответственности и значении, но нужно сказать об ее особой сложности. При изучении не только социальных процессов, но и при исследовании межгосударственных и межэтнических контактов лишь в очень ограниченной степени можно было использовать отдельные реальные результаты буржуазной исторической науки — напротив, налицо была необходимость особо критического отношения к старому наследию. Единственное, пожалуй, но весьма немаловажное обстоятельство, облегчавшее положение исследователя, заключа-

лось в том, что грандиозные события эпохи крушения фашизма и торжества народно-демократических революций подвели исторический итог многим процессам, определявшим с эпохи развитого средневековья ход развития польской истории, и тем самым создали новую отправную точку для их оценки.

Как известно, поставленная задача была решена не только успешно, но и в сжатые сроки (1-е издание 1-го тома «Истории Польши» увидело свет в 1954 г.). Владимир Дорофеевич не только разработал принципиально новую, марксистскую концепцию польского исторического процесса в период феодализма, но и в значительной мере сам воплотил ее в жизнь, написав большую часть разделов 1-го тома от X до середины XIX в. Когда первый том «Истории Польши» вышел из печати, Владимиру Дорофеевичу было немногим более 30 лет. Но он уже являлся одним из ведущих историков-славистов Советского Союза, широко известным не только в нашей стране, но и за рубежом.

Большая и напряженная работа над этим ответственным заданием не могла не наложить отпечаток на творческую индивидуальность еще молодого в то время исследователя, способствуя окончательной «огранке» таких свойств его дарования, как масштабность мышления, умение не только увидеть предмет исследования во всем многообразии его связей, но и сразу найти в этом многообразии самую суть, не отвлекаясь и не соблазняясь колоритными, но второстепенными деталями, и одновременно умение изложить все это сжато, лаконично и стройно.

Ответственная и напряженная работа над «Историей Польши» не могла оттеснить на задний план собственно индивидуального творчества Владимира Дорофеевича, в котором продолжало ярко проявляться многообразие его научных интересов.

Продолжал Владимир Дорофеевич занятия русско-польскими отношениями и вообще историей Восточной Европы периода позднего феодализма, когда в ее развитии сложно переплетались политические, национальные и религиозные противоречия. Он писал о политических отношениях России и Речи Посполитой в период Ливонской войны, о Лжедмитрии I, об историческом значении Переяславской рады. Среди работ об этой эпохе, пожалуй, особое место занимает книга «Ливонская война». Для этого исследования пригодились как старые навыки обстоятельного изучения системы международных отношений, приобретенные Владимиром Дорофеевичем в период подготовки кандидатской дис-

сертации, так и новые, которые исследователь приобрел в работе над 1-м томом «Истории Польши». Автор сумел в небольшой по объему научно-популярной книжке дать оригинальное исследование системы международных отношений в Восточной и (частично) Северной Европе, безошибочно выделив в ней главное звено — эволюцию отношений между Россией, Польшей и Великим княжеством Литовским. Отсюда — парадоксальное на первый взгляд, но в действительности глубоко верное центральное положение работы о том, что заключение Люблинской унии между Польшей и Великим княжеством Литовским означало поворотный пункт в Ливонской войне, что именно это событие определяло безуспешный (на этом этапе) итог борьбы за выход России к Балтийскому морю. Правда, в 1950—1960-е годы эта тематика уже не была главной для Владимира Дорофеевича, она постепенно переходила на задний план. Однако именно в эти годы новаторские работы в области изучения международных отношений стали встречать широкий отклик у его коллег и младших товарищей. Отзвук призывов Владимира Дорофеевича к выходу за рамки двусторонних контактов, к изучению системы международных отношений как единого целого отчетливо ощущается в широкой панораме развития Восточной Европы в XIV—XVI вв., созданной в работах его соученика и товарища И. Б. Грекова; ряд впервые примененных Владимиром Дорофеевичем методических приемов был использован в специальных исследованиях его младших коллег, выполнявшихся часто по его инициативе и под его руководством. Если сейчас Институт славяноведения и балканистики обладает единственным в Союзе коллективом квалифицированных специалистов, способным решать любые задачи при изучении сложной проблематики международных отношений Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы эпохи позднего феодализма, то это двойная заслуга ученого как исследователя, воздействовавшего своим личным примером, и как организатора науки, умевшего направить и поддержать деятельность товарищей.

В собственном творчестве Владимира Дорофеевича чем дальше, тем больше стали доминировать исследования ранней истории славян от «переселения народов» до конца раннего средневековья. Интерес к этой эпохе, стойкий и серьезный, возник у исследователя еще в студенческие годы, с проблематикой раннего феодализма связаны его первые печатные работы, увидевшие свет в 1946 г. Однако лишь со второй половины 1950-х годов исследование этой

исторической эпохи решительно вышло в творчестве Владимира Дорофеевича на передний план и стало главным, преобладающим объектом его научных интересов.

Наиболее показательным внешним признаком такого перелома в научных интересах Владимира Дорофеевича стало появление в 1957 г. его книги «Древнепольское государство», содержавшей, однако, в некотором противоречии с названием всестороннюю, целостную характеристику всей эпохи перехода от первобытнообщинного к классовому феодальному строю на польских землях.

Работа эта была одним из первых в советской литературе специальных монографических исследований по истории эпохи общественного развития зарубежных славянских стран, а по истории Польши она и поныне остается единственным у нас образцом обобщающего труда такого рода. По содержанию исследование представляло собой дальнейшую специальную разработку соответствующей части концепции, положенной в основу 1-го тома «Истории Польши», а появление его означало, что автор окончательно решил для себя, вокруг какой тематики и какой эпохи будет в дальнейшем сконцентрирована его главная деятельность.

Решительное предпочтение, отданное исследователем именно эпохе перехода от первобытнообщинного строя к феодализму, конечно, не было случайным. Тяготение к раннефеодальной эпохе объяснялось стремлением к осуществлению «доказательного синтеза», т. е. такой обобщенной характеристики большой проблемы или большой исторической эпохи, которая могла бы опираться прямо и непосредственно на данные источниковедческого анализа. Владимир Дорофеевич как прекрасный аналитик, обладавший незаурядным комбинационным талантом, и одновременно исследователь, стремившийся к решению наиболее общих проблем исторического развития, добивался, как кажется, создания исследования такого типа, в котором бы гармонически сочетались элементы синтеза и анализа. Такую уникальную возможность могла дать ему лишь эпоха раннего феодализма.

Эти стремления, как представляется, реализовались с наибольшим творческим эффектом в жанре, условно говоря, проблемного очерка, точного, сжатого, емкого исследования какой-либо важной и спорной проблемы. К этому жанру Владимир Дорофеевич пришел, может быть, в какой-то мере стихийно уже в самом начале своего творческого пути. Именно таким проблемным очерком явилась одна из первых работ ученого по истории ранних славян «Госу-

дарство Готшалка» (1947), где решается крупная историческая проблема — какое сочетание внешних и внутренних факторов определило неудачу попыток создания феодальной государственности у полабских славян. Анализ источников прямо приводит к решению проблемы, отнюдь не частной, а самой существенной, к выяснению причин исторической судьбы полабских славян, и все это в рамках объема, ограниченные рамки которого как будто способствуют ясности скупой и точной аргументации.

В избранной для дальнейшего специального изучения эпохе Владимира Дорофеевича интересовало все. Достаточно рассмотреть тематику его откликов на выходившие работы, чтобы понять, что не было проблемы, по которой он не высказал бы своего мнения, не было нового явления в науке, на которое бы он не отреагировал. Можно (и нужно), однако, выделить ряд характерных тем, к которым ученый обращался неоднократно на протяжении длительного времени. Одной из них был вопрос о рамках переходного периода от первобытнообщинного общества к феодализму. Уже в «Древнепольском государстве» ученый констатировал, что период VI—VII вв. в жизни славян следует оценить как время, когда распад первобытнообщинного строя был уже совершившимся фактом, а в известиях письменных источников X—XI вв. мы имеем дело с вполне сформировавшимся феодальным государством и обществом. Владимир Дорофеевич настойчиво ставил вопрос о том, что период, лежавший между этими двумя хронологическими отрезками, являлся уже периодом классового общества и задача науки состоит в том, чтобы выявить, в каких примитивных, неразвитых, может быть внешне и не отличимых от институтов эпохи военной демократии, формах осуществлялось на этом этапе господство феодальных отношений в обществе. Владимир Дорофеевич, впрочем, отчетливо видел огромные трудности, стоящие на пути к решению этой задачи, которая и в настоящее время сохраняет свою актуальность.

Другой вопрос, постоянно волновавший Владимира Дорофеевича,— это роль рабовладельческого уклада в процессе становления феодального общества. Вопреки распространенному в 1950-е годы представлению о падении роли этого уклада с сложением феодальных отношений он отстаивал иную точку зрения, которая, как представляется, гораздо больше соответствовала сложности исторической диалектики процесса генезиса феодализма. По его мнению, формирование феодальных отношений на первых

этапах привело к временному усилению роли рабовладельческого уклада, что в определенной мере способствовало развитию феодализма в целом и имело прямое отношение к возникновению в дальнейшем в феодальном обществе таких социальных слоев крестьянства, для которых были характерны тяжелые формы зависимости и примитивная отработочная рента. В настоящее время эта точка зрения на роль рабства не без активного участия Владимира Дорофеевича получила преобладание в нашей исторической литературе.

Указанные выше темы лежали в центре внимания многих исследователей, занимавшихся проблематикой генезиса феодализма. Вместе с тем следует отметить, что ряд тем, важных в то время для большинства ученых, не интересовал специально Владимира Дорофеевича и, напротив, некоторые темы, периферийные для других исследователей, занимали его в первую очередь, чем и определялась особая позиция ученого в изучении этой исторической эпохи.

Так, Владимир Дорофеевич никогда не занимался специально исследованием основных закономерностей процессов социально-экономического развития, определявших переход славянского общества к феодализму. Разумеется, он всецело признавал их ведущую и определяющую роль и в целом разделял общее понимание их характера, как оно сложилось в историографии 50—60-х годов (об этом может свидетельствовать хотя бы пространная характеристика процесса формирования классового общества на польских землях в «Древнепольском государстве»), но его главное внимание привлекали иные аспекты явлений. Его отпор вызывала стихийно проявлявшаяся в литературе тех лет тенденция трактовать эти процессы как нечто самодовлеющее, развивающееся в полной изоляции, полностью свободное от каких-либо внешних воздействий. Такому подходу Владимир Дорофеевич противопоставлял взгляд на процессы внутреннего развития общества, как на такие процессы, которые неизбежно найдут свое отражение и в деятельности этого общества, обращенной вовне, и тем самым окажут воздействие на развитие другого общества, соседящего с первым. Славянский мир ученый рассматривал как совокупность обществ, находящихся в достаточно сложных и противоречивых отношениях как между собой, так и со своим неславянским окружением. Во взаимодействии внутренних факторов и внешних условий развития отдельных славянских обществ Владимир Доро-

феевич искал объяснение неравномерности развития отдельных частей славянского мира (при общей принципиальной однородности их социально-экономического развития), отличий длительности и интенсивности перехода от первобытнообщинного строя к феодализму в разных районах. При этом исследователь подчеркивал, что одни и те же факторы могут оказывать противоположное воздействие на общество на отдельных этапах его развития.

Уже в своем исследовании о Древнепольском государстве Владимир Дорофеевич сумел удачно объяснить ряд особенностей исторического развития на польских землях характером того внешнего окружения, с которым эти земли контактировали, но специальную разработку вопрос о взаимодействии внешних условий и внутренних факторов развития получил в его исследованиях по истории полабских славян. Исследователь в них убедительно показал, что неблагоприятная ситуация постоянного внешнего натиска со стороны немецких феодалов затормозила развитие полабских славян в IX—XI вв., не дав им пройти важнейший переломный этап на пути к созданию феодальной государственности, в то время как ранее они даже опережали в своем развитии другие части славянского мира.

Среди таких исследований надо особо выделить работу «Государство бодричей в правление князя Готшалка», в которой не только прослежены исторические условия, в которых протекало развитие Бодричского государства в первой половине XI в., но и дана яркая картина внутренних конфликтов в самом Бодричском государстве в первой половине XI в., драматических поисков выхода из порожденного историческим процессом положения. Очевидно стремление автора рассматривать полабских славян не как объект, а прежде всего как субъект истории. Характерен в этой связи яркий образ князя бодричей Готшалка, в котором в отличие от некоторых других исследователей В. Д. Королюк видит вовсе не «немецкое орудие», а крупного и опытного политика, умело использовавшего противоречия между Саксонией и Данией, между саксонскими герцогами и архиепископством Гамбургским для укрепления Бодричского государства.

Эти особенности в еще большей мере присущи главной работе Владимира Дорофеевича этого периода — монографии «Западные славяне и Киевская Русь», защищенной им в 1965 г. в качестве докторской диссертации. По жанру как опыт реконструкции системы отношений ряда государств эта работа не была для Владимира Дорофеевича чем-то

принципиально новым (подобным сюжетом он занимался в своей кандидатской диссертации), но принципиально иной, более широкой была задача — характеристика целой эпохи в истории международных отношений, и несравненно более узкой была источниковедческая база. Успех здесь прямо зависел от способности исследователя сопоставить между собой скудные данные источников и прочесть их по-новому, преодолевая груз традиции. Из этого испытания Владимир Дорофеевич вышел с честью. Обрисованная им широкая панорама развития в своих важнейших частях как раз и опирается на новое оригинальное прочтение таких многократно разбиравшихся исследователями источников, как летописная запись о походе Владимира киевского «к ляхом» или грамота 1086 г. с ее знаменитым описанием границ Пражского епископства.

В этой книге, написанной в то время, когда ученый возглавил сектор истории славяно-германских отношений Института славяноведения, и тесно связанной с тематикой работы этого сектора, получил дальнейшее обоснование и развитие тот подход к изучению славянских контактов с германским феодальным миром, который проявился в его более ранних работах по истории полабских славян. Всем содержанием книги глубоко и всесторонне обосновано положение, что первые славянские государства были не только объектом, но и субъектом истории, показана не только борьба, например, Польши и Чехии с Империей, но и их воздействие на политику этой державы, охарактеризована их самостоятельная роль в «создании Европы». Этой же цели служило, по существу, и раскрытие другой ведущей темы работы — истории политических взаимоотношений западных и восточных славян в X—XI вв., так как это исследование показывало, что в историческом развитии первых славянских государств их отношения между собой имели ничуть не меньшее значение, чем их отношения с Священной Римской империей или Византией.

Особо следует сказать об освещении в работе начального этапа отношений Древнепольского государства и Киевской Руси. В посвященных этой теме разделах ученый продолжил борьбу с традициями националистической буржуазной историографии, начатую им в кандидатской диссертации.

Одной из сквозных тем научного творчества В. Д. Королюка был вопрос о причинах неравномерного развития отдельных частей славянского мира, в частности о причинах различий в историческом развитии южных и западных

славян в период раннего средневековья. В работе «Древнепольское государство» Владимир Дорофеевич усматривал главную причину этих различий в том, что на тех территориях, где расселились южные славяне, существовал ранее рабовладельческий способ производства и, следовательно, имели место определенные элементы синтеза.

Эти наблюдения послужили исходным пунктом для дальнейшей, более углубленной разработки вопроса об особенностях исторического развития уже не только южных славян, но и Юго-Восточной и части Центральной Европы в период раннего средневековья. Внешним толчком для обращения Владимира Дорофеевича к специальному рассмотрению темы послужила происшедшая в конце 60-х годов перестройка Института славяноведения в Институт славяноведения и балканистики, в котором он занял пост заведующего сектором древней истории и средних веков.

С перестройкой института перед членами коллектива, в том числе и перед исследователями эпохи феодализма, встали задачи более широкого масштабного подхода к традиционной проблематике с учетом исторических судеб и особенностей развития всех народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Для Владимира Дорофеевича переход к этой новой проблематике прошел свободно и естественно, более того, думается, он отвечал его стремлению к расширению и усложнению объекта исследований. Представляется, что обращение к изучению особенностей развития именно Юго-Восточной Европы для ученого не было случайным. Анализ процессов, протекавших в этом регионе, где сталкивалось между собой местное и пришлое население, взаимодействовали общности, не только резко отличные друг от друга этнически, но и подчас принадлежащие к разным культурно-хозяйственным типам, давал возможность наиболее полно и всесторонне рассмотреть вопрос о взаимодействии внутренних факторов и внешних условий развития раннефеодального общества. Думается, что внимание к этой стороне дела позволило Владимиру Дорофеевичу удачно выделить основные характерные черты, которые заставляют определить эту часть Европы как регион с особыми, отличными от того, что мы наблюдаем в других районах, конкретно-историческими путями формирования классового общества, государства, народностей.

Интерес к изучению характерных для Юго-Восточной Европы процессов, осложненных контактами этносоциальных общностей разного уровня, наложил свой отпечаток и на исследования Владимира Дорофеевича в области этно-

генеза, занявшие с конца 1960-х годов центральное место в его научном творчестве. Стойкий интерес к этой проблематике был характерен для Владимира Дорофеевича, впрочем, и на ранних этапах его деятельности: уже в «Древнепольском государстве» он настойчиво пытался проследить диалектику взаимосвязей между процессом формирования феодального государства и процессом формирования раннефеодальной народности. Для позднего творчества Владимира Дорофеевича характерно, однако, что в этой проблематике его привлек наиболее своеобразный, наиболее нетипичный для всего европейского ареала вариант развития: процесс формирования классового общества, государства и народностей у восточных романцев. Для ученого было интересно, что речь шла об этносе с особым, пастушеским типом хозяйства, чье и социальное и этническое развитие длительное время протекало не только в окружении этносов иных и в языковом и в культурно-хозяйственном отношении, но и на территории созданных этими этносами государственных образований. Этническому и социальному развитию восточных романцев Владимир Дорофеевич предполагал посвятить особое большое исследование, но, к сожалению, из-за болезни ему удалось реализовать лишь часть замысла. В его статьях с анализом древнейших упоминаний о «волохах» в Подунавье, которые содержатся в «Повести временных лет» и венгерском «Анониме» конца XII в., была предпринята попытка нового прочтения давно известных свидетельств в контексте историко-политических концепций их авторов, Нестора и неизвестного по имени венгерского хрониста, которая привела исследователя к заключению, что оба источника содержат достоверные свидетельства о проживании восточнороманского населения в Подунавье в период раннего средневековья. В методическом плане большой интерес представляет выдвинутое Владимиром Дорофеевичем положение о многозначности этнонимов, использовавшихся хронистами, когда один этнос может обозначаться несколькими названиями и, наоборот, один термин может служить для обозначения различных (и в разное время существовавших) этнических общностей.

Важное место в научном творчестве Владимира Дорофеевича этих лет занимает также его выступление на дискуссии по вопросу о том, каково происхождение тех свидетельств славянского самосознания, которые обнаруживаются в произведениях славянских (или работавших в славянских странах) хронистов эпохи раннего средневековья. Вопреки точке зрения ряда исследователей, утверждавших, что

понятие о славянах как единой этнической общности, включающей в свой состав разные племена, а затем и разные народности, возникло первоначально в неславянском мире, а затем было заимствовано образованной верхушкой отдельных славянских стран, Владимир Дорофеевич убедительно показал, что в основе этого представления лежат старые народные традиции, разумеется, известным образом трансформированные в условиях возникновения отдельных славянских государств и народностей и синтезированные в трудах хронистов с определенными элементами европейской образованности, но ничуть не ставшие от этого менее реальными. Большой интерес представляют приемы прочтения источников, использованные автором в этом исследовании. Так, разбирая «Хронику» Козьмы Пражского, чешского хрониста начала XII в., Владимир Дорофеевич начинает с того, что вопрос о славянском происхождении «чехов», их выделении из общей массы «славян» не играет в схеме данного автора никакой роли, и именно попутные, случайные замечания в отдельных местах его труда показывают, что для хрониста представление о чехах как славянах было чем-то само собой разумеющимся, принадлежало не к верхушечным, а наиболее почвенным слоям его сознания. Эта работа хорошо показывает, что Владимир Дорофеевич был в своем творчестве не только смелым новатором, но и умелым защитником реальных достижений, когда они подвергались необоснованной критике.

В последнее десятилетие своей жизни Владимир Дорофеевич был не только исследователем проблем этногенеза, но и организатором и руководителем этногенетических исследований в масштабах не только своего сектора, но и всего института. С работой над решением сложных задач организации и ориентации этих исследований связано появление статьи под внешне скромным названием «К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев». Помимо чисто научных, статья эта преследовала и важные научно-организационные цели. В момент, когда коллективу историков института, специалистов по истории феодализма, предстояло перейти к исследованиям новой для него проблематики, когда встал вопрос о совместном изучении проблемы этногенеза коллективами исследователей разных специальностей, было очень важно критически пересмотреть ошибки и достижения имеющихся этногенетических исследований и наметить общие методологические основы, на которые могли бы опираться как узкоконкретные, так и обобщающе-комплексные исследования этноге-

нетических процессов. Понятно, что успешно решить такую задачу мог лишь ученый с широким кругозором, свободно ориентирующийся в данных ряда смежных наук и, наконец, способный изложить большой и сложный вопрос в сжатой и четкой форме. Владимир Дорофеевич был специалистом именно такого типа, а решение подобной задачи отвечало склонностям его научного дарования.

В этой работе ученый не только сумел удачно суммировать достижения различных наук в области этногенетических исследований, он тонко и разносторонне выявил те трудности как конкретно-исторического, так и общеметодологического порядка, которые препятствуют прогрессу исследований отдельных конкретных наук и еще более осуществлению комплексных этногенетических исследований. Учитывая в полной мере реальное положение дел, а также принимая во внимание достижения этнографов в разработке определения этноса и его характерных особенностей, Владимир Дорофеевич очертил возможную программу этногенетических исследований, основанную на признании своеобразного подхода отдельных наук к общему объекту, а вместе с тем необходимости их взаимосвязи, основанной на точном учете удельного веса и соотношения разных сфер деятельности этноса. Программа эта, как подчеркнул в заключении к работе Владимир Дорофеевич, была адресована представителям целого ряда наук и охватила очень широкий круг вопросов, далеко превышая скромные возможности того коллектива, который он реально возглавлял. Однако проделанное исследование позволило ему уверенно выделить из сложного комплекса проблем самое важное, определяющее звено, которое должно стать объектом исследования в первую очередь. Свободно ориентируясь в достижениях нашей этнографии в области теории этноса, Владимир Дорофеевич в полной мере сумел оценить то важное положение, что главным, определяющим фактом конституирования особого этноса является наличие у него этнического самосознания. Опираясь на это положение, ученый пришел к выводу, что для научной реконструкции истории возникновения того или иного этноса прежде всего необходимо воссоздание истории формирования его этнического самосознания. Так определилась главная, первоочередная задача этногенетических исследований, а ее выбор позволил наметить и пути решения: такое исследование могло быть осуществлено лишь на базе письменных источников, исходящих прежде всего от данного этноса и отражающих непосредственно его идейно-политическую жизнь.

Именно исходя из этих, обоснованных Владимиром Дорофеевичем положений, коллектив исследователей, работавших под его руководством, сумел подготовить первое не только в советской, но и в зарубежной историографии обобщающее исследование по истории формирования этнического самосознания славянских народов в период раннего средневековья. Так был реализован один из наиболее интересных творческих замыслов ученого. Отдавая этой работе, несмотря на тяжелую болезнь, много сил и энергии, Владимир Дорофеевич еще успел довести ее до момента сдачи в издательство, но увидеть ее изданной ему уже не пришлось.

При внимательном чтении работ, написанных Владимиром Дорофеевичем в последнее десятилетие его творческой жизни, бросается в глаза одна их особенность. Исследователь в них не столько предлагал свое решение каких-либо проблем (как это бывало в его более ранних трудах), сколько ставил проблемы, концентрировал внимание на пробелах, трудностях и упущениях в освещении различных тем, формулировал программу исследований для многих специалистов разных наук на десятки лет. Как будто в творческом воображении ученого рисовалась картина будущего синтеза всей сложной проблематики раннефеодальной эпохи и он, будучи уже пожилым человеком, торопился высказать свои соображения о том, каким этот синтез должен быть. Эти обращенные в будущее работы Владимира Дорофеевича еще долго будут сохранять свою актуальность, ибо потребуется много времени и сил, чтобы осуществить все те задачи, которые поставил перед учеными его богатый творческими планами ум.

Характеристика Владимира Дорофеевича как ученого была бы неполной, если не сказать хотя бы несколько слов о нем как руководителе научного коллектива. Первый творческий коллектив, который возглавил в начале 1960-х годов Владимир Дорофеевич, был коллектив сектора славяно-германских отношений. Положение его на этом посту было необычным, нестандартным. Известно, что сектор создавался для решения важной научной и политической задачи — дать научно-объективное освещение истории славяно-германских отношений в прошлом и раскрыть несостоятельность той трактовки этой темы, которую выдвигало реваншистское направление в западногерманской исторической науке. При этом само собой разумелось, что доминировать будет в исследовательской тематике сектора изучение славяно-германских отношений XIX—XX вв., и сектор в основ-

ном и состоял из специалистов по этой проблематике. Естественно было бы ожидать, что когда во главе коллектива стоит историк-медиевист, никогда в исследовательском плане славяно-германскими отношениями нового и новейшего времени не занимавшийся, в работе коллектива могут возникнуть трудности и сложности. Однако этого не произошло. Дело не только в том, что в коллективе ни у кого не было сомнений в добром и отзывчивом отношении Владимира Дорофеевича ко всем своим товарищам, в его прекрасных, всем известных человеческих качествах. Чисто научный авторитет Владимира Дорофеевича был непререкаемым. За счет чего же это получалось? Конечно, в его новом положении Владимиру Дорофеевичу помогла та широта интересов, о которой уже говорилось выше: о славяно-германских отношениях XIX—XX вв., как и многом другом, чем Владимир Дорофеевич специально никогда не занимался, он знал немало, а по многим вопросам имел самостоятельные суждения, конечно, еще до того, как образовался сектор. Всего это, однако, не объясняет. Всей проблематики этой эпохи Владимир Дорофеевич, конечно, знать не мог, тем более что на заседаниях сектора выступали часто не только сотрудники сектора, о занятиях и темах которых заведующий, естественно, знал, но и вообще широкий круг людей, занимавшихся славяно-германскими отношениями XIX—XX вв. Неоднократно бывало так, что содержание обсуждавшейся работы становилось известным ему лишь на заседании. Однако читал ли Владимир Дорофеевич работу заранее или знакомился с ней лишь на заседании, результат был один. В небольшом десятиминутном (не более) выступлении Владимир Дорофеевич не только резюмировал самую суть дискуссии, но и выяснял причину успехов (и неудач) докладчика, формулировал, что следует делать дальше, чтобы преодолеть возникшие трудности. В его блестящих, коротких выступлениях, которые так и хочется назвать «научной импровизацией», в сгущенном, конденсированном виде отразились такие особенности научного дарования Владимира Дорофеевича, как острота реакции на новое и умение сразу сориентироваться в новой, неизвестной ситуации и определить самую суть проблемы, а также незаурядная художественная одаренность, ибо эти экспромты всегда отличались четкой прозрачной конструкцией и изяществом изложения. Можно только пожалеть, что эти яркие порождения творческого таланта Владимира Дорофеевича в силу обстоятельств сохраняются лишь в памяти тех, кто их слышал.

Обращала на себя внимание одна черта этих выступлений. Чаще всего (бывали, конечно, отдельные исключения, но не о них речь) это не были выступления начальника, заведующего, даже в тех случаях, когда имели место подчас серьезные ошибки и упущения и, как казалось, надо было сурово обрушиться на автора такой работы. Владимир Дорофеевич излагал свои соображения очень ровно, спокойно, облекал их в форму дружеского совета, как бы и необязательного для того, кому он дается. Это, однако, вовсе не было проявлением заслуживающей сожаления снисходительности. Владимир Дорофеевич, придавая своим выступлениям такую форму, преследовал самую существенную в данном случае цель: он добивался того, чтобы автор взялся за усовершенствование своей работы, и именно потому старался максимально смягчить форму своих рекомендаций, снять все возможные моменты личного раздражения, личных амбиций и сделать автора восприимчивым к самому содержанию предложенных ему аргументов.

И в секторе славяно-германских отношений и в секторе древней истории и средних веков — в обоих коллективах, руководителем которых был Владимир Дорофеевич, всегда царила атмосфера теплых, дружеских отношений, настроение праздничной приподнятости и ожидания открытия. Конечно, такая атмосфера возникала не сама по себе, ее сохранение было результатом напряженных усилий Владимира Дорофеевича, отнимавших у него времени не меньше, чем его собственное творчество. Институт за долгие 30 лет привык видеть в своих рядах Владимира Дорофеевича и воспринимать как само собой разумеющееся, что в его коллективе находился такой человек, всегда полный творческих планов, постоянно будивший творческую мысль коллег, нарушавший устоявшиеся границы между специальностями, ставивший перед своими товарищами новые, непривычные, вчера еще не существовавшие вопросы, человек, много лет поднимавший общее настроение коллектива своим жизнелюбием и оптимизмом, радостным отношением и к творчеству и к жизни.

Сейчас мы можем сказать, что усилия Владимира Дорофеевича не остались бесплодными. Под его влиянием многие молодые исследователи не только в институте, но и в Москве, во всей стране вышли на самостоятельную творческую дорогу. Научное наследие Владимира Дорофеевича не останется втуне, мысли его получат развитие, а планы будут осуществлены, потому что для этого есть все условия.

I

ФОРМИРОВАНИЕ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы

Думается, что, прежде чем перейти к характеристике формирования раннефеодальной государственности у славянских народов Восточной и Центральной Европы, следовало бы несколько слов посвятить объяснению причин, по которым в настоящий момент представляется более целесообразным ограничиться главным образом материалом восточных и западных славян, не прибегая к сопоставлению их развития с соответствующими процессами у славян южных. Это не значит, конечно, что сопоставление такого рода не представляется автору этих строк интересным и даже в высшей степени необходимым. Как раз наоборот. Особенности сохранившихся по истории раннефеодального периода источников южнославянского происхождения таковы, что привлечение их для анализа и даже реконструкции некоторых важнейших общественных и государственных институтов исследуемой эпохи кажется совершенно обязательным. Об этом хорошо свидетельствуют некоторые работы советских славистов-медиевистов, особенно по истории раннефеодальной Хорватии и Сербии [1].

И тем не менее для действительно полного и всестороннего сравнительно-исторического анализа процессов становления феодальных отношений и формирования раннефеодальной государственности у восточных и западных славян, с одной стороны, и у южных — с другой, по всей видимости, не пришло еще время (речь не идет, разумеется, о возможности привлечения южнославянского материала для

анализа отдельных явлений общественной жизни восточных и западных славян). И дело здесь прежде всего в том, что исходные условия, в которых начинались эти процессы в Центральной и Восточной Европе и в Европе Юго-Восточной, были существенно различны. В отличие от восточных и основной массы западных славян у славян южных процессы генезиса феодализма, становления государственности и формирования средневековых народностей были связаны, пусть и не в одинаковой мере, с процессами социально-экономического и этнического синтеза античности и варварства. В настоящее время очевидно, что уже нельзя изучать южнославянское раннее средневековье в полном отрыве от проблемы античного наследства, исходя из того предположения, что славяне, заселявшие Балканский полуостров, столкнулись здесь фактически с полным культурным вакуумом. Такого вакуума, как полагали еще недавно некоторые наши болгаристы [2], не было. Не было его не только в этническом смысле, как это было, очевидно, ранее и как это хорошо показали последние исследования этнографов, констатировавшие заметное влияние местного балканского этнического субстрата на развитие южнославянских народов [3], не было его и в смысле культурном. В последнем случае особенно большой интерес представляют некоторые новые исследования болгарских историков и археологов. Правда, в центре их внимания находятся не столько проблемы античного наследия, сколько сравнительно-историческое изучение славянского и протоболгарского вклада в болгарскую культуру раннего средневековья [4], однако и по интересующей нас проблеме античного наследия были сделаны некоторые существенные наблюдения, позволяющие говорить об элементах синтеза античности и варварства на территории Болгарии в области материальной, прежде всего строительной, культуры. При этом нельзя не отметить, что соответствующие исследования имеют пока сравнительно локальный характер. Изучаются главным образом большие строительные комплексы в Плиске, Мадаре, а также раскопанном недалеко от Плиски так называемом ауле «царя Крума». В меньшей степени вопрос этот изучен на примере средневековых поселений чисто земледельческого типа. Сложным представляется и вопрос о соотношении античного наследства с фактором византийского влияния на территории раннефеодальной Болгарии.

К сожалению, применительно к другим территориям южного славянства вопрос о характере и значимости античного наследства изучен еще более слабо.

И тем не менее нельзя не констатировать того очевидного факта, что для Юго-Востока Европы, для южных славян решение проблемы социально-экономического и культурного синтеза античности и варварства является одним из ключевых вопросов исследования. А то обстоятельство, что вопрос этот сравнительно детальнее исследован применительно к Византии [5], в то время как применительно к ее славянским соседям все еще существует только в плане постановки проблемы, ни в коей мере не может вызвать удивления, тем более если учесть, что и по отношению к Западной Европе, прежде всего к франкам, где состояние источников гораздо более удовлетворительное, вопрос этот решается преимущественно только в плане констатации синтеза. Исторический механизм синтеза античных и варварских социально-экономических и этнических элементов и здесь практически очень слабо изучен. Возвращаясь к южным славянам, следует заметить также, что на особенностях их развития в раннефеодальный период не могло не сказаться близкое соседство с Византией. Если признание Юго-Восточной Европы одним из очагов социально-экономического и этнического синтеза античности и варварства можно в известной мере считать общим местом нашей историографии, то попытка типологически расчленить этот обширный регион была предпринята лишь в самое последнее время. К так называемому уравновешенному типу синтеза, где позднеримские и варварские начала участвовали в становлении феодализма «примерно в одинаковой пропорции», был отнесен подрегион, включающий территорию Сербии и Хорватии. Европейские владения Византии и частично территория Первого Болгарского царства были соответственно отнесены ко второму подрегиону синтеза, для которого характерно преобладание элементов позднеримского развития [6]. Нужно сказать, однако, что если отнесение европейских владений Византии к региону синтеза с преобладанием элементов позднеримского развития не вызывает сомнений, то характеристика первого региона как очага «умеренного» синтеза представляется слишком поспешной. Дело в том, что для региона этого отнюдь не показательна непрерывность античного континуитета, а этнический синтез развивался здесь совсем иным путем, чем в других европейских регионах «умеренного» синтеза. Здесь победили пришлые (в основном славянские) элементы.

Обстоятельства эти и побудили выделить Балканы (исключая европейские владения Византии и Далмацию) и земли паннонских славян и словаков в особую контактную

зону, которая на севере и востоке была ограничена территориями Моравии и Южной Польши, современной Молдавии и юго-западными украинскими землями [7].

Для контактной зоны были характерны особые пути этнического и социально-экономического синтеза, в котором участвовали как местное, так и пришлое земледельческое население, пришельцы-кочевники и автохтонное пастушеское население. Длительный процесс взаимодействия кочевого, земледельческого и пастушеского хозяйства и культуры наложил глубокий отпечаток на весь процесс формирования здесь государственности и народностей. Элементы культурного синтеза варварства и античности, несомненно, были в контактной зоне, но они нарастали в направлении с востока на запад и с севера на юг. Соответственно в самых общих чертах нарастали и отличия в процессах формирования государственности между восточно- и центральноевропейским бессинтезным регионом и контактной зоной. Активная политическая роль кочевого элемента оказывала огромное воздействие на развитие этих процессов, как и процессов формирования народностей [8].

Таковы в самых общих чертах обстоятельства, обусловившие особый по сравнению с западным и восточным славянством путь раннефеодального развития южных славян.

При переходе непосредственно к теме исследования было бы логично обрисовать положение, сложившееся в историографии в связи с определением начальной грани раннефеодального периода в истории Центральной и Восточной Европы, попытаться на основе существующего объема источников дать возможное решение этого вопроса.

Хотя в определении начальной грани раннефеодального периода в истории славянских народов и не существует особенно крупных разногласий между исследователями, остается фактом весьма условный и, разумеется, только приблизительный характер предлагаемой в литературе датировки перехода западных и восточных славян на пути феодального развития. Дело не только в том, что речь идет о сложном и длительном процессе формирования классового общества и соответствующих ему форм общественной организации, таком процессе, в котором только медленное количественное накопление элементов новых отношений подготавливало действительно решительный качественный скачок. Дело еще и в том, что имеющиеся в распоряжении исследователей источники именно для достаточно отчетливого установления периода такого качественного скачка оказываются совершенно недостаточными. Археологиче-

ские памятники, характеризующие материальную культуру славян V—VII вв., обследованы пока еще только весьма фрагментарно [9], не говоря уже о том, что само по себе изучение материальной сферы жизни общества не всегда дает право для окончательных суждений о формах организации общественного производства и общественных отношений рассматриваемого социального организма. Что касается духовной культуры славян V—VII вв., включая их религиозные представления, то по археологическим источникам соответствующего периода она практически вообще не может быть реконструирована. Но главным все же является фактическое отсутствие письменных источников, способных осветить качественные, эпохальные социальные сдвиги в развитии восточнославянского и западнославянского общества V—VII вв.

Такими источниками могли бы быть прежде всего юридические памятники, записи древних славянских правд либо пространные описания обычаев, быта и культуры славян писателями-иностранцами, побывавшими в славянской среде или собравшими сведения о восточных и западных славянах из первых рук, со слов очевидцев. К сожалению, именно такого рода источников, на основании которых историки судят о социальном строе германских народов или отчасти переселяющихся на Балканы южных славян, нет в распоряжении исследователя, занимающегося начальными этапами становления раннефеодального общества в славянской Восточной и Центральной Европе. Нужно учитывать при этом, что такого рода источники не могут заменить ни появляющиеся с VII в. упоминания о славянах в произведениях западного летописания, ни отрывочные до X в. сообщения восточных авторов [10]. И дело здесь не только в том, что анализ применяемой в этих источниках для характеристики общественных отношений терминологии не может дать достаточно точных результатов, так как всегда остается возможность, что, прибегая к определениям «король», «знать», «старейшие» и т. д., источники эти механически присваивают восточным и западным славянам общественную структуру, показательную для тех стран, где возникали эти исторические сочинения. Плохо разбиравшемуся в особенностях славянского быта средневековому летописцу вообще было вполне естественно воспользоваться для характеристики соседей привычной ему терминологией, ибо он мыслил в рамках сложившихся у него представлений об основах социальной организации общества или пользовался литературными стереотипами. Тем более

рискованно судить о развитии у славян института государственности на основании самих по себе первых упоминаний о князьях и княжеской власти, дружине и знати, равно как и на базе отсутствия таковых.

При таких условиях естественно, казалось бы, обратиться к источникам более поздним, этнографическим и письменным, чтобы воспользоваться методом исторической ретроспекции. Такие источники действительно есть, причем если речь идет об источниках письменных, не только иностранного, но и местного, восточно- и западнославянского происхождения. Они относятся в основном к X — началу XII в. и рисуют общество западных и восточных славян этого времени как типично раннефеодальное общество, причем достаточно зрелое, с XI в. переходящее уже на ступень развитого феодализма, о чем свидетельствует быстрое нарастание тенденций к феодальной раздробленности. Следовательно, процессы феодализации у славян Восточной и Центральной Европы развивались и до X в. Как процессы средневековые они должны были, само собой разумеется, развиваться средневековыми темпами, т. е. достаточно медленно. Но не является ли в таком случае это основанием для того, чтобы, сопоставив данные X—XII вв. с первыми упоминаниями в западных источниках о славянских политических образованиях, определить начальную грань раннефеодального периода. К сожалению, именно в этом вопросе — о начальной грани раннефеодального периода — очень перспективный вообще метод ретроспекции оказывается совершенно недостаточным.

Главная причина этого, как кажется, кроется в том коренном, окончательно установленном еще первыми исследованиями Б. Д. Грекова в области истории Киевской Руси факте [11], что славяне восточные, а следовательно, и развивавшиеся по одному с ними пути славяне Центральной Европы миновали в своем развитии рабовладение как социально-экономическую формацию. Именно это совершенно бесспорное сейчас для советских и зарубежных славянских исследователей положение и ограничивает в данном случае возможности ретроспективных поисков, тем более что применительно к рассматриваемому региону оно дополняется еще столь же бесспорным фактом, что в областях расселения восточных и западных славян не наблюдалось того социально-экономического синтеза, который столь показателен для стран Западной Европы и в определенной мере имел место на территории Балкан. Указания отдельных исследователей на раннерабовладельческий характер кельт-

ской цивилизации в Чехии[12] или на зарождение рабовладельческого уклада в античный период в Польше [13] не меняют дела, как не меняет его и влияние провинциальной римской культуры на отдельные регионы будущего расселения восточных и западных славян в период поздней Римской империи. Последующие бурные события эпохи переселения народов решительно изменили здесь весь предшествующий ход не только социального, но и этнического развития. Поэтому, хотя в дальнейшем какие-то элементы античного наследия, как и близость к очагам средиземноморской феодальной цивилизации, и выдвинули соответствующие регионы в ряд особенно быстро феодализирующихся (территория паннонских славян, Словакия, Моравия, Чехия, Киевская Русь) [14], все же социально-экономического и этнического синтеза варварства и рабовладения в том виде, в каком он произошел на Западе и даже в Византии, отчасти на Балканах, здесь не наблюдалось. Не было и слабых признаков античного континуитета ни в развитии городов и городской жизни, ни тем более в развитии церкви и ее организации. В данном случае общей оценки положения в Центральной и Восточной Европе не может изменить и расширительное толкование синтеза, данное Б. Ф. Поршневым [15]. Если даже в понятие синтеза включить любое усвоение античного наследства, пусть и опосредствованное (путем товарообмена, развития денежной системы, рецепции права, религиозных представлений, распространения письменности и т. д.), то и тогда придется скорее говорить о нарастании элементов синтеза по мере развития у восточных и западных славян феодальных отношений, чем о синтезе, лежащем в самой основе зарождения у них феодализма. Иначе говоря, понятие синтеза будет совпадать в этом случае с понятиями филиации античного континуитета и воздействия передовых феодальных стран Средиземноморья, Западной Европы и Востока на славян [16].

Кстати говоря, не этими ли коренными причинами, т. е. отсутствием у западных и восточных славян рабовладения как производственной системы и характерного для Западной Европы и отчасти Балкан социально-экономического синтеза, объясняются в какой-то мере особенности их феодальной структуры? В отличие от Запада в славянской Центральной и Восточной Европе не складывалась развитая ленная система. Зарождение купеческих и ремесленных корпораций не вело непосредственно к резкому правовому обособлению города от его сельскохозяйственной ок-

руги, феодальное общество не приобретало столь замкнутой и четкой корпоративной структуры. В то же время в отличие от Византии здесь не было обожествления верховной власти, церковь, несмотря на первоначальную, почти полную зависимость от князя, в конечном счете не находилась в столь сильном подчинении от светской власти, наконец, в самом обществе феодалов не наблюдалось чрезвычайно показательного для Византии отсутствия социальной стабильности. Это было достаточно стабильное, хотя и динамическое по своей структуре общество, о чем свидетельствует, кстати сказать, быстрый прогресс его материальной культуры, и не только в области земледелия, достигшего к X в. общеевропейского уровня [17–18], но и в области ремесла и торговли, обусловивших появление города и сложной и бурной городской политической жизни, столь ярко охарактеризованной нашей летописью уже применительно к Киевской Руси XI в.

Впрочем, все эти вопросы требуют еще больших дополнительных исследований. В данной связи важно только еще раз подчеркнуть отсутствие в Центральной и Восточной Европе в истории славян того особого промежуточного этапа социально-экономического синтеза, который сыграл столь важную роль в развитии Западной Европы и Византии и который в области материальной культуры может быть отмечен для территории контактной зоны.

Но это ведь как раз и затрудняет до крайности использование метода ретроспекции для установления точной начальной грани раннефеодального периода. Многие государственные институты раннефеодального общества при всем их качественном отличии генетически связаны с институтами эпохи военной демократии. Это и становящаяся наследственной княжеская власть, и дружина как политическая сила, ее поддерживавшая, это и наличие народного ополчения свободных мужей-общинников, это, наконец, и общинные повинности как средство укрепления экономического и политического положения знати, и дань как форма экономической эксплуатации общества князем и знатью, и патриархальное рабство и т. д.[19] Все эти институты, что крайне существенно подчеркнуть, переходили, унаследовались раннефеодальным обществом без какого-либо воздействия сохранявшихся рядом, как на Западе, античных условий, сразу не испытывали прямого воздействия со стороны соседних стран, являвшихся преемниками античной цивилизации. При таких условиях при определении начального рубежа раннефеодального периода в истории восточных и

западных славян приходится пользоваться прежде всего соображениями общеисторического характера. В свою очередь, только обосновав общеисторическими соображениями переход от их первобытнообщинной к феодальной фазе развития, мы приобретаем право на соответствующую интерпретацию даже самых ранних, крайне невыразительных данных письменных источников об общественном строе западных и восточных славян.

Крушение очагов рабовладельческого способа производства в Западной и Юго-Восточной Европе, социально-экономический синтез в Византии и на Западе, образование на Юго-Востоке Европы обширной контактной зоны открыли пути для общеевропейского феодального развития. Существенную роль в установлении феодализма в Европе сыграли и славянские племена. С их могучим натиском тесно связано формирование Византии как крупнейшей в Европе феодальной державы [20]. Косвенно, оказывая давление на германцев, славяне приняли участие и в ликвидации очага рабовладельческого строя в Западной Европе [21].

Принимая в качестве начальной грани раннефеодального периода рубеж VI—VII вв., приходится исходить из следующей совокупности фактов. Балканские войны славян VI—VII вв. были завершающим этапом великого переселения народов [22]. Славянские переселения в этот период в основном заканчивались. Передвижения ободритов VIII в. едва ли могут изменить общую картину, точно так же как и переселение уличей с Днепра в междуречье Днестра и Буга [23]. Одновременно происходит постепенное преодоление хозяйственного упадка V—VI вв. Об этом свидетельствует как будто западнославянский археологический материал [24].

Наконец, в VII в., причем у всех трех ветвей славянства, источники отмечают первые попытки создания относительно крупных политических образований. Речь идет о протоболгарской державе на Балканах, об аварском каганате в Паннонии, экономической основой которого, как и царства Аспаруха, являлось земледельческое славянское население [25], о так называемой державе Само, в которой ряд исследователей усматривает государственное образование — предшественника Великой Моравии [26]. Что касается политического объединения волынян, которое обычно локализируется на юго-западе восточнославянской территории, то следует подчеркнуть, что сохранившиеся не вполне ясные сведения в источниках арабского происхождения не дают основания для окончательного решения вопроса [27].

Но следует ли из этого тезис о равномерности и син-

хронности процессов социально-экономического развития славян, об их относительно одинаковом культурном уровне уже на первом этапе формирования феодального строя? Кажущийся совершенно очевидным на первый взгляд тезис этот при ближайшем рассмотрении оказывается, однако, требующим поправок. Не говоря уже об особенностях исторического пути южного славянства, существенные различия в области культуры обнаруживаются и внутри самих отдельных славянских ветвей. Для этого достаточно сравнить энергические темпы исторического развития полян с периферийным характером культуры вятичей на Руси, Моравии и Словакии, связанных с контактной зоной, и даже Чехии, с одной стороны, Польши — с другой, даже Малой или Великой Польши с Мазовией в пределах расселения самих польских славян. Выравнивание темпов их исторического развития, достижение близких уровней в области материальной культуры и общественного устройства оказываются делом сравнительно отдаленного будущего. Вполне четкий характер все эти процессы приобретают только в X и даже в XI в., на что, впрочем, уже неоднократно обращалось внимание в литературе вопроса [28].

Поэтому, принимая для восточных и западных славян единый начальный рубеж для раннефеодального периода, следует сразу же оговориться не только об условности этого рубежа, но и о том, что в дальнейшем процессы феодализации общества в отдельных частях славянской Восточной и Центральной Европы развивались с разной степенью интенсивности. В сущности говоря, предлагаемую грань — рубеж VI—VII вв.— следует понимать как terminus post quem.

При такой постановке вопроса все другие, на первый взгляд более точные, попытки определения рассматриваемого рубежа — VIII или IX в.[29], не будучи сколько-нибудь достаточно обоснованными современными событиям источниками, по существу оказываются излишними и даже таящими в себе бóльшую возможность ошибок, чем принятый выше рубеж [30].

По сравнению с начальной гранью значительно более четко, по состоянию имеющихся источников, рисуются другие этапы формирования у западных и восточных славян феодального общества и развития раннефеодальной государственности. Это тем более понятно, что социально-экономические основы соответствующих процессов VIII—XI вв. достаточно детально исследованы в историографии [31].

Наиболее ранней и примитивной формой возникающей

у славян государственности следует считать, по-видимому, политическое образование типа племенных княжений. Генетически они восходят к политическим организациям эпохи военной демократии, большим территориальным племенам, в свою очередь состоящим из нескольких так называемых малых племен. В военно-административном смысле племенные княжения опирались на систему укрепленных поселений — градов, бывших не только культовыми центрами, местами убежища для окрестного населения в период военных действий, но и центрами местопребывания князя с дружиной, а в дальнейшем, по-видимому, и укрепленными усадьбами знати [32].

На этой стадии развития основную массу населения составляли свободные мужи-общинники. Но уже существовала социально обособившаяся потомственная знать с князем и его дружиной. В хозяйстве знати использовался труд рабов, рекрутировавшихся из числа военнопленных. Укрепляя свое положение, знать и князь присваивали себе общинные взносы и использовали в свою пользу общинные повинности. Военная добыча, собираемая с соседей дань были существенным фактором материальной силы господствующего слоя.

Племенные княжения, названия которых сохранили нам главным образом источники IX и последующих веков, существовали в течение очень длительного времени — с VII по X и даже XI в. Вятический князь Ходота со своим сыном упоминается еще в поучении Владимира Мономаха [33]. Столь длительное в отдельных частях славянского мира сохранение племенных княжений даже в тот период, когда в рамках развивающихся новых процессов формирования славянской раннефеодальной государственности они представляли собой очевидный анахронизм, является не только показателем неравномерности развития процесса феодализации восточных и западных славян в целом. В определенной мере оно связано и с прочностью сложившихся племенных границ, отчетливо сказавшейся впоследствии в период феодальной раздробленности. Дело в том, что племенные княжения были не только территориальными политическими образованиями, но и определенными этническими единицами. Территория племенного княжения была одновременно и областью распространения, если так можно выразиться, небольшого народца [34], отличавшегося особенностями своего быта, обычаев, элементами материальной культуры. Последующее политическое развитие племенного княжения нарушало эти этнические границы, но не

могло, очевидно, их разрушить. Именно эту особенность племенных княжений отмечает «Повесть временных лет», когда подчеркивает, что древнерусские племена «имяху бо обычаи свои и закон отець своих и преданья, кождо свой нрав» [35]. По-видимому, к такого рода этнографическим и политическим категориям относился первоначально главным образом и западный термин VIII—IX вв. «nationes», о которых говорится, что они (т. е. славянские народы) отличаются между собой обычаями и образом жизни [36].

Дальнейший процесс формирования раннефеодального государства шел по линии подчинения одними племенными княжествами других. В результате такой политической интеграции образовывались более крупные политические организмы, охватывающие группы близкородственных по населению племенных территорий. Особенностью процесса политической интеграции было то обстоятельство, что, как правило, выделялось не одно, а два или несколько племенных княжеств, становившихся центрами политического объединения. В Чехии такими центрами стали княжество чехов и княжество зличан с центром в Либице, где правила самостоятельная династия Славниковцев. В Польше вслед за вислянами образуется еще один центр объединения — княжество полян с правящей династией Пястов. Несколько центров политического стяжения племенных княжеств нужно отметить на Руси — в Среднем Приднепровье и на севере [37]. В качестве одного из таких центров следует, по-видимому, назвать и Полоцк [38]. Образование таких относительно крупных и объединяющих полностью или частично несколько первоначальных племенных княжений политических организмов знаменовало собой наступление нового этапа в процессе формирования раннефеодальной государственности, а также дальнейший шаг на пути образования средневековых славянских народностей.

Основной массой населения и на этой стадии развития остаются свободные общинники, которые продолжают участвовать в народном ополчении, игравшем важную роль в условиях оборонительной войны. Но наряду со свободными появляются и зависимые крестьяне. Не только отдельные разорившиеся общинники, но и целые общины попадают в зависимость от знати. Именно этот процесс подчинения целых общин, «окняжения» или «обояривания» их путем захвата, даней, приношений и кормлений сыграет в дальнейшем огромную, решающую роль в становлении и развитии феодального землевладения.

Увеличивается и число рабов, используемых в хозяйстве

князя и знати. Появляются новые источники рабства. В рабов могли обращаться приговоренные к казни преступники [39]. С течением времени зарождается, по-видимому, и долговое холопство. В литературе, особенно в работах С. В. Юшкова [40], правильно подчеркивается обычно многоукладный характер социальной организации общества. Многоукладность — наличие патриархального, рабовладельческого и развивающегося феодального уклада — сама по себе не является, впрочем, отличительной чертой только этой эпохи. Гораздо существеннее, пожалуй, подчеркнуть, что в конкретных условиях формирующегося раннефеодального общества численно увеличивавшийся рабовладельческий уклад способствовал вызреванию и утверждению феодальной системы производственных отношений [41]. В феодальную ренту постепенно эволюционируют присвоенные князем и знатью общинные взносы и повинности. Развитие всех этих явлений тесно связано с формированием понятия о верховной власти князя на землю.

Таким образом, наряду с примитивной отработочной рентой очень быстро распространяется и натуральная рента, все более становившаяся основной формой эксплуатации крестьянства. Именно к этому этапу относится и окончательное превращение части градов в укрепленные усадьбы землевладельческой знати и князя, в то время как другие постепенно становятся поселениями городского типа — центрами ремесла и торговли. Идет процесс складывания основных органов администрации и суда раннефеодального типа. В укреплении центральной княжеской власти, выступающей, как уже говорилось, все более в роли верховного собственника на землю, огромную роль играет дружина. Наряду с рядовыми дружинниками — «молодшей» дружиной — существует и «старейшая дружина» — советники князя, прообраз будущей феодальной курии. С этой дружиной советуется и пирует князь Владимир Святославич. Об этой дружине упоминает, по-видимому, Аноним Галл, говоря о двенадцати мужах, с которыми держал совет и пировал Болеслав Храбрый [42]. Получавшие первоначально в пожизненное владение княжеские земли дружинники образовывали новый слой в составе господствующего класса [43], в то время как представители знатных родов, оказавшись в рядах дружины, привыкали к авторитету центральной княжеской власти, воспитывались в условиях строгой дружинной дисциплины. Свои относительно менее многочисленные дружины имели и представители знатных родов [44]. Сила их состояла еще и в том, что они могли опи-

раться на солидарность окружавших их родственников, ибо очень часто выдвижение знати происходило путем социального выделения целых знатных фамилий, объединяющих несколько связанных родством семей и поколений. Внутри этих фамилий не было имущественного равенства. Глава фамилии или рода был одновременно и самым богатым и могущественным его представителем. Бедные семьи в такой фамилии образовывали нечто вроде клиентелы при сеньоре [45].

Политическая организация раннефеодальных государств на этом этапе характеризуется определенной неоднородностью. Как правило, это монархии с выделившейся центральной княжеской властью. Сильные элементы племенной (в условном смысле этого слова) федеративности при развитых теократических началах (ведущая роль языческого жречества), показательные для политического развития лютичей, являются исключением. В состав раннефеодальных монархий на положении данников входят отдельные племенные княжения, в которых сохраняются свои княжеские династии, в основном пользующиеся внутри княжества полной самостоятельностью. Помимо дани, такие племенные княжения могут быть связаны с центральной властью еще и обязанностью оказывать военную помощь в походах. Возможно, что именно эту форму зависимости подчеркивал летописец, говоря об участии в походе Олега на Константинополь (907 г.) вятичей, хорватов, дулебов и тиверцев [46], о более позднем непосредственном включении территории которых в состав Киевской Руси он определенно знал. Все же главной тенденцией было прямое включение племенных княжеств в состав раннефеодальных монархий, преодоление сепаратизма местных династий и местной знати, подчинение присоединенной территории непосредственно великокняжеской администрации путем размещения по градам отрядов дружинников и передачи власти княжеским наместникам обычно из состава княжеской семьи. Следует отметить, наконец, что на заключительных стадиях второго этапа происходит, как правило, и проникновение, хотя и не обязательно утверждение, к славянам новой формы феодальной надстройки — христианства.

В соответствии с неравномерностью общего социально-экономического развития восточного славянства и западнославянских стран, которая наиболее яркое отражение нашла в процессе формирования города как экономической категории (позднее, чем в других странах, и не ранее X в. города появляются в Польше, исключение здесь, быть мо-

жет, составляет только западнопоморский Волин) [47], переход к этапу формирования относительно крупных раннефеодальных монархий в славянской Центральной и Восточной Европе в разных странах начался в разное время. Ранее других в очень энергичной форме он может быть отмечен в северной части контактной зоны — у паннонских славян, в Словакии и Моравии. Здесь о нем можно говорить не позже VIII в. Позже других на этот путь вступили польские земли, по-видимому только в IX в. В последнем случае показательно, пожалуй, не столько опоздание с вступлением в эту стадию развития, сколько относительно замедленный процесс формирования крупной раннефеодальной государственности в целом.

С самого начала, однако, процесс формирования крупных раннефеодальных государств не только находился в зависимости от внутренних факторов, но и испытывал на себе могучее воздействие факторов внешних — угрозы иноземной агрессии или борьбы с ней. Для значительной части западного славянства, жившего в непосредственной близости к аварскому каганату или находящегося в зависимости от него, фактор этот сыграл огромную роль уже в VII в., ускорив ее объединение в рамках так называемой державы Само. В VIII в. фактор этот продолжал оказывать существенное воздействие на политическое развитие Великой Моравии. До второй половины IX в. в том же направлении действовало соседство империи Карла Великого, а затем Восточнофранкской империи на общественное развитие полабо-прибалтийского славянства, способствуя не только процессам его политической, но и, так сказать, национальной консолидации [48]. О далеко зашедшем здесь процессе формирования народностей свидетельствует как будто употребление для их наименования со времен Карла Великого [49] одних и тех же собирательных терминов: лютичи, сербы, бодричи [50]. В особой форме наплыва, включения в состав господствующего класса многочисленного иноземного элемента (норманнов) фактор этот имел место и на Руси. В относительно меньшей степени испытывали его до середины X в. польские земли, хотя и здесь великоморавское завоевание Малой Польши в последней четверти IX в. сыграло, по-видимому, роль важного стимула в развитии великопольской государственности [51]. С другой стороны, со второй половины IX в. можно констатировать и отрицательное воздействие на общественное и государственное развитие полабо-прибалтийских славян гипертрофии внешнего фактора [52]. В паннонской котловине, где действовали осо-

бые условия контактной зоны, иноземное завоевание привело к ликвидации славянской государственности в начале X в.

Исторически в тесной связи с внешним фактором стоит третий этап развития восточно- и западнославянской государственности, характеризующийся образованием очень крупных, так сказать, межнациональных, политических организмов — держав. Но следует ли связывать его только с внешним фактором,— это уже особая, фактически пока еще не изученная проблема. Тот факт, что, хотя и в разное время, отдельные славянские народы практически обязательно проходили через этот этап, заставляет все же предполагать наличие и неких внутренних стимулов к его появлению. Связь политической экспансии раннефеодальных монархий с основными артериями международной торговли в Центральной и Восточной Европе дает известные исходные пункты для решения поставленной проблемы. Очевидно, наибольшую заинтересованность в создании таких обширных образований проявляла центральная княжеская власть, опирающаяся на сильную и хорошо организованную дружину. Именно эти элементы раннефеодального общества были особенно тесно связаны с международной торговлей, именно им доставалась львиная доля военной добычи, они обогащались за счет дани с покоренного населения.

Очень яркими образованиями такого типа, пестрыми по своему политическому и этническому составу, являлись Великая Моравия в IX в.[53] и держава Святослава Игоревича во второй половине X в. Менее пестрыми, но структурно аналогичными следует, очевидно, считать державу Болеслава II Чешского во второй половине X в. и Болеслава Храброго Польского в начале XI в. Наконец, близкие к отмеченным тенденции можно отметить и в политическом развитии полабских славян XI в. (держава Крутого, государство Готшалка).

Не будучи сколько-нибудь самостоятельным этапом в социально-экономическом развитии западных и восточных славян, период существования у них крупных межнациональных держав был все же очень заметным в их политическом развитии, в процессе формирования у них раннефеодальных государств и народностей. Последнее не значит, конечно, что, допустим в условиях Великой Моравии, прервался процесс формирования особой моравской народности. Не прекратился и процесс складывания древнерусской и древнепольской народностей на Руси в половине X в.

и в Польше в начале XI в. Иное дело, что особые условия формирования народностей в этот период наложили известный отпечаток на их национальное самосознание, способствуя противопоставлению одной народности другой, осмыслению их национальной дифференциации. Вместе с тем энергично развивался процесс культурного обогащения относительно отставaвших в своем развитии народностей за счет контактов с более развитыми. Не этим ли объясняется в определенной мере то обстоятельство, что созданный Кириллом и Мефодием для Великой Моравии литературный язык стал в дальнейшем и общеславянским литературным языком. Ведь он возник в самой ранней межнациональной славянской державе, в условиях сильной еще славянской общности, которую отмечают все источники. Вместе с тем именно он стал могучим фактором культурного воздействия наиболее передовых славянских народностей на другие, задержавшиеся в своем культурном развитии.

Завершение формирования славянских народностей происходит, однако, на последнем, четвертом этапе развития раннефеодальной государственности, на стадии существования относительно единых государств. Такими были Киевская Русь, Древнечешское государство с конца X в. и Древнепольское государство со второй четверти XI в. Это уже были вполне сложившиеся раннефеодальные монархии с типичным для них социально-экономическим базисом, аппаратом власти, административным и военным устройством и правом.

Во всех славянских странах Центральной и Восточной Европы этого времени христианство является государственной религией, важнейшим элементом общественной надстройки. Оно формирует государственную идеологию раннефеодальной монархии. Исключение представляет только историческое развитие полабского славянства, где христианство именно в силу того, что оно оказывается символом немецкого феодального «Дранг нах Остен», встречает решительное народное противодействие. Но христианская церковь (отсюда заинтересованность княжеской власти в независимости церковной организации от внешних и тем более враждебных центров) используется не только как элемент государственной надстройки. Она активно участвует в формировании феодального базиса независимо от того, сколь быстрыми темпами развивается собственное церковное землевладение. В странах латинского обряда оно, видимо, развивается несколько медленнее, что, возможно, связано с особенностями развития церковного землевладения

в Византии [54]. Последнее наблюдение актуально не только для Киевской Руси, но и, по-видимому, для Великой Моравии.

В данной связи нет необходимости подробно характеризовать общественные отношения и социальную структуру относительно единых раннефеодальных государств восточных и западных славян X—XI вв. Вопросам этим посвящена огромная литература. Здесь существенным представляется отметить только два важных обстоятельства, необходимых для уяснения общих закономерностей развития этого региона Европы в рассматриваемое время. Во-первых, образование относительно единых раннефеодальных государств у западных и восточных славян произошло в условиях общего выравнивания уровней их социально-экономического развития [55]. Обстоятельство это впоследствии должно было определить более или менее одновременный переход их на стадию феодальной раздробленности [56]. Во-вторых, характерной чертой относительно единых раннефеодальных государств оказывается их национальная однородность. Это наблюдение в полной мере относится не только к Древнепольскому и Древнечешскому государствам, но и к Киевской Руси. Попытки отдельных исследователей рассматривать последнюю как государство многонациональное (или межнациональное) [57] совершенно не соответствуют не только решающей, но и абсолютно доминирующей роли славянского элемента во всех областях жизни древнерусского общества [58].

Национальная однородность рассматриваемых государств была исторически обусловлена всем предыдущим ходом их развития в раннефеодальный период. Она была следствием того, что именно в их рамках завершился длительный период племенной консолидации, начавшийся несколько веков назад. В конечном итоге именно границы расселения народностей определили политические границы окончательно оформившейся раннефеодальной государственности.

Говоря о племенной интеграции и консолидации, следует, конечно, учитывать несовпадение глоттогонических и этногенетических процессов. Средневековые славянские народности в Центральной и Восточной Европе формировались на основе языковой общности интегрирующихся этнических элементов, которые по этноантропологическим признакам могли даже существенно отличаться друг от друга в зависимости от этнических особенностей субстрата [59]. На язык, а не на другие факторы (обычаи, образ жизни) как

основу национальной консолидации восточного славянства определенно указывает русская летопись: «Се бо токмо словенеск язык в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, север, бужане, зане седоша по Бугу, после же велыняне. А се суть инии языци, иже дань дають Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемис, мордва, пермь, печора, ямь, литва, зимигола, корсь, норова, либь» [60].

Весь предшествующий ход рассуждений, думается, достаточно показал неразрывную связь, существующую в раннефеодальный период между процессами образования государственности, с одной стороны, и формированием народностей у восточных и западных славян — с другой. Постепенное выравнивание темпов этих процессов, как и процесса феодализации восточно- и западнославянского общества VII—XI вв., несомненно, свидетельствует о единстве закономерностей развития западных и восточных славян в рассматриваемую эпоху, а также о том, что в основе их общественного процесса лежала одна и та же социальная, политическая и даже историко-культурная модель.

Глубокие изменения, приведшие к существенному нарушению этого стадиально-структурного единства процесса развития феодализма в центральном и восточном регионе Европы, произошли только в период развитого феодализма. Только в XII в., но главным образом в XIII—XIV вв. в славянских странах Центральной Европы можно отметить ряд важных экономических, социальных и даже культурных явлений, свидетельствующих о расхождении путей феодального развития Центральной и Восточной Европы. Расхождению центрально- и восточноевропейского путей развития предшествовало разложение так называемой контактной зоны. Выделившиеся из этого обширного региона центральноевропейские земли сблизились с общим для Центральной Европы типом феодального развития. Речь идет в первую очередь о Венгрии и подчиненных ею славянских землях. Оставшаяся часть контактной зоны образовала особый южно-восточноевропейский регион. Без всякого сомнения, очень крупную роль в том, что такое расхождение между Восточной и Центральной Европой наступило, сыграло имевшее всеевропейское значение событие — монголо-татарское нашествие. В то время как ордынское иго на длительный период затормозило нормальное социально-экономическое, политическое и культурное развитие русских земель, у западных славян, прикрытых русским щитом, такого торможения не произошло [61]. Условия феодальной раздробленности благоприятствовали, правда, натиску

немецких феодалов на восток. На самом западе славянского мира под иноземное иго попало полабо-прибалтийское славянство. Крупных политических успехов достигли немецкие феодалы и в Прибалтике. В результате немецкого военно-политического натиска и насильственной колонизации было резко нарушено этническое единство славянской полабо-прибалтийской территории. Аналогичные явления получали развитие в Прибалтике. Нарушение этнической однородности произошло в XIII—XIV вв. и в Польше, и в Чехии, причем в особенно большой степени в крупных торговых городах, связанных с международным торговым транзитом. Здесь политически и экономически укрепился немецкий, не связанный с национальными государственными традициями патрициат. Нарушение этнической однородности происходило и в рамках самого господствующего класса феодалов, как светских, так и духовных, в очень большой мере в землях, политически подчиненных немецким феодалам, в меньшей — в сумевших сохранить свою независимость.

Все это, естественно, отрицательно сказалось на политическом и даже культурном развитии западнославянских стран, осложняя в Чехии и Польше процессы преодоления феодальной раздробленности и национальной консолидации в рамках единого государства. Процессы эти развивались поэтому в условиях острой национальной конфронтации и сталкивались с тенденциями к образованию на основе династических комбинаций межнациональных государств в Центральной Европе. Вместе с тем, однако, остается фактом, что в XIII—XIV вв. процессы национальной консолидации в Польше и Чехии не прекращались, а постепенно, все нарастая, развивались. Они имели своей основой заметный прогресс в области производства как в деревне, так и в городе. В деревне происходил переход к регулярному чиншу, вырастала роль денежной ренты, шел быстрый процесс сельскохозяйственного освоения лесов и пустошей, чему благоприятствовал переход крестьян на новое, основанное на нормах западного городского сельское право. Развитие городского производства тоже стимулировалось новым городским правом, предоставлявшим городскому населению важные элементы самоуправления. Становление нового городского права происходило в форме приспособления к местным условиям так называемого немецкого, по существу же развитого европейского городского права.

Одновременно бурно развивалось (особенно в Чехии)

горнорудное производство, укреплялись экономические связи между центральноевропейскими странами, чему в определенной мере способствовало частичное перемещение торговых магистралей между Востоком и Западом со Средиземного на Черное море. Все это происходило тогда, когда монголо-татарское нашествие резко затормозило развитие торговли Восток—Запад в широтном направлении. Определенным показателем укрепления экономических связей между центральноевропейскими странами явилось образование обширной монетной сферы обращения пражского гроша.

Разумеется, было бы серьезной ошибкой связывать происходившие в тот период в Центральной Европе социально-экономические сдвиги прежде всего с немецкой городской и сельской колонизацией, как это делалось раньше и делается еще и теперь в буржуазной, в первую голову немецкой, историографии, хотя и нет нужды полностью игнорировать участие в описываемых процессах переселявшегося на восток немецкого ремесленного, сельского и отчасти торгового элемента. Главными были, конечно, импульсы, получаемые славянскими странами от их собственного внутреннего развития. Что касается внешнего фактора, то влияние его было крайне сложным и противоречивым. Наряду с фактами прогрессивных экономических и культурных связей существовали явления прямого грабежа немецкими феодалами стран Центральной Европы, культурного гнета и физического уничтожения местного населения. Наиболее политически и экономически влиятельная часть немецких переселенцев, городской патрициат и феодалы в славянских странах сознательно тормозили процессы национальной и государственной консолидации. И этого нельзя забывать, характеризуя судьбы западного славянства в период развитого феодализма.

[1] Ср.: *Бромлей Ю. В.* Становление феодализма в Хорватии. М., 1964; *Грачев В. П.* Термины «жупа» и «жупан» в сербских источниках XII—XIV вв. и трактовка их в историографии.— В кн.: Источники и историография славянского феодализма. М., 1967; *Он же.* Из истории изучения славянских средневековых институтов.— УЗИС, 1965, т. 29.

[2] См.: История Болгарии. М., 1954, т. 1, с. 60—63.

[3] См.: *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей.— СЭ, 1968, № 2, с. 36—38.

[4] Ср.: *Михайлов С.* Строителните периоды и произходът на старобългарската монументална архитектура.— Археология, С., 1964, № 2; *Милчев А.* По въпроса за културата на славяните и прабългарите в

нашите земли през раното средневековие.— Там же; *Станчев С.* Славяни и прабългари в старобългарската култура.— Там же, № 4.

[5] См.: *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 44—61, 70—79, 165—194.

[6] См.: *Удальцова З. В., Гутнова Е. В.* Генезис феодализма в странах Европы. М., 1970, с. 3, 11—14 (XIII Международный конгресс исторических наук).

[7] См.: *Королюк В. Д.* Особенности становления феодализма и формирование раннефеодальных государств в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе.— ССл., 1970, № 5.

[8] Более подробно на особенностях исторического развития этой контактной зоны в VI/VII—XI вв. автор останавливается в работе: О так называемой контактной зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. Нам представляется, что выделение особых контактных зон могло бы оказаться перспективным и при изучении аналогичных процессов на Кавказе, в Передней и Средней Азии.

[9] На территории СССР исследование такого рода памятника только начинается; см.: *Ауліх В. В.* Матеріали з верхнього горизонту городища біля с. Зімне, Волинської області.— В кн.: Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ, 1961, вип. 3; *Баран В. Д.* Ранньослов'янські пам'ятки Верхнього Подністров'я і Південно-Західної Русі.— Там же, 1964, вип. 5; *Ауліх В. В.* Соціальний зміст городища Зімне.— В кн.: Слов'яно-Руські старожитності. Київ, 1969.

[10] Последние к тому же этноним «славяне» применяли отнюдь не только к славянскому этносу. О многозначности понятия «славяне» у арабских географов подробнее см. в исследованиях А. П. Ковалевского.

[11] *Греков Б. Д.* Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1935; *Он же.* Была ли Древняя Русь рабовладельческим обществом? — Борьба классов, 1935, № 1.

[12] *Третьяков П. Н.* Возникновение рабовладельческих отношений у кельтских племен. Римская экспансия в странах Дунайского бассейна.— В кн.: История Чехословакии. М., 1956, т. 1, с. 25—38.

[13] *Королюк В. Д.* Древнепольское государство. М., 1957, с. 59—61; *Hensel W.* O niektórych najdawniejszych organizacjach państwowych na ziemiach Polski.— Sprawozdania Wydziału I PAN, 1958, N 1.

[14] *Королюк В. Д.* Некоторые общие закономерности раннефеодальной истории восточных и западных славян.— КСИС, 1963, № 38. Частично, как указывалось выше, эти западнославянские земли входили в состав так называемой контактной зоны, что обусловливало некоторые специфические черты их развития.

[15] *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964,с. 507—518.

[16] Нужно оговориться, однако, что и понятия филиация античного континуитета и влияние передовых стран не следует трактовать как простые и однозначные явления. Анализ церковных уставов Владимира и Ярослава показывает, что принятие христианства не означало механического переноса на Русь византийских церковных институтов и церковного права. Христианская церковь на Руси и церковное право не были сколком с византийского образца. Образец радикально изменялся, чтобы соответствовать условиям местного социально-экономического, политического и культурного развития. См.: *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 301—310 и др.

17–18 *Hensel W.* Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna: Zarys kultury materialnej. 2 wyd. W., 1956, s. 81; *Idem.* Archeologia o początkach miast słowiańskich. Wrocław etc., 1963.

19 *Ловм'янський Г.* Основні риси пізньоплемінного та ранньодержавного устрою слов'ян.— УІЖ, 1969, № 11.

20 *Мишулин А. В.* Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи.— ВДИ, 1939, № 1; *Греков Б. Д.* Киевская Русь.— Избр. тр. М., 1959, т. II; *Липшиц Е. Э.* Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма.— ВВ. М., 1947, т. I; и др.

21 *Poulik J.* Staroslovanská Morava. P., 1948, s. 107; *Королюк В. Д.* Древнепольское государство, с. 65; *Labuda G. Z* badań nad osadnictwem i ustrojem słowian polabskich.— SO, 1962, t. 22, s. 315.

22 *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. 2-е изд. М., 1953, с. 185—204.

23 *Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине.— МИА, 1963, т. 108.

24 *Trudzik Z.* Z węzłowych zagadnień dziejów Polski na przełomie starożytności i wieków średnich.— Dawna kultura, 1956, N 2.

25 *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена.

26 *Labuda G.* Pierwsze państwo słowiańskie — państwo Samona. Poznań, 1948; *Eisner J.* Devinská Nová ves. Br., 1952.

27 *Греков Б. Д.* Избр. тр., т. II, с. 481 и др.

28 Подробнее об этом см.: *Королюк В. Д.* Древнепольское государство, с. 67—117.

29 Ср.: *Bardach J.* Historia państwa i prawa Polski do połowy XV wieku. W., 1957, s. 25; *Рыбаков Б. А.* Спорные вопросы образования Киевской Руси.— ВИ, 1960, № 9; *Черниловский З. М.* Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М., 1959.

30 Заслуживающая внимания попытка Л. В. Черепнина выделить в широко трактованном нами хронологически раннефеодальном периоде этап генезиса феодализма до образования относительно единых раннефеодальных государств в сущности не расходится с той внутренней периодизацией, которая дается нами ниже для раннефеодального периода. См.: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972, с. 145—146.

31 Помимо работ Б. Д. Грекова, П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова и С. В. Юшкова, здесь следует отметить синтетическое исследование: *Łowmiański H.* Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. W., 1953; *Idem.* Początki Polski: Z dziejów słowial w I. tysiacleciu n. e. W., 1963. T. I—III.

32 Ср.: *Третьяков П. Н.* Древлянские «грады».— В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия. М., 1952, с. 64—68.

33 ПСРЛ, т. 1, стб. 248.

34 *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена, с. 228.

35 ПСРЛ, т. 1, стб. 13.

36 Einhardi Vita Caroli Magni.— MGHSS, t. II, p. 15.

37 В литературе центрам этим соответствуют понятия Верхней и Нижней Руси (см.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1969,с. 5, 21 и др.). Прилагаемый к такого рода политическим образованиям термин «конфедерация» не кажется однако, удачным.

38 Ср.: *Łowmiański H.* Geneza ziemi Polockiej.— In: Z polskich studiów sławistycznych. W., 1968.

39 MPH, t. VI, p. 411.

40 *Юшков С. В.* К вопросу о дофеодальном (варварском) государстве.— Учен. тр. Всесоюз. ин-та юрид. наук, 1947, т. 10.

[41] *Королюк В. Д.* Некоторые спорные и нерешенные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период (VII—XI вв.).— КСИС, 1961, № 33/34.
[42] MPH. Nova Ser., t. II, p. 32.
[43] *Греков Б. Д.* Избр. тр., т. II, с. 272 и др.
[44] Там же, с. 277; *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. Л., 1939, с. 31 и след., 144—150.
[45] *Tymieniecki K.* Społeczeństwo Słowian lechickich. Lwów, 1928, s. 88—93.
[46] ПСРЛ, т. 1, стб. 29.
[47] Подробнее об этом см.: *Hensel W.* Archeologia o początkach..., s. 10—50.
[48] *Королюк В. Д.* Государство бодричей в правлении князя Готшалка.— SO, 1962, t. 22, p. 176—177; *Он же.* К вопросу о раннефеодальной государственности у полабо-прибалтийских славян.— В кн.: Славяно-германские отношения. М., 1964, с. 9.
[49] Einhardi Vita..., p. 15.
[50] *Hrabová L.* K otázce vzniku a vyvoje státu u Polabských slovanů.— ČslČH, 1955, N 4, s. 166—167.
[51] *Potkański K.* Kraków przed Piastami.— Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyszno-filozoficzny, 1898, t. 35, s. 160—164; *Widajewicz J.* Państwo wiślan. Kraków, 1974, s. 71—75.
[52] *Королюк В. Д.* К вопросу о раннсфеодальной государственности..., с. 9—10.
[53] О продвинувшемся далеко процессе феодализации великоморавского общества и его развитой государственности, помимо данных археологии, свидетельствует разработанная социально-политическая терминология старославянских памятников, связанных с Великой Моравией (см. в статье Л. Гавлика о роли и положении Великой Моравии в Европе IX в.: *Havlik L.* Moravský stát a jeho vládní organizace v 9 století.— SO, 1971, s. 28.
[54] О нем ср.: *Poppe A.* Państwo i kościol na Rusi w XI wieku. W., 1968.
[55] Подробнее об этом см.: *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964, с. 17—18, тут же указана литература вопроса.
[56] На Руси большинство исследователей датируют этот переход серединой XII в. (см.: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития..., с. 188), однако более обоснованным нам все же представляется датировать его, как и в Чехии, и в Польше, серединой XI в. После смерти Ярослава на Руси фактически никогда не восстанавливалось государственное единство (Полоцк обособился еще раньше). Усиление великокняжеской власти при Владимире Мономахе, как и в Польше при Болеславе Кривоустом, определялось внешним фактором — натиском половецкой степи.
[57] На этом тезисе останавливался А. Поппе, см.: *Poppe A.* Państwo..., s. 16 etc.
[58] Гипотеза об активном участии угро-финской мери в формировании Новгорода(см.: *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода.— История СССР, 1970, № 2) не меняет дела. Если гипотеза эта окажется обоснованной, перед нами, в сущности говоря, будет всего лишь частный, а не типичный случай.

Нельзя не отметить также, что лежавшее в основе этой гипотезы сближение «меря» (прилагательное — «мерский») — «неревский» собственно лингвистически еще не доказано достаточно конкретно.
[59] Об антропологических различиях восточнославянских племен см.:

Алексеева Т. И. Антропологические материалы по этногенезу восточных славян.— СА, 1964, № 3.

[60] ПСРЛ, т. 1, стб. 11.

[61] *Королюк В. Д.* Проблематика истории Польши до середины XIV в. в советской литературе.— В кн.: Материалы научной конференции польских и советских историков по проблемам историографии. М., 1969, с. 41—43.

Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе

Обширные пространства Восточной и большей части Центральной Европы, населенные народами славянского происхождения, в период раннего средневековья (VII—XI вв.) [1] были, по существу, единым историко-географическим регионом, где возникновение феодальной формации происходило на основе крушения первобытнообщинных отношений. В отличие от стран Западной Европы, для которых был показателен социально-экономический и этнический синтез античности и варварства, в этих славянских странах переход к новой социально-экономической формации совершался бессинтезным путем. Анализ социально-экономического, политического и этнического развития восточных и западных славян в раннефеодальный период свидетельствует даже о том, что в ту эпоху для всего этого огромного региона обязательна была единая социально-экономическая, культурная и этническая модель развития [2]. Главные линии исторического прогресса — становление феодальной собственности, образование раннефеодальной государственности и сложение народностей (последнее происходило в основном уже на однородной языково-этнической основе [3]) — находились между собой в достаточно четкой, хотя и сложной причинно-корреляционной связи.

В своей совокупности они образовывали единый исторический механизм эпохи, единую развивающуюся социально-культурную структуру или систему структур, обеспечившую быстрое и прочное вступление в круг европейской цивилизации необозримых пространств Центральной и Восточной Европы, до того находившихся на далекой, практически неизвестной греко-римскому миру периферии античной ойкумены.

Бессинтезному центрально- и восточноевропейскому славянскому региону на Юго-Востоке Европы противостоял регион социально-экономического синтеза, в пределах которого частично оказалась территория, освоенная южным

славянством. В советской литературе тезис, что Юго-Восточная Европа является одним из очагов социально-экономического и этнического синтеза античности и варварства, давно уже получил общее признание [4]. Была даже сделана в плане постановки вопроса попытка типологически расчленить этот обширный регион синтеза на два подрегиона [5].

К первому, так называемому «уравновешенному» типу синтеза, где позднеримские и «варварские» начала участвовали в становлении феодального строя «примерно в одинаковой пропорции», был отнесен подрегион, охватывающий сербскую и хорватскую территории [6].

Второй тип синтеза, характеризующийся преобладанием элементов позднеримского развития, соответственно был признан показательным для подрегиона, совпадающего с европейскими владениями Византийской империи и, очевидно, частично с территорией Первого Болгарского царства. Огромное воздействие, оказываемое вторым подрегионом на ускорение феодального развития стран не только Юго-Восточной, но и Восточной и отчасти даже Центральной Европы, не вызывает никаких сомнений, хотя вопрос о длительности и интенсивности развития процессов феодализации в рамках самой Византийской империи все еще окончательно не решен [7]. Это огромное воздействие остается, однако, бесспорным историческим фактом даже и в том случае, если придется считать и для Византии завершающей гранью раннефеодального периода XI в., т. е. признать относительно синхронным со странами Центральной и Восточной Европы окончательный переход византийского общества на путь феодального развития.

Не вдаваясь в детали идущей среди византинистов дискуссии о хронологии византийского феодализма и оставляя в стороне проблему о намеченных в литературе границах региона синтеза (об этих границах еще придется говорить позже), поставим перед собой здесь лишь вопрос, действительно ли только два пути развития — бессинтезный и синтезный — были в чистом виде типологически показательны для взятой в целом зоны Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы. Вопрос этот уже фигурировал в нашей литературе [8]. К сожалению, он не привлек к себе внимания исследователей. Речь идет о попытке выделить на стыке Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы довольно обширную, условно названную нами контактной зону, для которой характерны во многом особые, до сих пор еще очень слабо изученные социально-экономические, этнические, политические и культурные процессы, далеко

не во всем аналогичные или даже близкие к тем, которые одновременно происходили в соседних регионах синтезного и бессинтезного пути генезиса феодализма.

Основанием для выделения особой контактной зоны в Центральной и Юго-Восточной Европе послужил не только тот факт, что темпы социально-экономического, политического и культурного развития здесь были относительно гораздо более высокими, чем на главных славянских территориях Центральной и Восточной Европы, но и наличие практически на всем пространстве контактного региона античной подосновы. В античную эпоху территория контактной зоны подверглась могучему воздействию провинциально-римской культуры и, несомненно, частично, если не более, была эллинизирована и романизирована. Поэтому казалось вполне допустимым объяснять сравнительно высокие темпы исторического прогресса здесь в период раннего средневековья именно наличием элементов античного наследства в сочетании с очень сильным непосредственным влиянием византийской цивилизации — влиянием, как уже говорилось, действовавшим в качестве ускорителя процессов феодализации [9]. Античная этническая подоснова, в свою очередь, могла бы помочь понять специфику происходивших в рассматриваемом регионе этнических процессов.

Но такая постановка вопроса, делающая упор прежде всего на элементы античного культурного наследства и в определенной мере на известную этническую преемственность с античностью, может подчеркнуть специфику контактной зоны только в сравнении с основными славянскими землями Восточной и Центральной Европы, с территорией Древней Руси, Чехии, Польши и полабо-прибалтийского славянства, не испытавших на себе столь же серьезного воздействия античного мира. Однако наличие античного культурного и этнического наследства, взятое само по себе, не может служить отличительным признаком контактной зоны в сравнении как с подрегионом преобладания элементов позднеримского развития, так и с так называемым подрегионом «уравновешенного» синтеза. В обоих подрегионах античное наследство являлось обязательным фактором феодального развития, античный континуитет в той или иной мере определял формы, темпы, даже структуру формирующегося здесь раннефеодального общества и влиял на его этническую характеристику. Следовательно, сопоставление контактной зоны с регионом синтеза должно производиться на существенно иных основах, чем соответствующее сопо-

ставление ее с бессинтезным регионом. Речь должна идти прежде всего о качественном различии античной подосновы в контактной зоне и в регионах синтеза.

К сожалению, при современном состоянии историографии действительно детальное, исчерпывающее проблему сопоставление представляется невозможным. Главным камнем преткновения оказывается практически полная неизученность самого по себе механизма социально-экономического и этнического синтеза античности и варварства. Механизм этого синтеза не изучен не только применительно к южнославянским странам (в соответствующей литературе в лучшем случае наличествует только постановка вопроса [10]), но и по отношению к странам Западной Европы, что особенно удивительно, если учесть богатство нашей историографической традиции. В данный момент, пожалуй, механизм этого синтеза изучен лучше на примере Византии, хотя и здесь соответствующие исследования неполны и дискуссионны [11].

При таких условиях не будет, очевидно, ничего неправомерного в том, что и в случае с контактной зоной соответствующие проблемы будут сформулированы только в плане общей постановки вопроса.

При выделении качественных особенностей контактной зоны важно, думается, сразу же подчеркнуть первостепенность вопроса о характере и масштабе античного континуитета, понимаемого, конечно, как явление античного наследства, а не прямого перехода в неизменном состоянии рабовладельческих институтов, порядков и явлений в новое феодализирующееся общество. Но сначала несколько слов об античном континуитете в регионах синтеза. Легко заметить, что в большей или меньшей мере непрерывность античного континуитета обязательна как для региона «уравновешенного» синтеза, так и для региона преобладания элементов позднеримского развития. В последнем случае, разумеется, в большей мере. В Византии, например, она определялась прежде всего государственной организацией и сохранением городов [12]. В зоне «уравновешенного» синтеза на Западе Европы олицетворением непрерывности античного континуитета стала сложная система организации христианской церкви. Вместе с тем нельзя не учитывать, что явление античного континуитета обеспечивалось в зонах синтеза прежде всего непрерывностью этнического развития. Сохранение со времен поздней Римской империи огромной массы местного населения являлось физической гарантией самой по себе возможности непрерывности

античного континуитета. Очевидно, именно поэтому в европейских регионах синтеза, как правило, в результате этнической интеграции возобладали романизированные или эллинизированные элементы. Обстоятельство это, естественно, сказалось впоследствии и на национальном самосознании «варваров»-пришельцев, постепенно терявших черты своего особого этнического самосознания и воспринимавших местные социальные и культурные традиции. Не случайно один из исследователей видит даже в германских завоевателях в Западной Европе проводников античного континуитета [13].

Раньше всего обстоятельство это сказалось в области политической надстройки и государственной идеологии, о чем свидетельствует пример Франкской империи, стремившейся возродить традиции римского универсализма.

Показательно, что отмеченный выше характер этнической интеграции типичен как для регионов «уравновешенного» синтеза, так и (тем более) для регионов преобладания явлений позднеримского социально-экономического и культурного развития.

Следует подчеркнуть, что коренные отличия контактной зоны в Юго-Восточной Европе при сопоставлении ее с регионами синтеза наиболее очевидны как раз в аспекте этнических явлений. В пределах контактной зоны результатом славянских переселений и последующей этнической интеграции являлось, как правило, торжество славянских элементов, процесс ославянивания Среднего Подунавья и Балкан. Последующая эллинизация славянских переселенцев, по-видимому, происходила только на юге Балканского полуострова, в пределах Византийской империи, т. е. уже собственно в регионах синтеза. Примером такой эллинизации может служить судьба славян на Пелопоннесе [14].

Но особенностью этнического развития контактной зоны был не только сам по себе процесс ее славянизации. Дело в том, что эта славянизация означала в отличие от регионов синтеза преобладание в ходе этнической интеграции пришлых, стоящих на более низкой ступени общественного и культурного развития элементов над элементами местными. К сожалению, механизм этногенетических процессов еще очень неясен для историков. Тем не менее можно все же предполагать, что прочная славянизация обширных территорий Юго-Восточной Европы (при более высоком культурном уровне местного земледельческого населения) была возможна только при том условии, что местное население было очень сильно разрежено и, как выражаются

биологи, «угнетено» в общественно-культурном и хозяйственном отношении. Оказавшись в период Великого переселения народов ареной непрерывного натиска варваров, Юго-Восточная Европа, естественно, должна была пережить огромные демографические изменения. В ходе варварских вторжений этническая компактность местного романизированного и эллинизированного населения была, по-видимому, резко нарушена. Численность его очень сильно сократилась как в результате военных действий, угона в плен, так, вероятно, и в результате добровольного бегства части угнетенного населения к варварам [15].

В дальнейшем для выяснения сложного вопроса о механизме происходивших в контактной зоне этнических процессов немаловажное значение будет иметь и точная локализация исходных пунктов славянских переселений. Логично предполагать, что славянские племена, испытавшие уже в предшествующий период воздействие римской цивилизации, находившиеся в той или иной мере в контактах с античным миром, были в общественно-культурном отношении подготовлены к процессам этнической интеграции коренного населения Среднего Подунавья и Балкан.

Допуская такую возможность (о ней отчасти придется еще говорить ниже), следует все же подчеркнуть, что по мере развития славянской колонизации Дунайского бассейна, Балкан, хозяйственного освоения новым земледельческим населением территории Юго-Восточной Европы местное земледельческое население должно было оттесняться из наиболее плодородных районов с устойчивыми земледельческими традициями. Это обычное явление для колонизационных процессов: новое население всегда стремилось овладеть прежде всего старыми традиционными центрами земледельческой культуры. Но при таком положении, когда были нарушены непрерывность государственного развития и континуитет в области церковной организации и городской жизни, когда произошли коренные этнические и демографические изменения, само собой разумеется, не могло быть и речи о непрерывности античного континуитета как в социально-экономическом плане, в плане общественных отношений и институтов, так и (в весьма значительной мере) в области самой материальной культуры. Не случайно, что до сих пор практически остаются малоудачными все попытки выделить в материальной культуре эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья археологические комплексы, типичные для старого романизированного населения на бывшей гето-дакийской территории [16].

Указания археологов на элементы гето-дакийской или позднеримской традиции в материальной культуре III—VII вв. в пределах Румынии (главным образом в керамическом и отчасти металлообрабатывающем производстве) [17] заслуживают внимания, но не являются еще в точном смысле слова бесспорными доказательствами непрерывного развития в течение всего этого времени на всей рассматриваемой территории местного этнического компонента как компактного и осознающего свою деятельность целого. Что касается самого развития материальной культуры в значительной части Юго-Восточной Европы, то скорее приходится подчеркивать нарушение, чем сохранение прежних традиций в эпоху Великого переселения народов и славянских войн на Балканах. Особенно хорошо нарушение традиций в области материальной культуры в переходный период от античности к раннему средневековью в настоящее время изучено на примере Пруто-Днестровского междуречья, где до конца IV в. н. э. существовала испытывавшая сильное воздействие провинциальных позднеримских традиций черняховская культура [18]. После гуннского нашествия в VI в. ее сменила, хотя и без достаточно отчетливых следов перехода, новая, типично славянская культура, культура нового земледельческого населения [19].

В той или иной мере картина эта повторилась на среднем Дунае и основной территории Балкан.

Особенностью контактной зоны, таким образом, являлось при наличии античной подосновы серьезное нарушение античного континуитета как в области социально-экономического развития, так и в области этнического развития и развития материальной культуры. Говоря об этнических переменах в Пруто-Днестровском междуречье и на Балканах, нет нужды, впрочем, выдвигать на первый план в качестве этнопоказателя только изменения в области материальной культуры, тем более что в данном случае перемены эти достаточно четко зафиксированы письменными источниками.

Нарушения, даже резкие, в развитии материальной культуры далеко не всегда могут считаться свидетельствами соответствующих этнических перемен, особенно в столь этнически пестром регионе, как рассматриваемый в данном случае [20]. По-видимому, именно этим обстоятельством определяется незавершенность длительной дискуссии в археологической науке о соотношении археологической культуры и этноса. Тогда как одни археологи настаивают на тезисе о совпадении этноса с археологической культурой [21], дру-

гие более или менее решительно отвергают этот тезис[22], причем последняя точка зрения, как кажется, приобретает все большее число сторонников. Для дальнейшего хода дискуссии, впрочем, существенное значение могло бы иметь четкое определение единых критериев для особых отдельных археологических культур. К сожалению, археологи далеко не всегда в своих выводах оперируют одними и теми же показателями.

Полиэтнический характер общества, представленного черняховской культурой, медленно, но все же отчетливо сближавшегося с обществом римских провинций как в социально-экономическом отношении, так и в области культуры[23], в настоящее время можно признать доказанным. В литературе обычно подчеркивается местный позднескифский или сарматский и дако-фракийский элементы в качестве этнической основы общества черняховцев[24]. Наличие готского компонента в нем (кстати сказать, антропологически фактически неуловимого) не может препятствовать достаточно убедительному предположению, что и славяне частично были носителями черняховской культуры[25].

Сейчас еще трудно сказать, имеет ли под собой действительные основания гипотеза о процессе формирования в рамках черняховской культуры (на территории Румынии эта культура известна под именем культуры Синтана де-Мураш) особой народности[26], зато вполне логично предположить, что черняховская культура является коррелятом обширного политического образования, может быть, даже с чертами складывающейся государственности. Ее границы не должны были полностью совпадать с границами этого образования, но должны были так или иначе соответствовать сфере его воздействия.

Существование обширного политического образования в междуречье Днепра, Днестра, Западного Буга и Дуная, естественно, должно было явиться величайшим препятствием на пути славянского продвижения на Балканы. Можно поэтому полагать, особенно учитывая возможность наличия в черняховской культуре славянского компонента, что именно полный разгром этого политического образования гуннами с последующим падением Гуннской державы создал для славян возможность массового переселения за Дунай. В известной мере можно говорить в данном случае об исторической параллели к событиям, развернувшимся в Паннонской котловине в связи с приходом кочевой орды аваров. Вторжение аваров в VI в. облегчило колонизацию славянами Дунайской низменности, а их разгром обеспечил

здесь в дальнейшем преобладание славянского элемента [27].

Гуннское нашествие могло разгромить и увлечь за собой кочевые элементы черняховского общества, оно могло полностью вытеснить разгромленные группы подвижных готов, в результате гуннского нашествия могли очень серьезно пострадать земледелие и пастушество, деградировать материальная культура, но местное земледельческое, в том числе и славянское, население не могло полностью исчезнуть. Зато гуннское нашествие могло резко изменить в пользу славян соотношение этнических факторов в междуречье Днепра и Дуная, выдвинуть здесь на первый план славянские племена, в той или иной мере соприкасавшиеся с античной культурой и дако-фракийским этносом, что впоследствии должно было, вероятно, сказаться на Балканах в ходе сложных процессов этнической интеграции.

Но из признания факта резкого нарушения традиций этнического развития и развития материальной культуры на Юго-Востоке Европы нет оснований делать вывод о безразличности античной подосновы вообще для судеб контактной зоны в эпоху раннего средневековья. И дело здесь отнюдь не только в соображениях общего порядка. Дело в том, что конкретные исследования не позволяют трактовать вопрос таким образом, как он мог трактоваться еще не так давно [28]. Славяне, заселявшие Балканский полуостров и Среднее Подунавье, бесспорно, оказывались отнюдь не в условиях полного этнического и культурного вакуума. Такого вакуума не было. Не было его прежде всего в этническом смысле, что показали новые наблюдения антропологов и этнографов, констатировавшие заметное участие местного балканского, фракийского и иллирийского субстрата в процессе формирования южнославянских народов [29].

Иными словами, этническая интеграция, этнический синтез здесь были, но происходили они на базе языково-этнического преобладания пришлых славянских, а не местных романизированных или эллинизированных земледельческих народов, этническое самосознание которых деградировало, а численность резко сократилась. Впрочем, и в этом плане нужны все же довольно существенные оговорки. Речь идет о романизированном населении, известном в более поздних источниках (начиная с XI в.) под именем влахов. Своими корнями население это, по-видимому, уходит еще в позднеантичную эпоху, когда к северу от Балканского хребта произошла его романизация. Позже, в период раннего средневековья, каких-либо новых процессов романизации этого населения, разумеется, предполагать нет

оснований, как нет возможности думать, что сам процесс романизации происходил не в пределах Среднего Подунавья, а южнее. Дело в том, что в античный период именно Балканский хребет в основном являлся естественным рубежом эллинизации и романизации [30].

О том, что в дальнейшем в формировании этого средневекового этнического компонента населения Юго-Восточной Европы принимали участие славянские элементы, определенно свидетельствуют данные языка [31]. Романо-славянская этническая интеграция, очевидно, и в данном случае имела место [32], но в процессе ее, однако, возобладали не славянские, а романские элементы. Думается, что в очень большой мере такой характер процесса определили особенности экономического развития этой группы местного романизированного населения и его географической среды.

Когда говорят о гето-дакийской культуре накануне и в период римского завоевания II—III вв., обычно имеется в виду общество с ярко земледельческим характером хозяйственной жизни, хотя уже и в ту эпоху отдельные группы его были преимущественно заняты в горах скотоводством сезонно-пастушеского типа [33]. Когда же речь заходит о восточных романцах-влахах IX—XI вв., то действительно точные сведения письменных источников относятся к населению, ведущему пастушеский образ жизни [34]. Такое положение дел, видимо, не случайно. Подвижный и изолированный образ жизни, длительное сезонное пребывание в горных районах вообще мало благоприятствуют этнической интеграции, способствуя этнической устойчивости пастушеских обществ. В Иране и Закавказье примером такой исключительной этнической устойчивости может служить судьба курдов [35].

Поэтому, говоря о романо-славянском синтезе применительно к восточно-западному пастушескому населению в период раннего феодализма, по-видимому, более осмотрительно до перехода влахов к хозяйственному быту с преобладанием земледелия предполагать его ограниченные масштабы. Особые условия развития были причиной и того, что славянизации не подверглись также предки современных албанцев.

Но не только подавляющее преобладание пришлого (славянского) населения [36] в процессе этнического синтеза было отличительной особенностью контактной зоны. В регионах синтеза античности и варварства как на Западе, так и на Юге и Юго-Востоке Европы в ходе этнического синтеза происходил процесс интеграции населения, в хозяйстве

которого главную роль играло земледелие. Участниками синтеза являлись земледельческие этносы. Аналогией этому явлению в контактной зоне была этническая интеграция славян и местного, частично эллинизированного, частично романизированного фракийского или иллирийского по происхождению населения. Особенностью процессов этнической интеграции в Юго-Восточной Европе было, однако, то обстоятельство, что наряду с земледельческими очень активное участие в этих процессах принимали кочевнические и отчасти пастушеские элементы.

Наличие трех культурно-хозяйственных типов — земледельческого, представленного славянами и автохтонным населением, кочевого, носителями которого являлись тюрко- и угроязычные пришельцы-скотоводы (протоболгары, авары, венгры), и пастушеского, который был типичен для местного романизированного и частично эллинизированного населения,— в огромной мере определило не только специфику социально-экономических, но и этнических процессов, происходивших в контактной зоне Юго-Восточной Европы в раннем средневековье. Правда, первые упоминания о пастухах-влахах в современных событиям источниках появляются только с XI в. Анализ русской летописи свидетельствует, однако, о том, что романизированное пастушеское население, бесспорно, проживало рядом со славянами в Среднем Подунавье уже в IX в.[37] Оно, очевидно, унаследовало очень древние у части местного балканского населения и хорошо соответствовавшие географическим условиям изучаемого региона черты пастушеского быта, отмечаемые археологами и этнографами еще для античной эпохи [38].

В то время как пастушеское романизированное и эллинизированное население в ходе сложных языковых и этнических контактов со славянами сохранило свой, хотя и существенно обогащенный, язык, этнический синтез кочевников со славянами завершился языковой ассимиляцией и исчезновением кочевников, имевших очень сильную военную организацию, но, по-видимому, относительно малочисленных и в антрополого-этническом отношении смешанных [39]. Так случилось с протоболгарами и аварами. В последнем случае процесс был радикально ускорен военно-политическим разгромом Аварской державы.

Существенно иначе сложились обстоятельства в Паннонии, где возобладал венгерский языково-этнический элемент. Такой феноменальный финал славяно-венгерского этнического синтеза был обусловлен не только силой кочевнического элемента, его быстрым социально-экономическим

прогрессом, но прежде всего слабостью местного славянского населения, крайне разреженного в результате систематических ударов восточных франков и опустошительных набегов воинственных кочевников [40].

Показательно, что в покоренной впоследствии венграми Словакии повторения этого явления не произошло. Для развития этнических процессов в Паннонии немаловажное значение могло иметь и то обстоятельство, что венгры еще до переселения в Паннонию привыкли к сосуществованию с оседлым земледельческим населением [41]. В условиях причерноморских степей не было, однако, предпосылок для прочного синтеза кочевого и оседлого населения на земледельческой культурно-хозяйственной основе. Переход венгров-кочевников [42] к оседлому образу жизни и земледелию был, по-видимому, ускорен в результате их христианизации [43].

Не только протоболгары, авары и венгры, но и тюркоязычные печенеги и половцы участвовали в этногенезе народов Балкан и Центральной Европы, что имело свои последствия и в области развития материальной культуры в контактной зоне. Социально-экономическое развитие формирующихся здесь новых средневековых этнических общностей происходило на базе сложных контактов и синтеза земледельческой славянской материальной культуры с культурой кочевых и пастушеских народов и элементами античного культурного наследия. Проводимое здесь и выше четкое противопоставление этносов с земледельческим, пастушеским и кочевническим типом хозяйства нельзя понимать в том смысле, что народам пастушеского или кочевнического образа жизни вообще не были известны земледельческие занятия. В той или иной мере элементы земледелия присутствовали в их хозяйственном быте, играя подчиненную роль. В этом отношении венгры, видимо, не были исключением, хотя элементы земледелия, быть может, были в их обществе относительно более развиты.

Нужно сказать, что вопрос о вкладе кочевых народов в развитие материальной культуры Юго-Восточной Европы всегда привлекал к себе внимание археологов и историков. Как в отношении аваров [44], так и особенно протоболгар можно даже констатировать в последнее время известное усиление исследовательского интереса к этой проблематике. В том, что так называемая «аварская» культура не была достижением только творческого гения кочевого или кочевых этносов, в настоящее время не может быть сомнений. Помимо восточных и византийских, в ней выделяются и

местные элементы, связанные, возможно, с частичным сохранением вблизи бывших лагерей и станций римского вала местных ремесленных мастерских. Территориальные границы этой культуры определялись пределами полиэтнической Аварской державы и сферой ее политического влияния. Примечательно при этом, что наиболее многочисленные и важные памятники «аварского» стиля обнаруживаются не на собственно аварской территории, а за ее границами — в южной Моравии. Сложный синкретический характер показателен и для культурного наследства протоболгар [45]. Делаются попытки вскрыть в протоболгарской культуре не только византийские воздействия, но и ее возможные связи с Кавказом и Передней Азией [46].

Серьезный вклад в изучение условий сосуществования, а затем и синтеза славянской земледельческой и протоболгарской кочевой культуры внесли исследования болгарских археологов [47]. Существенные достижения имеют и советские археологи [48]. Речь идет о планомерном исследовании на территории Молдавии памятников так называемой «балкано-дунайской» культуры, типичной именно для Первого Болгарского царства и пришедшей в упадок вместе с его падением в результате византийского завоевания в 1018 г.

Сложнее обстоит дело с проблемой античного наследия и развития материальной культуры контактной зоны. Относительно продвинуты в настоящий момент соответствующие исследования применительно к территории Болгарии. Но и здесь они имеют преимущественно локальный характер. Разрабатываются главным образом проблемы античных традиций в области строительной культуры на примере крупных архитектурных комплексов эпохи Первого Болгарского царства [49].

При этом, естественно, возникают сложности с разграничением факторов античного наследства с факторами постоянно действующего византийского влияния на культурное развитие раннесредневековой Болгарии. Зато в очень слабой мере изучение вопросов континуитета античных традиций ведется на примере раннесредневековых поселений сельского типа, хотя в области фольклора и этнографии продолжается выявление новых данных, свидетельствующих о живучести античного наследства как в области духовной [50], так и материальной культуры [51]. Свой вклад в разработку проблем античного наследства стремятся внести и историки, ставящие вопросы об усвоении славянами в ходе постоянных контактов с оставшимся местным насе-

лением его материальной культуры и производственного опыта [52].

Явно недостаточная изученность проблематики античного наследства в области материальной культуры затрудняет, конечно, общую оценку пути, пройденного народами контактной зоны в период раннего средневековья. Особенно ощущается крайне слабая исследованность проблемы сохранения в условиях Великого переселения народов бывших римских ремесленных центров, традиций провинциального римского ремесла. Все эти лакуны в наших знаниях ни в коей мере не снимают вопроса о важности античного фактора в развитии всех основных процессов, происходивших в Юго-Восточной Европе.

Главными историческими процессами в этом регионе Европы, само собой разумеется, были процессы формирования новых феодальных производственных отношений, зарождавшихся и развивавшихся на базе очень сложных явлений интеграции в области материальной культуры и производства и связанных с не менее сложными явлениями этнического синтеза. Зарождение и развитие феодальных отношений и в этом регионе Европы были теснейшим образом связаны с образованием государственности и ее активным воздействием на сферу социальных отношений в обществе. К сожалению, именно эти процессы в значительной мере из-за скудности и сложности источников следует признать изученными далеко не достаточно, особенно если учесть сложность и неоднородность социально-экономической и культурно-хозяйственной структуры контактной зоны, пестроту ее этнической характеристики. Можно было бы даже сказать, что процессы феодализации у южных славян до сих пор изучались главным образом в том плане, в котором они проявляют свое явственное сходство с развитием аналогичных процессов в бессинтезных обществах Восточной и Центральной Европы [53]. Признавая важную роль государственной централизованной формы эксплуатации [54], исследователи истории южных славян во главу угла процессов феодализации ставили проблему формирования частновотчинных отношений в хозяйстве государей и знати [55].

Специфика условий контактной зоны, где происходил сложный синтез земледельческой и кочевой культур, двух различных типов хозяйственной жизни, до сих пор еще очень слабо учитывалась в наших исследованиях генезиса южнославянского феодализма. Социальная структура Аварского каганата практически не изучалась, а особенности формирования феодальных отношений в пастушеско-земле-

дельческом обществе влахов-волохов только совсем недавно привлекли к себе внимание нашей историографии, да и то еще не в монографическом плане [56]. К тому же как в Трансильвании, где этнический континуитет с гето-дакийской и римской эпохи археологически прослеживается наиболее отчетливо [57], так и на юг от Дуная волошский феодализм был структурно подавлен типологически иными процессами феодализации, свойственными венгерскому и южнославянскому обществам [58].

Если роль христианской церкви как фактора, способствовавшего формированию феодальных отношений и этнической интеграции кочевого и земледельческого населения, в общей постановке вопроса очевидна, то специфика ее как феодального землевладельца на всем протяжении контактной зоны выяснена далеко не достаточно, особенно в Паннонии и Великой Моравии IX в.

Вступление в стадию раннефеодального развития сопровождалось сложными процессами этнической интеграции, образования новых этнических общностей — народностей. Важная роль в этих процессах складывающейся раннефеодальной государственности опять-таки очевидна, хотя, конечно, и не равнозначна на всем пространстве контактной зоны, тем более что сама эта государственность существенно отличалась в различных ее частях [59].

Для Великой Моравии, Хорватии и даже Сербии есть основания предполагать путь формирования государственности очень близкий к складыванию ее у восточных славян, поляков и чехов. Этот путь вел от примитивных племенных княжений к относительно единым раннефеодальным монархиям с этнически однородным составом населения; границы государств имели ясно выраженную тенденцию к совпадению с границами образующей их народности. Следы начальных этапов аналогичного пути развития с учетом, разумеется, существенной роли старого местного населения можно отметить и для паннонских славян, славян Болгарии и Пруто-Днестровского междуречья. Однако сильная военная организация пришельцев-кочевников легко нарушила этот начинающийся процесс. Покоренные кочевниками племена вошли в состав многоэтничных держав со сложным характером социальной, хозяйственной и этнической структуры: ханство протоболгар, Аварский каганат, Венгерское государство.

Тогда как в Аварском каганате этнического синтеза кочевников со славянами, видимо, не произошло, хотя элементы этого этнического синтеза имелись [60], то в рамках

Первого Болгарского царства, как и Венгерской державы, сильные процессы этнического синтеза совершенно бесспорны. Они завершились образованием болгарской и венгерской раннефеодальных народностей, чему в огромной мере способствовала христианизация. Однако они не привели одновременно к полной ликвидации этнической неоднородности этих государственных образований. Этнически однородными они в полной мере так никогда и не стали, что не могло не сказаться на общем характере процесса формирования народностей в контактной зоне. Поэтому роль второго пути формирования государственности в контактной зоне (пути смешанных земледельческо-кочевнических держав, где главную роль в хозяйственной жизни играло все же земледельческое, преимущественно славянское, население) в процессе формирования здесь народностей не может быть оценена однозначно.

Роль этих держав в процессе складывания народностей в Юго-Восточной Европе, по-видимому, явно противоречива, хотя и крайне недостаточно изучена. Ярким примером противоречивости этой роли может, пожалуй, послужить судьба восточнороманских этносов. Как каждая формирующаяся в условиях перехода к феодализму народность, восточнороманские этносы, видимо, неоднократно делали попытки оформиться политически в рамках раннефеодальной государственности. Речь идет не только об активном участии влахов в образовании Второго Болгарского царства. Русская летопись дает известные основания предполагать существование славяно-волошских государственных образований в Среднем Подунавье в канун венгерского завоевания. О славяно-волошском княжестве в Трансильвании упоминает и венгерский «Аноним» [61].

Проведенные в Дабыке близ Клужа большие раскопки сильно укрепленного городища IX—XI вв.[62] как будто бы действительно свидетельствуют, что Дабыка могла быть центром значительного государственного объединения — княжества или воеводства [63]. Само собой разумеется, что в рамках такого рода политических образований должны были развиваться процессы социально-экономического и этнического славяно-волошского синтеза; можно даже говорить о преимущественной политической активности волошского компонента, но предполагать быстрый процесс романизации славянского этноса [64] в Трансильвании (его представляли здесь переселенцы из областей, где формировалось западное славянство) едва ли есть основание. Однако попытки восточнороманских этносов создать свою государ-

ственность действительно увенчались успехом только в XIV в., когда в условиях развитого феодального окружения возникли Молдавское и Валашское государства анклавного типа, в которых в дальнейшем стали развиваться процессы социально-экономического, языкового и этнического волошско-славянского синтеза. Для Валахии показательно участие в синтезе болгарского, для Молдавии — болгарского и восточнославянского элементов.

Само собой разумеется, что сказанное выше является всего только предварительным опытом характеристики основных линий социально-экономического и этнического развития контактной зоны в Юго-Восточной Европе в эпоху раннего средневековья. Характеристика эта потребует еще множества дополнительных разработок, уточнений, привлечения новых источников. Однако границы выделяемой между регионом синтеза и бессинтезной зоной в Юго-Восточной и частично Центральной Европе контактной зоны обрисовываются довольно отчетливо. Зона эта охватывала Словакию, территорию современной Венгрии, Румынии и Молдавии, внутреннюю Хорватию и сербские земли, Болгарию и Македонию, подходя вплотную к весьма подвижным границам Византии. В нее не входила Далмация, а Моравия, часть южной Польши и часть юго-западных украинских земель образовывали ее пределы на северо-востоке. На востоке зона эта непосредственно соприкасалась с территорией распространения так называемой «салтовско-маяцкой» культуры, тесно связанной с Хазарским каганатом. Если реки (в первую очередь Дунай) и сложная система византийских военных укреплений не препятствовали, а скорее благоприятствовали, стягивая к себе окрестное население, развитию культурных, экономических и этнических контактов, то совсем иную роль играли труднодоступные горные местности и обширные пространства лесов. Они были условием сохранения в отдельных частях рассматриваемого региона тенденций к культурной и этнической изоляции, с ними связана в значительной мере пестрота его этнической характеристики.

Как видно из всего сказанного выше, зону эту нет оснований включать в регион ни умеренного социально-экономического синтеза варварства и античности, ни тем более синтеза с преобладанием позднеримских элементов. Отмечаемые в ней элементы этого синтеза отличаются качественно и прослеживаются главным образом в области материальной культуры. Вместе с тем, однако, зону эту нельзя рассматривать и как простое продолжение бессинтезного

восточно- и центральноевропейского региона, ибо элементы синтеза античности и варварства здесь все же имелись, причем нарастание их происходило почти буквально в направлениях с востока к западу и с севера к югу.

Попытка типологического выделения особой контактной зоны на Юго-Востоке Европы, разумеется, если она оправдается, по мнению автора, может оказаться плодотворной не только при исследовании основных этапов развития рассматриваемого региона. В дальнейшем ее можно было бы распространить и на другие близкие по своей социально-экономической, культурной, этнической характеристике регионы Европы. В первую очередь речь должна была бы пойти о Закавказье и прилегающих к нему территориях.

В заключение одно общее замечание. Выше были рассмотрены три большие археологические культуры, соответствующие трем крупным политическим образованиям. Если в случае с черняховской культурой тезис о формировании в ее границах особой народности представляется очень спорным (нет оснований даже положительно решить вопрос о возможном языке этой народности), то зато определенно следует считать, что соответствующих процессов этнической интеграции в Аварском каганате и не происходило. Так называемая «аварская» культура не обнаруживала тенденции превратиться в культуру моноэтническую.

Иная ситуация сложилась в третьем случае. Балкано-дунайская культура, или культура Первого Болгарского царства [65], тоже была полиэтнической, однако в пределах державы протоболгар процесс этнической интеграции все же развивался. Правда, протоболгарское завоевание прервало, по-видимому, процесс формирования здесь самостоятельной славянской государственности и связанный с ней процесс складывания народности. Однако в дальнейшем могучая военная организация протоболгар не только исключила возможность византийского завоевания с его тенденциями к деэтнизации покоренных территорий, но и способствовала усилению темпов славянской колонизации и, может быть, даже укреплению позиций славянского этнического фактора, главной военной, а отчасти и производственной силы царства по отношению к автохтонному населению.

Процесс этнической интеграции протоболгар, славян и автохтонов завершился, однако, только в условиях перехода кочевников к оседлости и христианизации общества в целом. Только принятие новой религии окончательно ликвидировало все препятствия на пути начавшихся про-

цессов этнической интеграции, формирования раннефеодальной болгарской, славянской по этническому самосознанию, народности [66] (как видно из сказанного выше, в основном вне этого процесса стояли влахи).

Конкретно-исторические условия формирования болгарской славянской народности очень существенны для этнических исследований и в теоретическом плане. Изучение их свидетельствует о большой роли, которую могла играть религия — идеологическая и культурная надстройка (в данном случае — надстройка феодального типа — христианство) — в процессе формирования на основе старых этносов или их элементов новых этнических общностей.

С переходом Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы к эпохе развития феодализма решительные перемены наступили в исторической судьбе рассмотренной выше контактной зоны. С XII в., а особенно в XIII—XIV вв. происходит распад некогда единого центрально- и восточноевропейского бессинтезного региона на два по характеру феодального развития типологически разных региона: восточноевропейский и центральноевропейский. К центральноевропейскому отходит территория Венгерского королевства с Трансильванией, Словакии, Словении и Хорватии. На Балканах и в Нижнем Подунавье начинается процесс формирования особого южноевропейского региона, ускоренный упадком Византийской империи, монголо-татарским нашествием, а затем продвижением турок на Балканы [67]. К сожалению, все эти очень сложные процессы периода развитого феодализма еще практически не разрабатывались в нашей историографии. Рано или поздно, но они должны встать перед советскими медиевистами.

[1] Начальная грань раннефеодального периода — рубеж VI—VII вв.— является только условной границей, так сказать, границей post quem.

[2] Подробно вопросы формирования феодальных отношений, государственности и народностей в славянской Восточной и Центральной Европе рассмотрены в работах: *Королюк В. Д.* Основні етапи розвитку ранньофеодальної державності у східних і західних слов'ян.— УІЖ, 1969, № 12; *Koroluk W.* Główne etapy rozwoju państwowości wczesnofeudalnej na Słowiańszczyźnie Wschodniej i Zachodniej.— KwH, 1970, N 2; *Королюк В. Д.* Раннефеодальная государственность и формирование феодальной собственности у восточных и западных славян (до середины XI в.). М., 1970 (V Международный конгресс экономической истории, 10—14 августа 1970 г.); *Он же.* Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы.— В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. М., 1972 (здесь же см. литературу проблематики).

[3] Положение это, по-видимому, остается в силе даже в случае признания существенной роли в формировании восточного славянства балто-славянского синтеза (подробнее о нем см.: *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; *Седов В. В.* Славяне Верхнего Приднепровья и Подвинья. М., 1970; ср. методологически важные замечания в статье: *Хабургаев Г. А.* Этнический состав древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей.— СЭ, 1972, № 1); древнерусская народность формировалась после и частично, быть может, на заключительных этапах этого синтеза при безусловном господстве славянских элементов. О безусловном преобладании в Киевской Руси восточнославянского этноса определенно свидетельствует развитое славянское самосознание общества, отразившееся в древнерусском летописании. См.: *Королюк В. Д.* К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв.— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968.

[4] Подробнее об этом см.: *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 44—61, 70—79, 165—194 (здесь же указана и библиография вопроса).

[5] *Удальцова З. В., Гутнова Е. В.* Генезис феодализма в странах Европы. М., 1970, с. 3, 11—14 (XIII Международный конгресс исторических наук).

[6] Особую позицию в оценке роли синтеза в процессе феодализации Византии занимал М. Я. Сюзюмов. Признавая наличие феодальных тенденций в развитии Позднеримской империи, он полагал, однако, что в дальнейшем тенденции эти зашли в тупик. Тенденции к феодализации восторжествовали значительно позже в результате регенерации крестьянской общины. Последствия славянской колонизации начали сказываться только с половины или конца VII в., определив лишь внутреннее укрепление общинных порядков. См.: *Сюзюмов М. Я.* Дофеодальный период.— В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1972, вып. 8, с. 7—14.

[7] К раннему периоду истории Византии относит зарождение феодальной собственности Е. Э. Липшиц (см.: *Липшиц Е. Э.* Очерки истории византийского общества и культуры (VIII — половина IX в.). М.; Л., 1961, с. 23 и др.). А. П. Каждан (см.: *Каждан А. П.* Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, с. 57—120) считает, однако, возможным говорить о формировании феодальной собственности только начиная с IX в. Ко второй точке зрения близок и Г. Г. Литаврин (см.: *Литаврин Г. Г.* Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на средневековна България в сравнение с Византия (от края на VII до края на XII в.).— ИП, 1970, № 6); суммарную характеристику культурного и экономического воздействия Византии на ее европейских соседей дал Д. Оболенский (*Obolensky D.* Byzantin frontier zones and cultural exchanges.— In: XIVe Congres Internat. des études byzantines: Rapports. Buc., 1971, vol. II).

[8] *Королюк В. Д.* Особенности становления феодализма и формирования славянских раннефеодальных государств в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе.— ССл., 1970, № 5; *Он же.* О так называемой «контактной» зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.

[9] *Королюк В. Д.* Особенности становления феодализма..., с. 7.

[10] *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960; *Бромлей Ю. В.* Становление феодализма в Хорватии. М., 1964.

[11] Анализ соответствующей литературы см.: *Удальцова З. В.* Советское византиноведение..., с. 44—61, 165—194; ср.: *Сюзюмов М. Я.* Дофеодальный период, с. 3, 12.

[12] Подробнее см.: *Сюзюмов М. Я.* Дофеодальный период, с. 3—10.

[13] Там же, с. 19.

[14] *Милетич Л., Агур Д. Д.* Дако-романите и техната славянска писменност.— В: Сб. за народни умотворения, наука и книжнина. С., 1893, кн. IX, с. 16; см. также: *Тъпкова-Заимова В.* По някой въпроси за етническите промени на Балканите през VI—VII вв.— ИИИ, 1963, т. 12; *Bon A.* Le problème slave dans le Peloponnèse à la lumière de l'archéologie.— Buzantion, Bruxelles, 1950, vol. XX.

[15] Последнее обстоятельство подчеркивал еще Б. Д. Греков: *Греков Б. Д.* Избр. тр. М., 1959, т. II, с. 579.

[16] *Hilczerówna Z.* Le problème de la civilisation de Dridu.— SA, 1971, t. XVII.

[17] *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М., 1973, с. 264, 268, 288, 298, 312, 315, 373.

[18] См. публикации: Древности эпохи сложения восточного славянства.— МИА, 1964, № 116; История и археология юго-западных областей СССР начала эры.— МИА, 1967, № 139.

[19] *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. М., 1960, с. 229—238; ср.: *Он же.* Древние славяне в Прутско-Днестровском междуречье. М., 1966 (Первый конгресс балканских исследований).

[20] Ср. замечания по этому поводу применительно к Кавказу: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972, с. 13.

[21] Из работ, поддерживающих этот тезис следует назвать: *Артамонов М. Н.* Археологическая культура и этнос.— В кн.: Проблемы истории феодальной России: Сб. ст. к 60-летию В. В. Мавродина. Л., 1971 (здесь же дана большая библиография вопроса).

[22] *Hensel W.* Archeologia i prahistoria. Wrocław etc., 1971, s. 465—492; ср. замечания: *Ляпушкин В. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства.— МИА, 1968, № 152, с. 89; *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 92 и др.; *Королюк В. Д.* К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев.— ССл., 1973, № 3.

[23] *Рикман Э. А.* Некоторые черты общественного строя племен низовьев Днестра и Дуная в первых веках нашей эры.— СЭ, 1970, № 6; *Он же.* О влиянии позднеантичной культуры на черняховскую в Днестровско-Прутском междуречье.— КСИА, 1970, № 124.

[24] *Третьяков П. Н.* У истоков..., с. 48; *Рикман Э. А.* Население Днестровско-Прутского междуречья в первых столетиях н. э.— КСИА, 1969, № 119; *Он же.* О фракийском элементе в черняховской культуре Днестровско-Прутского междуречья.— КСИА, 1970, № 121.

[25] *Третьяков П. Н.* У истоков..., с. 50—52; *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии, с. 264.

[26] Такую гипотезу выдвинул П. Н. Третьяков: *Третьяков П. Н.* У истоков..., с. 49—50.

[27] История Венгрии. М., 1971, т. 1, с. 75—76.

[28] См.: История Болгарии. М., 1954, т. 1, с. 60—63 и др.

[29] *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей.— СЭ, 1967, № 2, с. 36—38. Граница между собственно фракийской и родственной ей дако-мизийской языково-этнической областью (территория Дакии, Верхней и Нижней Мезии, современной Добруджи) проходила в

Болгарии по линии Тимок—Вардар, что отразилось на болгарских диалектах. См.: *Георгиев В.* Въпросы на българската етимология. С., 1958, с. 108—119.

[30] Зборник К. Јиречека. Београд, 1962. Т. II; *Милетич Л., Агур Д. Д.* Дако-романите и техната..., с. 12. К югу от Балканского хребта тоже известно население, ведшее, как и влахи к северу от него, пастуше-ский образ жизни. Но это эллинизированное население. См.: *Маринов В.* Подвижно пастирство в България и на Балканския полуостров.— Известия на Етнографския институт и музей, С., 1965, т. VIII.

[31] *Пиотровский Р. Г.* Молдавский язык и вопросы славяно-молдавских отношений в эпоху раннего средневековья.— Октябрь, Кишинев, 1961, № 6; История Молдавской ССР. Кишинев, 1965, т. 1, с. 59—61; Istoria Rominiei. Buc., 1962, t. II, p. 20—23; *Demel J.* Historia Rumunii. Wrocław etc., 1970, s. 78—82.

[32] *Hensel W.* Archeologia..., s. 184—199.

[33] *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии, с. 209, 212.

[34] *Литаврин Г. Г.* Влахи византийских источников X—XIII вв.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972; *Королюк В. Д.* Славяне, влахи, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима».— Там же.

[35] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития..., с. 52.

[36] Как уже отмечалось выше, это преобладание нового элемента было связано с резким ослаблением местного, автохтонного населения. Такое ослабление обычно было результатом гибели в результате переселения народов (особенно кочевнических вторжений) значительной части взрослого населения. Массовое уничтожение — явление, характерное не только для этой эпохи. Победители, таким образом, с одной стороны, резко сокращали физические возможности побежденных к сопротивлению, с другой — подготавливали условия для их деэтнизации, ибо в условиях патриархата этническое самосознание именно мужчины, отца определяло этническую принадлежность младшего поколения.

[37] *Королюк В. Д.* Волохи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971; *Он же.* Волохи и славяне «Повести временных лет».— ССл., 1971, № 4; *Он же.* К вопросу о месте известий о волохах в «Повести временных лет».— ССл., 1972, № 1; *Он же.* Славяне, влахи, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима» Подробные данные о быте, хозяйственной и социальной организации пастушеского населения см.: *Милетич Л., Агур Д. Д.* Дако-романите и техната...; *Gyóni M.* La transhumance des Vlaques balkaniques au Moyen Age.— Byzantinoslavica, Pr., 1951, Vol. XII; Симпозиум о средњовјековном катуну. Сарајево, 1963; *Dragomir S.* Vlahi din nordul peninsulei Balcanice in evul mediu. Buc., 1959; см. также обзор литературы: *Donat J.* Pastoritul românese şi probleme sale.— Studii.— Revista de istorie, Buc. 1966, N 2.

[38] См.: *Маринов В.* Подвижно пастирство..., с. 85—86; *Ботушарова Л.* Рельеф на Херакъл от с. Кобилино.— Годишник на Народния археологически музей в Пловдив, С., 1959, кн. III; *Велков И.* Драгойново — един тракийски селищен център.— Известия на Археологически институт, С., 1955, кн. XIX; *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии, с. 149.

[39] О смешанности по антропологическим признакам авар см.: *Тот Т. А., Фиртейн Б. В.* Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов: Авары и сарматы. Л., 1970.

[40] О военно-политической и демографической ситуации в Паннонии в конце IX — начале X в. см.: *Łowmiański H.* Początki Polski. W., 1970, t. IV, s. 383—394; История Венгрии, т. 1, с. 102—105.

[41] *Барта А.* Восточная Европа и раннее средневековье Венгрии до середины XI века.— In: Nouvelles études historiques. Bp., 1965; *Он же.* Истоки венгерской культуры X в.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

[42] О том, что кочевое скотоводство было экономической основой венгерского общества до переселения венгров в Паннонию и в первый период их пребывания на новой родине, свидетельствуют не только прямые показания русской летописи, сравнивающей венгров с печенегами, но и погребальный обряд венгров IX—X вв. (погребение с конем). См.: *Федор И.* К вопросу о погребальном обряде древних венгров.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров; *Балинт Ч.* Погребение с конем у венгров в IX—X вв.— Там же.

[43] *Obolensky D.* Byzantine frontier..., p. 98; одновременно автор подчеркивает значение этого фактора и для перехода к оседлости протоболгар.

[44] Необходимо отметить специальный сборник: Symposium über die Besiedlung des Karpatenbeckens im VII.—VIII. Jahrhundert, 28.VIII—1.IX 1966.—Studijne zvesti Archeologickeho usta v u SAV, Nitra, 1968, t. 16.

[45] См., например: *Милчев А.* По въпроса за културата на славяните и прабългарите в нашите земи през раното средневековье.— Археология, С., 1964, № 2; *Станчев С.* Славяни и прабългари в старобългарската култура.— Там же, № 4; *Ваклинов Ст.* Изтокът в старобългарското изкуство от VII до XI век.— Трудове на Висшия педагогически институт братя Кирил и Методий, С., 1968, т. 5, кн. 1.

[46] *Ваклинов Ст.* Изтокът..., с. 138—145.

[47] *Važarova Z.* Slaven und Protobulgaren (nach archäologischen Angaben).— In: Berichte über den II. internationalen Kongress für slawische Archäologie. B., 1970, Bd. 1.

[48] См. указанные работы Г. Б. Федорова и др.

[49] Помимо работ, указанных в примечании 45, см. также: *Михайлов С.* Строителните периоди и произходът на старобългарската монументална архитектура.— Археология, С., 1964, № 2; *Станчева М.* По някои проблеми на средновековния Средец.— Известия на Българското историческо дружество С., 1967, т. XXV.

[50] Там же.

[51] См. также: *Маринов В.* Етнографска характеристика на ярема в България.— В кн.: Изследвания в чест на акад. Михаил Арнаудов. С., 1970.

[52] *Литаврин Г. Г.* Темпове и специфика..., с. 28.

[53] Примером такого исследования является монография: *Бромлей Ю. В.* Становление феодализма в Хорватии. М., 1964.

[54] Особенно энергичный упор на это обстоятельство был сделан в работе: *Литаврин Г. Г.* Темпове и специфика..., с. 28—32.

[55] *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия..., с. 57; *Бромлей Ю. В.* Становление..., с. 270.

[56] История Молдавской ССР, т. 1, с. 81—86.

[57] *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии, с. 278, 310, 342 и др.

[58] *Бромлей Ю. В., Королюк В. Д.* Славяне и волохи в Великом переселении народов и феодализация Центральной и Юго-Восточной Европы.— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма: (Рез. докл. Кишинев. симпоз., 1973 г.). Кишинев, 1973, с. 32.

[59] Из работ, посвященных образованию государственности в контактной зоне, следует назвать: *Łowmiański H.* Początki Polski, t. IV; *Havlik L. E.* Počatky státního života balkanských slovanů.— Slovanský přehled, 1970, N 6 (здесь же указана основная литература вопроса).
[60] *Королюк В. Д.* Авары (обры) и дулебы русской летописи.— В кн.: Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963.
[61] *Королюк В. Д.* К вопросу о месте известий...
[62] *Pascu Şt., Rusu M.* Cetatea Dăbica.— Acta Musei Napocensis, Cluj, 1968, vol. V; *Rusu M.* Note asupra relatiilor inluturale dintre slavi şi populaţia romanică din Transilvania (sec. VI—X).— Apulum, Alba Julia, 1971, vol. IV.
[63] *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии, с. 310.
[64] *Pascu Şt.* Voievodatul Trancilvanici. Cluj, 1972. Vol. 1.
[65] Одновременно с балкано-дунайской на территории Трансильвании, Олтении, Баната, Кришаны, Марамуреша, западной и северо-западной Валахии в горных областях и предгорьях существовала так называемая «культура Буков», часто приписываемая восточным романцам. К сожалению, памятники ее слабо изучены. Могильники неизвестны. Все же имеющийся материал свидетельствует и об участии славян в создании этой культуры. См.: *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии, с. 307—308.
[66] *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. С., 1970.
[67] См.: *Королюк В. Д.* Основные проблемы формирования..., с. 26—28.

К вопросу о раннефеодальной государственности у полабо-прибалтийских славян

В советской исторической науке инициатором изучения прошлого полабо-прибалтийского славянства с позиций марксистско-ленинской методологии стал Н. П. Грацианский, посвятивший ряд своих работ исследованию многовековой драматической борьбы полабо-прибалтийской ветви западного славянства с немецкой феодальной агрессией на Восток. Наряду с изучением трагических для полабо-прибалтийских славян результатов борьбы с германскими феодалами Н. П. Грацианский много внимания уделял и проблемам экономического развития этих народов, занимавших в период раннего средневековья обширные и важные как в экономическом, так и в политическом отношении территории, ограниченные приблизительно течениями рек Лабы и Одры. Он первым в нашей исторической литературе сумел убедительно показать несостоятельность тезиса об изначальной примитивности быта и имманентно присущей полабо-прибалтийским славянам отсталости и несамостоятельности их культурного, политического и экономического бытия — тезиса, нашедшего в немецкой буржуазно-националистической литературе широкое распространение [1].

Почти одновременно с Н. П. Грацианским над вопросами политического развития полабо-прибалтийского славянства и его борьбы с агрессией германских феодалов рабо-

тал Н. С. Державин [2]. Их исследования продолжил в дальнейшем ряд более молодых советских историков — В. Д. Королюк [3], С. Г. Григорьев [4], Я. П. Зинчук [5]. Последний сумел убедительно показать роль экономического и торгового фактора в развитии раннесредневековой германской феодальной агрессии в бассейне Балтийского моря и отметил важное значение позиции датских феодалов для исхода борьбы, развернувшейся на равнине к востоку от Лабы.

Параллельно с только что названными направлениями исследований стали появляться и работы, посвященные социально-экономической и правовой проблематике, положению феодально-зависимого крестьянства в полабо-прибалтийском славянском обществе. Речь идет о работах Б. Рыскина [6] и З. М. Черниловского [7].

Заканчивая наш обзор, нельзя не отметить одной чрезвычайно существенной черты, характерной для трактовки ею социально-экономического строя общества полабо-прибалтийских славян в период раннего средневековья. С одной стороны, в литературе, как правило, подчеркивается относительно высокий уровень и самобытный характер социально-экономической жизни полабо-прибалтийских славян, констатируется, что их раннефеодальное общество ни в коем случае нельзя определить как отсталое или примитивное, а с другой — формирование государственности, без чего немыслим был в тех исторических условиях какой-либо серьезный социально-экономический прогресс, относится в основном ко времени, гораздо более позднему, чем допустим, на Руси, в Польше или Чехии. Так, например, в изданной в 1947 г. работе В. Д. Королюка образование государственности у бодричей было отнесено ко второй трети XI в. Эту точку зрения в дальнейшем поддержал С. Г. Григорьев, а в настоящее время особенно энергично развивает З. М. Черниловский [8]. Более осторожную позицию занял в этом вопросе Я. П. Зинчук, который счел возможным говорить о длительном, начавшемся задолго до XI в. процессе образования Бодрицкого государства, правда, только в форме постановки вопроса.

Прежде чем перейти к анализу причин, вызвавших это бросающееся в глаза противоречие в наших работах по истории полабо-прибалтийского славянства, следует несколько слов сказать по поводу первого утвердившегося в нашей историографии тезиса об относительно высоком уровне развития полабо-прибалтийских славян, не дающем никаких оснований говорить об их отставании в области социально-экономических отношений. Для самой разносто-

ронней и прочной аргументации этого тезиса для периода VIII—XI вв. в последнее время особенно много сделали польские и чехословацкие историки-марксисты.

В исследовании Г. Ловмяньского, содержащем сравнительно-историческую разработку проблемы социально-экономических предпосылок образования феодальной государственности у славян, подробно рассматривается уровень материальной культуры полабо-прибалтийского славянского общества и делается вполне аргументированный данными источников вывод о том, что и здесь экономической основой зарождения и развития классового общества были происходивший повсеместно в VII—VIII вв. в славянском мире переход к пашенному земледелию, прогресс в области металлургии и ремесла [9]. В польской археологической литературе подчеркивается даже, что у полабо-прибалтийских славян города и городская жизнь стала развиваться раньше, чем в соседней Польше [10]. Общеизвестно, что полабо-прибалтийские славяне наряду с поморянами были искусными кораблестроителями и превосходными моряками. Полабо-прибалтийские славяне активно участвовали в бурно развивавшейся в период раннего феодализма международной торговле в бассейне Балтийского моря.

В то время как в центре внимания польской историографии оказались вопросы экономического развития полабо-прибалтийских славян, а также изучение условий их внешнеполитического существования [11], в чехословацкой разрабатывались прежде всего проблемы их социального строя. Так, вопросам происхождения феодальной ренты в полабо-прибалтийском славянском обществе посвятил интересное исследование В. Прохазка [12]. Ему же принадлежит работа об организации и эволюции языческого культа у полабо-прибалтийских славян [13]. При этом, как подчеркивает автор, культ этот развивался в сторону усиления монотеистических тенденций, что явно свидетельствует, как известно, о приспособлении его к условиям классового общества, в идеологическую санкцию которого он постепенно превращался. Кстати сказать, в форме постановки вопроса тезис этот фигурировал уже в советской литературе [14].

Вместе с тем в чехословацкой историографии появились и новые работы, посвященные проблемам формирования государственности у полабо-прибалтийских славян, затрагивающие попутно и проблемы этнической консолидации и формирования народностей. Имеются в виду очень интересные и новые по своим основным выводам исследования Л. Грабовой [15] и Г. Булина [16].

В итоге всех указанных новейших исследований можно считать вполне доказанным сформулированный выше тезис, что в своем социально-экономическом развитии полабо-прибалтийские славяне (исключение может составлять только какая-то часть северных лютических земель) [17] не отставали от других западнославянских народов. Только применительно к государственному строю, сохранившему еще в XI—XII вв. ряд архаических черт, можно говорить об их отставании. Именно так сформулировал этот тезис польский историк Г. Ловмяньский [18].

Эти архаические черты в государственном строе полабо-прибалтийских славян XI—XII вв. и дали основание названным выше советским, как, впрочем, и некоторым западнославянским историкам настаивать на относительно позднем зарождении государственности у бодричей и лютичей.

Чтобы понять, как могла возникнуть и утвердиться в литературе эта точка зрения, следует учитывать, что она стала формулироваться еще тогда, когда лишь начиналось изучение с позиций марксистской методологии происхождения государства у западных славян вообще, когда не казалось странным говорить, например, о родовом (пусть и разлагавшемся) строе у польских племен X в.[19]

С другой стороны, правильно полагая, что разобщенность и постоянные противоречия в лагере полабо-прибалтийских славян облегчали германским феодалам успешное продвижение на восток, указанные исследователи исходили из логической презумпции, что в период раннего средневековья шел процесс образования у полабо-прибалтийских славян единого государства и единой народности, процесс, который оказался незавершенным.

Новейшие исследования показали, однако, что в действительности источники не дают оснований говорить о таком процессе как о сколько-нибудь определенной и длительной тенденции, хотя факты временного политического объединения, более широкого, чем бодричи или лютичи, сами по себе имели, разумеется, место. Зато чрезвычайно ярко проявляются тенденции политической консолидации в рамках нескольких государств и этнической консолидации в рамках нескольких народностей. На последнее обстоятельство обратила внимание Л. Грабова [20], отметившая, что уже со времен биографа Карла Великого Эйнгарда [21] для обозначения политических и этнических образований полабо-прибалтийских славян, как и для Чехии, в источниках употребляются одни и те же наименования: лютичи, бодричи, сербы (для чехов — богемы).

Пытаясь обосновать свой тезис о позднем возникновении у полабо-прибалтийских славян государственности, историки обычно ссылались на внешний фактор, на исключительно неблагоприятные для полабо-прибалтийских славян условия их внешнеполитического существования. Новейшие исследования показали, однако, что и в этом отношении исторический процесс был сложнее, потому что на разных этапах складывались особые, далеко не всегда одинаковые международные условия для политического развития народов, обитавших тогда между Одрой и Лабой.

Таким образом, была подготовлена исследовательская база для пересмотра вопроса о времени зарождения государственности у полабо-прибалтийских славян, для попыток дать новое, более удовлетворительное объяснение бросающемуся в глаза противоречию между уровнем их социально-экономического развития и особенностями политических форм их государственного существования.

Л. Грабова предложила датировать образование бодрицкой государственности раннефеодального типа серединой X в., в то время как Г. Булин отнес этот процесс к концу VIII в., а К. Перадзкая — к VII столетию [22]. Точки зрения, близкой к выводам Г. Булина и К. Перадзкой, придерживается и автор этих строк в своей работе (1962), посвященной рассматриваемой здесь проблематике [23].

То обстоятельство, что пересмотр вопроса о времени и этапах образования государственности у полабо-прибалтийских славян начался с исследования Бодрицкого раннефеодального государства, отнюдь не является случайным. Дело здесь не только в состоянии источников, но и в большей, чем, скажем, у лютичей, близости бодрицкого исторического процесса к историческому процессу других западнославянских народов.

В настоящее время на базе последних исследований картину формирования у бодричей раннефеодальной государственности можно было бы свести к следующей схеме. Бодрицкие племена, главными из которых были собственно бодричи, вагры, варны и полабы, сложились как политические организации, судя по более поздним источникам, уже к VIII в. и представляли собой территориальные объединения, опиравшиеся на систему укрепленных «гродов». Их, по существу, неправильно было бы именовать племенами. Это были племенные княжества — примитивные зародыши будущего крупного, относительно единого раннефеодального государства.

Иными словами, можно думать, что после завершения

эпохи Великого переселения народов в Европе вместе со всем славянством и бодричи вступили в новый период своей истории, характеризующийся развитием классовых антагонизмов и зарождением государственности. Типичный для становления раннефеодальной государственности этап поглощения и подчинения одних племенных княжеств другими и образования относительно единого, с сильной центральной княжеской властью государства был пройден бодричами сравнительно быстро. Уже в конце VIII в. источники свидетельствуют о существовании единого Бодрицкого государства. Господствующим классом в бодрицком обществе этого времени была землевладельческая знать, упоминаемые в источниках primores и meliores, которые эксплуатировали в своих имениях труд зависимого населения и рабов.

Итак, применительно к VIII и первой половине IX в. не только нет никаких оснований говорить о каком-либо существенном отставании бодричей в их государственном развитии от других славянских народов, но скорее, наоборот, есть основания утверждать, что в своем историческом развитии Бодрицкое княжество даже несколько опережало находившиеся на периферии тогдашней феодальной Европы славянские страны, например польские земли. Находясь на самой западной окраине славянского мира, испытывая на себе постоянное давление со стороны саксов и датчан, могучей Франкской империи, бодричи сумели в конце VIII — первой половине IX в. достичь стадии образования сильного государства раннефеодального типа. В это время внешний фактор — иноземный натиск — действовал еще как фактор, усиливающий центростремительные тенденции в бодрицком обществе, ускоряющий процесс формирования единой бодрицкой государственности, так что бодрицкое общество не представляло тогда никакого исключения из характерного и для образования других славянских государств процесса [24]. Общественному прогрессу, развитию процесса феодализации и формированию государственного аппарата у бодричей в немалой мере способствовала, очевидно, близость более высокоразвитой франкской раннефеодальной государственности.

Однако энергичный, порой проходивший быстрее, чем у других западнославянских народов, процесс общественного и государственного развития бодричей оказался явлением непродолжительным. Уже со второй половины IX в. политические позиции Бодрицкого княжества в связи с конфликтом с восточнофранкскими феодалами оказываются

чрезвычайно непрочными. Натиск на восток немецких феодалов приобретает особенно опасный характер с приходом к власти в Германии Саксонской династии. Тяжелая борьба с немецкими феодалами, постоянные войны между бодричами и лютичами, неудачные и непрочные в целом попытки христианизации — все это вместе стало громадным тормозом на пути прогрессивного общественного развития бодричей. Успешное развитие феодальных отношений неизбежно требовало политического подавления свободного и гордого своей свободой крестьянина-общинника. В условиях постоянной войны не на жизнь, а на смерть, когда участие в борьбе народного ополчения диктовалось прямой необходимостью, такое политическое подавление свободного крестьянства оказывалось крайне затрудненным и даже фактически невозможным. В создавшихся со второй половины IX в. условиях внешний фактор — натиск иноземных агрессоров — был уже фактором не ускоряющим, а тормозящим государственное развитие полабо-прибалтийских славян. Центральной княжеской власти у бодричей приходится вести тяжелую и далеко не всегда успешно заканчивающуюся для нее борьбу с отдельными недовольными группировками знати.

В результате начавшийся еще в VIII в. процесс политической консолидации в рамках относительно единого раннефеодального государства оказывается крайне заторможенным и приобретает вполне четкий характер только к второй трети XI в., при князе Готшалке. Однако и на этот раз он был прерван социально-политическим кризисом 1066 г. и иноземной агрессией.

Короче говоря, отставание политической организации и архаические элементы в общественном устройстве бодрицкого общества были явлениями вторичного порядка, тесно связанными с особенностями его внешнеполитического развития.

Обрисованная выше картина развития бодрицкого общества в период раннего средневековья не совпадает, хотя, по существу, и довольно близка к схеме, предложенной польским исследователем Г. Лабудой [25].

Состояние источников и историографии не позволяет с той же степенью вероятности, как в случае с бодричами, решать проблемы государственного развития их ближайших соседей — лютичей. Как в чехословацкой [26], так и в советской историографии [27] подобные попытки предпринимались скорее лишь в порядке постановки вопроса, с целью найти аргументы в пользу того, что и здесь торможение

процесса образования единой раннефеодальной государственности, упадок и неразвитость княжеской власти, черты теократии в общественном устройстве были явлениями вторичного порядка, связанными с внешними факторами. Непрерывное состояние войны не только тормозило общественное развитие, но и вело к консервации и даже реставрации отдельных архаических явлений в социальном и государственном строе общества.

К сожалению, все эти вопросы до сих пор даже не были поставлены применительно к обществу руян, тоже отличавшемуся в XI—XII вв. чертами крайнего своеобразия и архаичности.

Думается, что к значительному сдвигу в изучении раннефеодального периода в истории лютичей и руян могут привести предпринятые в достаточно широком масштабе археологические работы, а также организация сравнительно-исторических исследований с привлечением славянского и неславянского материала.

[1] *Грацианский Н. П.* Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943; *Он же.* Карл Великий и славяне.— ИЖ, 1945, № 3; *Он же.* Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты.— ВИ, 1946, № 2/3; и др.

[2] *Державин Н. С.* Славяне в древности. М., 1945.

[3] *Королюк В. Д.* Государство Готшалка (XI в.) — В кн.: Славянский сборник. М., 1947.

[4] *Григорьев С. Г.* Полабские славяне и их борьба против немецкой агрессии в IX—XI вв. М., 1953; *Он же.* Ободритское государство и восстание славян против немецко-католического ига в 1066 г.— Учен. зап. Владивосток. ун-та. Сер. обществ.-полит. наук, 1958, вып. 2.

[5] *Зинчук Я. П.* Борьба западных славян с наступлением немецко-датских феодалов на южное побережье Балтийского моря. М., 1955.

[6] *Рыскин Б.* Смерды в областях немецкой колонизации XI—XIII вв.— ВИ, 1948, № 3.

[7] *Черниловский З. М.* Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М., 1959.

[8] Там же, ср.: История государства и права. М., 1949, т. 1, с. 41.

[9] *Łowmiański H.* Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. W., 1953, s. 101—102.

[10] *Hensel W.* Słowianszczyzna wczesnośredniowieczna. Zarys kultury materialnej. 2 wyd. W., 1956, s. 321—324.

[11] *Labuda G.* Fragmenty dziejów Słowiańszczyzny zachodniej. Poznań, 1960. T. 1.

[12] *Proházka V.* Danova a jiná bremena u polabsko-pobaltských Slovanů.— Pravněhistorické studie, Pr., 1955, d. I.

[13] *Proházka V.* Organisáce kultu a kmenové zřizení polabskopobaltských Slovanů.— In: Vznik a počátky Slovanů. Pr., 1958, d. II.

[14] *Зинчук Я. П.* Борьба...: *Королюк В. Д.* Древнепольское государство. М., 1957, с. 139.

[15] *Hrabová L.* K otázce vzniku a vývoje státu u Polabských slovanů.— ČsČH, 1955, N 4.

[16] *Bulin H.* Počátky státu obodrického.— Pravněhistorické studie. Pr., 1958, d. IV; *Idem.* K otázce periodisace dejin Západnich Slovanů v nejstaršim období feudalismu:— In: Vznik a počátky slovanů. Pr., 1956. Wol. 1.

[17] *Labuda G.* Z badań nad osadnictwem i ustrojem Słowian Polabskich.— SO, 1962, t. 22, s. 324—325.

[18] *Łowmiański H.* Początki Polski. W., 1963, t. I, s. 371—372.

[19] См.: *Пичета В. И.* Образование Польского государства.— В кн.: Славянский сборник. М., 1947.

[20] *Hrabová L.* K otázce..., s. 666—667.

[21] MGHSS, t. II, p. 450—451.

[22] *Pieradzka K.* Zagadnienie grodów i wczesnośredniowiecznej organizacji grodowej u Słowian północno-zachodnich.—Pamiętnik słowiański, 1955, N 4.

[23] *Королюк В. Д.* Государство бодричей в правление князя Готшалка (1031—1066).— SO, 1962, t. 22.

[24] Подробнее о трактовке роли внешнего фактора в советской историографии см.: *Королюк В. Д.* Некоторые спорные и нерешенные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период (VII—XI вв.).— КСИС, 1961, № 33/34.

[25] *Labuda G.* Z badań nad osadnictwem...; нужно сказать, что до выработки единой точки зрения в трактовке бодрицкого исторического процесса еще довольно далеко; ср.: *Procházka V.* Politické zřizení polabsko-pobaltských slovanů v zaverečném udobe rodové společnosti.— SO, 1962, t. 22.

[26] *Bulin H.* Počátký státu veletského.— Pravněhistorické studie, Pr., 1959, d. V.

[27] *Королюк В. Д.* Государство бодричей...,с. 177.

Государство бодричей в правление князя Готшалка (1031—1066)

Хронологические рамки настоящей работы — годы правления бодрицкого князя Готшалка (1031—1066 гг.) — избраны отнюдь не случайно. Вторая треть XI в. является важным, в известном смысле переломным этапом в истории Бодрицкого княжества, временем его политического подъема после длительного периода упадка в X — начале XI в. Вместе с тем это была эпоха бурного развития процессов феодализации в бодрицком обществе, что нашло прямое отражение в церковной политике бодрицкого князя.

Не говоря уже о том, что христианизация Бодрицкого княжества должна была сыграть крупную роль в деле укрепления бодрицкой государственности так же, как и в борьбе за независимость от немецких феодалов, христианизация являлась в руках господствующего класса могучим орудием наступления на права и труд народных масс, создавала наиболее благоприятные условия для развития в стране прогрессивных тогда феодальных отношений. Церковная политика Готшалка представляет особенно

большой интерес еще и потому, что впоследствии его сыну Генриху не только не удалось восстановить в стране христианство в его прежних размерах [1], но источники не дают даже основания предполагать каких-либо серьезных попыток его в этом направлении.

С другой стороны, годы правления Готшалка были временем резкого обострения социальных и политических противоречий в Бодрицком княжестве, вылившихся в социально-политический кризис 60-х годов XI в. Мощному подъему классовой борьбы эксплуатируемого крестьянства, вызванному наступлением духовных и светских феодалов, способствовал жестокий конфликт в рамках господствующего класса.

Однако центростремительные силы оказались настолько организованными, что народное восстание 1066 г., осложненное выступлением против центральной власти отдельных группировок знати, насильственная смерть князя и последовавшая затем языческая реакция в стране не привели к распаду Бодрицкого государства. Наоборот, при преемниках Готшалка оно достигает еще большего территориального расширения, в годы правления Крутого перейдя в решительное наступление против немецких феодалов.

К сожалению, литература вопроса невелика [2]. А. Ф. Гильфердинг в своем уже сильно устаревшем, хотя и сохраняющем значение главным образом благодаря добросовестному и внимательному изучению источников труде [3] успел коснуться лишь первой половины, точнее, начала Готшалкова правления, так как сочинение его осталось незаконченным. Отметим, что он, возможно, был первым из исследователей, обратившим внимание на проповедь христианства при Готшалке на народном языке и придавшим этому факту серьезное значение. Нельзя, однако, согласиться с его попыткой привести это явление в связь с Кирилло-Мефодиевой проповедью, поскольку ни один источник не дает оснований предполагать что-либо подобное.

В этом случае он остается верным себе и тому славянофильскому поколению русских славистов, которые смешивали два принципиально разных понятия: славянство и православие. В остальном Гильфердинг ограничивается, по существу, лишь добросовестным пересказом источников.

Тот же характер добросовестного пересказа в основном носят сочинения А. И. Павинского [4] и Л. Гизебрехта [5]. Нет нужды подробно останавливаться на первом из них. Для Павинского важно отметить лишь наивный славянофиль-

ский романтизм, в котором выдержана вся его книга, его многочисленные ссылки на «славянский дух», на «истинно славянские» качества, в которых он в конце концов ищет начало и конец, причины и смысл всего происшедшего.

Большего интереса заслуживает серьезный и, можно сказать, объективный труд Л. Гизебрехта. Автор широко использовал имевшийся материал источников и, что самое важное, не повел своего рассказа о Бодрицком государстве изолированно от международной обстановки, связал события в Бодрицком княжестве с современными им событиями в Империи, Саксонии и отчасти Дании.

Спорной представляется исходная посылка Гизебрехта, предполагающего зависимое, подчиненное положение Готшалка от саксонского герцога. Посылка эта не может быть исчерпывающе доказана на основании сохранившихся известий.

Свою научную ценность сохранило и вышедшее около ста лет назад исследование В. К. Надлера [6], в основном использовавшего сообщения Адама Бременского и Саксона Грамматика. Остроумный и тонкий анализ политической деятельности бременского архиепископа Адальберта, данный автором, заслуживает тем большего внимания, что политика Готшалка находилась в самой тесной взаимной связи с политикой Адальберта Бременского. Выводы Надлера наводят на мысль, что Адальберт не только руководствовался в данном случае в вопросах славянской политики непосредственными интересами гамбургского диоцеза, но и имел более обширный план — опереться в своей борьбе с саксами на датчан и бодричей. А для этого было необходимо упрочить положение Готшалка.

Не меньшее значение, как кажется, имеет устанавливаемая автором зависимость между падением Готшалка и перенесением центра датской политики на запад, куда в связи с английскими событиями обращается все ее внимание.

Из других дореволюционных русских историков следовало бы упомянуть М. К. Любавского [7], посвятившего в своем курсе истории западных славян Бодрицкому княжеству пусть немного, но зато хорошо продуманных страниц.

Думается, что в этом кратком и не претендующем на полноту обзоре нет необходимости специально рассматривать труд Д. Егорова, тем более что к нему придется еще обращаться при характеристике источников. Хочется только заметить, что большая часть принципиальных положений, из которых он исходит в критике хроники Гельмольда (они будут приведены ниже), может быть применена и

к Адаму, как, пожалуй, к каждому средневековому хронике-ру.

Давая общую оценку дореволюционной русской историографии вопроса, следует отметить, что ее в первую очередь интересовали вопросы политической истории Бодрицкого княжества, его борьбы с немецким феодальным натиском на восток. Следуя за ходом рассказа источников, историки, как правило, ограничивались лишь описанием военных и политических событий, фактически не касаясь тех социальных явлений, которые характеризовали историческое развитие бодрицкого общества.

С марксистских позиций вопросы немецкой феодальной агрессии на восток и борьбы с ней полабо-прибалтийского славянства исследовали советские историки Н. П. Грацианский [8] и Н. С. Державин [9].

Переходя к характеристике буржуазной польской и чешской историографии XX в., нельзя не указать на то обстоятельство, что наряду с исследованием вопросов немецкой феодальной экспансии на восток в ней разрабатывались и вопросы общественного развития бодричей в раннее средневековье. Исследование социальной структуры бодрицкого общества велось в сравнительно историческом плане, с учетом близких общественных институтов и явлений у других славянских народов. Ставился и вопрос о генезисе бодрицкой государственности. Речь идет о работах К. Ваховского [10], О. Бальцера [11], К. Кадлеца [12], З. Войцеховского [13]. Исследования эти сохраняют свое научное значение главным образом благодаря тому, что в них собран интересный фактический материал, сделан целый ряд важных конкретных наблюдений. Что же касается общей концепции происхождения государственности у полабо-прибалтийского славянства, то она, разумеется, не может быть принята марксистской историографией, рассматривающей возникновение государства как закономерный этап развития человеческого общества, как результат появления в нем классовых антагонизмов. Названные выше авторы были далеки от такой точки зрения. Они сводили вопрос к простой эволюции общественных институтов родового строя или к росту и усилению княжеской власти.

Между тем вопрос о времени и этапах формирования государственности у бодричей, как и у других полабо-прибалтийских славян, является, безусловно, одним из самых кардинальных вопросов их исторического развития. В советской исторической науке попытку поставить этот вопрос предпринял в 1947 г. В. Д. Королюк [14]. Отнеся ко второй

трети XI в. образование государственности у бодричей, он связал такую задержку в общественном развитии полабо-прибалтийского славянства с необычайно сложными международными условиями их существования. XI в. датировал образование раннефеодальной бодрицкой государственности и другой советский исследователь — С. Г. Григорьев [15]. Особенно энергично тезис о возникновении государственности у бодричей только в XI в. защищает З. М. Черниловский [16], тогда как Я. П. Зинчук считает возможным говорить о длительном, начавшемся задолго до XI в. процессе образования Бодрицкого государства [17].

Исследование вопросов образования раннефеодальной государственности у бодричей вполне естественно усилило интерес к социально-экономической проблематике, о чем свидетельствует появление работ Б. Рыскина [18] и З. М. Черниловского [19].

Но особенно значительные исследования, посвященные вопросам социально-экономического развития полабо-прибалтийских славян в период раннего средневековья, появились в польской и чехословацкой марксистской историографии. В сравнительно-историческом плане экономические предпосылки образования государственности у полабо-прибалтийских славян исследовал Г. Ловмяньский [20]. Над проблемами возникновения феодальной ренты и организации языческого культа работал В. Прохазка [21]. Для понимания политического развития бодрицкого общества в X в. большое значение имеют исследования Г. Лабуды [22].

В чехословацкой историографии появились и синтетические исследования, рассматривающие в целом процесс становления раннефеодальной государственности у бодричей. В то время как Л. Грабова относит образование бодрицкой государственности раннефеодального типа к середине X в. [23], Г. Булин датирует его концом VIII в.[24].

Появление большой группы новых работ советских, польских и чехословацких историков, исследующих вопросы бодрицкой государственности, как и вообще государственности у полабо-прибалтийской ветви славянства, побуждает вновь вернуться к анализу событий XI в. в Бодрицком княжестве с тем, чтобы определить их место и значение в общем процессе социально-экономического и политического развития бодрицкого общества. При существующем расхождении мнений относительно социальной природы бодрицкого общества в эпоху раннего средневековья это представляется вполне оправданным.

Ограничимся лишь самой краткой характеристикой источников. Основных источников два: Хроники Адама Бременского [25] и Гельмольда [26]. Из них первый был современником событий и, как очевидно из его сочинения, стоял довольно близко к архиепископу Адальберту, сыгравшему крупную роль в политическом развитии Бодрицкого княжества при Готшалке, которого связывали с архиепископом союзнические отношения. Источником Адаму послужили, по его собственным словам, рассказы датского короля Свена Эстритзона. Кроме того, как отмечает В. Ваттенбах, он сумел использовать богатую Бременскую библиотеку и архив Бременской церкви. Адам начал писать после смерти архиепископа, хотя материал собирал и до того [27].

Естественно, что с показаниями такого осведомленного, а самое главное, современного событиям источника приходится серьезно считаться и в критике его держаться крайней осторожности, что, разумеется, не исключает необходимости учета неизбежной тенденциозности автора, его стремления втиснуть все события в одну общую схему, через которую он только и может как-то осмыслить минувшее.

Укажем лишь на самое существенное, представляющее непосредственный интерес в его исторической схеме.

Описывая минувшие события при свете пламени славянского восстания, уничтожившего совершенно следы христианской проповеди и перенесшего войну на саксонскую территорию, свидетель разорения Гамбурга и массового избиения немцев, свидетель падения блестящего Адальберта, мечтавшего о независимом Северном патриархате, и постыдных неудач саксонского герцога, ставшего из-за того посмешищем в глазах собственных подданных [28], Адам соответственно духу времени расценивает все это, как кару небес за грехи, за раздоры, но главное — за жадность саксов и за их пренебрежение к проповеди слова божия у славян.

«Не обращали внимания несчастные на то, что большой опасностью заплатят за свои страсти, так как христианство в Славонии сначала взволновали жадностью, потом жестокостью принудили подчиненных к восстанию и теперь спасение тех, которые хотели верить, считают маловажным, заботясь только о деньгах. И вот, по справедливому суждению божьему, мы видим, что верх над нами берут те, которые с соизволения божья были укреплены в том, чтобы через них подвергнуть бичеванию нашу несправедливость. Ибо, на самом деле, подобно тому как, когда мы согре-

шаем, враги одолевают нас, так, обратившись к истине, мы будем победителями. И если мы от них будем требовать только верности, то и они останутся целы и мы будем уверены в мире» [29].

Исполняется древнее пророчество: «Господи, пришли племена в наследство твое, опозорили храм твой святой» и остальное, что пророчески было предвещено на разрушение города Иерусалима» [30]. И дальше: «Это изгнание архиепископа и смерть Готшалка случились приблизительно в один год, то есть в 22 года понтификата. И я не солгу, что пришествие этих бед предсказала та ужасная комета, которая появилась в тот же год около пасхи» [31]. Соответственно этому переделывается стих из псалмов: «Не переполнились еще беды амореев и не пришло время жалеть их». Автор уверен, что это время придет, ибо бог милостив — карая, он приуготовляет ко спасению.

Стоящий близко к архиепископу Адальберту, Адам, разумеется, должен был больно переживать те несчастья, которые обрушились на Бремен по милости саксов после смерти старого герцога Бернгарда (1059).

В борьбе с саксами истощались архиепископские ресурсы, пустела казна, лопнул план независимого патриархата. Итак, кто виновник несчастья?— Саксы, их жадность (avaricia), — отвечает Адам.

Перед нами все время противопоставление: «...и тогда и сейчас герцог и епископ различным образом трудились ради народа вендов, а именно герцог — из-за дани, епископ же — для увеличения служащих христианства»,— и затем: «...мне кажется, что стараниями священников христианская религия там давно уже восторжествовала бы, если бы обращению народа не препятствовала жадность князей» [32].

Те же слова вкладывает хронист и в уста короля датчан: «Я слышал также, когда достовернейший (vericissimus) король датчан рассказывал, что, без сомнения, славянские народы могли быть очень легко обращены в христианство, если бы не жадность саксов, ум которых,— говорит он,— был ближе к получению дани, чем к обращению душ» [33].

В таком противопоставлении епископа и саксов, Готшалка и саксов ведется весь рассказ Адама, явно с целью осуждения и поучения последних.

Знаменательны постоянные жалобы Адама на жадность саксов, хотя он ни одним словом не поясняет, каким способом взимались ими дани со славян, а из всего его рассказа о Готшалке совсем не следует, чтобы бодрицкий князь

был обязан вносить или вносил дань саксонским герцогам. Очевидно, «жадность» саксов следует понимать как основное побуждение их политики, и не больше.

Цель Адама — раскрыть божье правосудие, не столько осудить, и уж, во всяком случае, не разоблачить «народ избранный», сколько указать пути исправления. Недаром, говоря о саксах, он сплошь и рядом употребляет выражение «мы». Ведь история в средневековом обществе, как правильно указывает Д. Егоров, говоря о хронике Гельмольда, поучение прежде всего. Это важное обстоятельство необходимо все время учитывать при разборе сообщений Адама о событиях правления Готшалка.

Как ни странно, Гельмольд, человек саксонской ориентации, враждебный Бременской епархии[34], полностью сохраняет в своей хронике морализаторскую тенденцию Адама. Он целыми главами переписывает сочинение своего предшественника, лишь частично дополняя его другими сведениями и тем самым часто впадая в противоречие с самим собой.

Одним из примеров его противоречивости является следующая отрицательная оценка архиепископа Адальберта и его деятельности:

«Этот муж (Адальберт), великолепный и всесильный в королевстве, так как могущественнейший император Генрих, сын Конрада, и папа Лев были благосклонны к нему и во всем согласны с его волей, был наделен во всех государствах, именно Дании, Швеции, Норвегии, авторитетом архиепископа и полномочием папского легата. Но не удовлетворяясь этим, он хотел достичь чести патриарха таким образом, чтобы в пределах своей епархии установить 12 епископств, о которых рассказывать излишне, так как... мудрейшим это казалось неясностью, а некоторым — безумием»[35]. Критика Адальберта, боровшегося с саксами, сочетается, таким образом, в хронике Гельмольда с осуждением «жадности» саксов.

По крайней мере столетие отделяет Гельмольда — автора второго нашего главного источника — от описываемых в его хронике событий правления Готшалка. В рассказе о них хроника Гельмольда за отдельными исключениями, как уже говорилось, лишь повторяет Адама и поэтому, казалось бы, должна рассматриваться как второстепенный источник, тем более что точность ее, особенно о раннем периоде, вызывает много сомнений у исследователей[36]. Для историка, однако, представляют наибольший интерес именно те случаи, когда Гельмольд в изложении событий

отступает или дополняет Адама, так как часто отступления эти значительно обогащают картину событий Готшалкова правления, нарисованную Адамом. Но при этом исследователю приходится считаться с тем обстоятельством, что как раз в этих случаях хроника Гельмольда оказывается неразложимой на источники, ее составляющие. У нас нет возможности сколько-нибудь точно установить, чем пользовался Гельмольд, исправляя труд своего предшественника. В литературе возникал даже вопрос, можно ли вообще пользоваться хроникой Гельмольда как источником. Наиболее последовательная и доведенная до логического конца критика Гельмольда; вернее, его опровержение принадлежит Д. Егорову [37]. Вкратце его положения, часть из которых он сам, кстати, распространяет и на Адама, сводятся к следующему.

1. Ссылки на безымянные источники — на «рассказы старожилов», «достоверных людей» и проч.— не более чем литературный прием [38]. Самый характер Гельмольдова ума исключает возможность использования им народного творчества. Источник мифотворчества в нем самом [39].

2. Сознательное игнорирование грамот, так как изучение их не входит в задачи труда Гельмольда [40].

3. Тенденциозность: «Успехи или неуспехи христианства — вот, что определяет его суждения» [41].

4. Оценка исторического факта лишь с точки зрения его пригодности для изложения. В связи с этим возможно перенесение характеристики и фактов с одного лица на другое, даже из одной эпохи в другую, «исторических фактов для Гельмольда вообще нет, есть лишь примеры литературные» [42].

5. Биографии, появляющиеся из-под пера Гельмольда, создаются под сильным влиянием агиографии — «северных житий». Таковы биографии Готшалка и Генриха [43].

6. История превращается в поучение. История — «суд господа», а автор ее, по Гельмольду, глашатай божьих велений [44].

7. Библизация текста и господство схемы. Их две: старо- и новозаветная. А поскольку торжество христианства — милость господня, постольку ее необходимо заслужить. Тут три условия: iustitia, concordia, pax. Как только все они налицо — христианство мгновенно торжествует. Стоит лишь какое-либо из них поколебать — также мгновенно все идет прахом [45]. А отсюда вывод: Гельмольд, «безусловно, ненадежен в качестве источника, его сообщения могут играть лишь вспомогательную роль» [46].

Правда, далеко не все сходятся на такой резко отрицательной оценке труда Гельмольда. В литературе высказывалось, например, мнение, что в основе рассказов Гельмольда о Будивое и Генрихе лежат народные сказания [47]. С возражениями Егорову выступил и советский исследователь З. М. Черниловский, правильно подчеркнувший наличие в труде Гельмольда многих «поразительных совпадений» с другими источниками [48]. Ярким показателем добросовестности Гельмольда как компилятора является уже сама по себе манера передачи текста Адама Бременского, как правило достаточно точная, почти буквальная. Помимо всего прочего, нельзя не считаться с тем фактом, что критика Егорова в большей или меньшей степени может быть распространена на любой средневековый нарративный источник и касается больше историософии и методологии Гельмольда, чем конкретных сведений, сообщаемых им. Поэтому в дальнейшем, учитывая основные положения критики Д. Егорова, мы все же воспользуемся показаниями Гельмольда, постоянно сопоставляя его вставки в излагаемый им текст Адама с основным текстом Адамовой хроники. Следующее ниже изложение покажет, как важно было это сделать.

В дискуссии, развернувшейся вокруг вопроса о времени и этапах образования бодрицкой государственности, по-видимому, более правильными следует признать голоса тех исследователей, которые подчеркивают общность основных социально-экономических процессов, происходивших в период раннего средневековья в бодрицком обществе, с аналогичными процессами у других славянских народов [49], с одной стороны, и относят к более раннему, чем X—XI вв., времени возникновение раннефеодальной бодрицкой государственности [50] — с другой.

В самом деле, нет никаких оснований считать, что в VII—IX вв. бодричи сколько-нибудь отставали в своем социально-экономическом развитии от других славянских народов. Экономической основой развития у них классового общества, как и у других славян, был происходивший в VII в. и завершившийся повсеместно в славянском мире в VIII в. переход к пашенному земледелию, прогресс в области ремесла и металлургии [51]. Бодрицкие племена, главными из которых были собственно бодричи, вагры, варны и полабы, сложились как политические организации, судя по более поздним источникам, уже к VIII в. и представляли собой территориальные объединения, опиравшиеся на систему укрепленных «гродов» [52]. Их, собственно говоря,

неправильно было бы именовать племенами. Это были племенные княжества — примитивные зародыши будущего крупного, относительно единого раннефеодального государства.

Таким образом, можно думать, что вместе со всем славянством и бодричи на рубеже VI—VII вв. и в VII в. вступили в новый период своей истории, характеризующийся развитием классовых антагонизмов и зарождением государственности. Типичный для становления раннефеодальной государственности этап поглощения и подчинения одних племенных княжеств другими и образования относительно единого, с сильной центральной княжеской властью государства был пройден бодричами относительно очень быстро. Уже в конце VIII в. источники свидетельствуют о существовании единого Бодрицкого государства, по-видимому, с наследственной центральной княжеской властью. Бодрицкие князья Вильчан, Дражко, в IX в. Славомир и Чедраг выступают как представители единой бодрицкой государственности, а франкские летописцы величают их даже время от времени королевским титулом. Вполне естественно предположить, что в подчинении этих князей находились сильные дружины, хотя главной военной силой государства было, разумеется, народное ополчение, вооруженные свободные люди [53]. Господствующим классом в бодрицком обществе этого времени являлась землевладельческая знать, упоминаемые в источниках primores и meliores, которые эксплуатировали в своих имениях труд зависимого населения и рабов [54].

Итак, применительно к VIII и первой половине IX в. не только нет никаких оснований говорить о каком-либо существенном отставании бодричей в их социальном развитии от других славянских народов, но скорее, наоборот, есть основания утверждать, что в своем историческом развитии Бодрицкое княжество даже опережало находившиеся на периферии тогдашней феодальной Европы славянские страны, например польские земли. Находясь на самой западной окраине славянского мира, испытывая на себе постоянное давление со стороны саксов и датчан, могучей Франкской империи, бодричи сумели создать в конце VIII — первой половине IX в. довольно сильное государство раннефеодального типа. В это время внешний фактор — иноземный натиск — действовал еще как фактор, усиливающий центростремительные тенденции в бодрицком обществе, ускоряющий процесс формирования единой бодрицкой государственности. Общественному прогрессу, развитию про-

цесса феодализации и формированию государственного аппарата в немалой мере способствовала близость более высокоразвитой франкской раннефеодальной государственности [55].

Близкую к описанной у бодричей картину являло собой и историческое развитие других ветвей полабо-прибалтийского славянства — лютичей и сербов. Тот факт, что со времен биографа Карла Великого Эйнгарда [56] для обозначения политических и этнических организмов полабо-прибалтийского славянства постоянно употребляются в источниках одни и те же собирательные наименования — лютичи, сербы, бодричи, может служить даже показателем начавшегося в связи с переходом к классовому обществу процесса складывания отдельных полабо-прибалтийских народностей [57].

Но быстрый, иногда опережающий другие западнославянские народы процесс социально-экономического развития полабо-прибалтийского славянства оказался явлением непродолжительным. Уже со второй половины IX в. политические позиции Бодрицкого княжества в связи с конфликтом с восточнофранкскими феодалами оказываются чрезвычайно непрочными. Натиск на восток немецких феодалов приобретает особенно опасный характер с приходом к власти в Германии Саксонской династии. Тяжелая борьба с немецкими феодалами, постоянные войны между бодричами и лютичами, неудачные и непрочные в целом попытки христианизации — все это вместе оказывалось громадным тормозом на пути прогрессивного общественного развития полабо-прибалтийских славян. Успешное развитие феодальных отношений неизбежно требовало политического подавления свободного и гордого своей свободой крестьянина-общинника. В условиях постоянной войны не на жизнь, а на смерть, когда участие в борьбе народного ополчения диктовалось прямой необходимостью, такое политическое подавление свободного крестьянства оказывалось фактически невозможным. В создавшихся со второй половины IX в. условиях внешний фактор — натиск иноземных агрессоров — оказывается уже фактором, не ускоряющим, а тормозящим государственное развитие полабо-прибалтийских славян. В этом легко убедиться на примере не только лужицких сербов, потерявших свою независимость, но и бодричей и лютичей, у которых (особенно у последних) происходят явления консервации и даже нового усиления общественных форм и институтов, оставшихся от периодов родо-племенного строя и военной демократии.

Центральная княжеская власть исчезает у лютичей, у бодричей ей приходится вступать в тяжелый и далеко не всегда успешно заканчивающийся для нее конфликт с отдельными недовольными группировками знати.

В ходе жестокой борьбы с немецким феодальным натиском на восток, осуществлявшимся под лозунгами насаждения христианства, происходит естественное усиление политических позиций языческого жречества. Правда, в язычестве полабо-прибалтийских славян описываемого времени едва ли верно усматривать идеологическую надстройку родо-племенного строя. Вместе со всем обществом эволюционировало и славянское язычество, приспосабливаясь к условиям классового строя, санкционируя и освящая его [58]. Свидетельством трансформации язычества в классовую религию является характерная тенденция его развития в направлении монотеизма [59].

Тем не менее в конкретных исторических условиях X—XI вв. язычество у полабо-прибалтийских славян не могло, конечно, играть такой значительной роли в процессе феодализации, какую сыграло христианство на Руси, в Чехии или Польше. Традиционно связанный со старыми племенными княжениями [60] языческий культ препятствовал росту центральной княжеской власти, усиливал центробежные тенденции в обществе, укреплял позиции местной знати в тех случаях, когда она шла на конфликт с центральной властью.

Из длительного политического упадка Бодрицкому княжеству помогло временно выбраться событие 983 г.— возглавляемое лютичами восстание против немецких феодалов и христианской церкви. Около 990 г. поднялись на борьбу и бодричи, разорившие северную Саксонию и сжегшие Гамбург [61], так что около 1000 г. полабо-прибалтийские славяне-лютичи и бодричи оказываются такими же независимыми, как и двести лет назад.

Военные успехи не привели, однако, к решительному укреплению у бодричей центральной княжеской власти, которой и в конце X и в начале XI в. приходилось продолжать тяжелую борьбу с сильными группировками знати, тяготившейся зависимостью от верховного князя.

Начало XI в. ознаменовалось усилением Саксонии при Бернгарде I и Бернгарде II, пользовавшихся почти полной самостоятельностью. С другой стороны, вновь ослабли позиции полабо-прибалтийского славянства в связи с междоусобной борьбой лютичей и бодричей, вспыхнувшей на почве распространения христианства у последних в конце

10—20-х годах XI в. Так мы оказываемся накануне появления на исторической сцене князя Готшалка.

Клонится к концу второе десятилетие XI в. Во главе Бодрицкого государства стоят три князя: Анадрог, Гней и Удо. «И вот архиепископ часто посещал Гамбургскую митрополию, ибо в это время доблестью короля Кнута и герцога Бернгарда за Эльбой был прочный мир, так как и император вендов усмирил войной. Князья их, Гней и Анадрог, были язычниками; третий же Удо, сын Мстивоя,— плохой христианин (male christianus)», рассказывает Адам [62]. Приблизительно то же самое читаем мы и у Гельмольда, если не считать отсутствия у него какого-либо упоминания об участии в этих событиях датского короля и герцога [63], так что подчинение славян оказывается делом одного императора. Нам нет смысла вникать в причины этого обстоятельства: и без того ясно, что свидетельство Адама, стоящего гораздо ближе к описываемым событиям, заслуживает большего внимания. Но зато два других момента поневоле обращают на себя внимание — это порядок перечисления участвующих лиц у Адама и его загадочное выражение (Udo, male christianus), не объясненное ничем. Что касается первого, ясно, что порядок, употребленный Адамом,— не порядок старшинства титулов, как полагалось бы. Тогда что же? Очевидно, учитывались значение и роль лица в разыгравшихся событиях: Кнут — Бернгард — Конрад. Да это и естественно, особенно, если взглянуть на дело с точки зрения события 1019 г., когда разбив славян, Кнут овладевает южными берегами Балтики. Для императора, поскольку центр политической жизни империи перемещался на юг, судьбы далекого северо-востока, разумеется, не могли играть столь же существенной роли.

Теперь остается выяснить, что собственно могло означать: Udo, male christianus. Продолжаем цитировать Адама [64]: «Поэтому же из-за своей жестокости он (Удо) был убит каким-то саксонским перебежчиком. Он имел сына Готшалка, который в то время в монастыре герцога в Люнебурге обучался наукам у Готшалка, готского епископа, заботящегося об этом убежище». Непонятно, в какой связи могли стоять жестокость Удо к саксонскому перебежчику и почему никто иной, как саксонский перебежчик, является орудием наказания за эту его жестокость? Тут очевидная неувязка. Вероятно, суть дела не в этом. Словно угадывая естественно возникающее недоумение или думая разрешить свое собственное, Гельмольд прибавляет — «не-

предвиденно», и вся фраза приобретает такой вид: «Поэтому же по причине своей жестокости он был непредвиденно убит каким-то саксонским перебежчиком» [65]. На подозрение наводит и умаляющее «каким-то», употребленное Адамом. Еще раз обращаемся к нему: «И вот он (Готшалк), узнав о смерти отца, движимый гневом и яростью, отбросив с верой науки, схватил оружие, и, перейдя реку, соединился с врагами господа вендами. Нападая с их помощью на христиан, много тысяч саксов убил он, как говорят, мстя за отца» [66]. Гельмольд еще более сгущает краски: «И такие поражения нанес он христианскому народу, что жестокость его превзошла все меры. И ничего не оставалось в области гользатов, штурмаров и тех, которые называются дитмаршами, что избежало бы руки его, кроме тех известнейших крепостей — Итецгое и Мекленбург. Туда удалились некоторые вооруженные с женами, детьми и имуществом» [67]. Итак, перед нами довольно странная картина: месть за отца, «непредвиденно» погибшего в результате своей собственной «жестокости» от руки «какого-то» перебежчика, обрушивается на, казалось бы, ни в чем не повинный край, на безоружных жен и детей. Да и сама эта жестокость, на которой так загадочно настаивают источники, поневоле наводит на размышления. Но продолжим цитату: «Наконец, Бернгард, герцог, схватив его, словно князя разбойников, держал под стражей, но, полагая, что это муж храбрейший, присоединив его к себе союзом, отпустил. Он пошел к королю Кнуту и, отправившись с ним в Англию, оставался там долгое время» [68]. Почти теми же самыми словами заканчивает рассказ и Гельмольд. Правда, между этими двумя отрывками у него вставлен еще один эпизод, но о нем, однако, речь будет ниже.

Обращают на себя внимание противоречия, скрывающиеся в сообщениях наших источников: с одной стороны, великодушный поступок герцога, освобождающего Готшалка из плена и заключающего с ним союз, а с другой — как результат этого — побег Готшалка к Кнуту.

Подводя итоги всему изложенному выше, приходится согласиться с тем, что ни убийство Удо, ни побег его сына ни в коем случае не могут быть объяснены непосредственными сообщениями источников. Требует своего объяснения и новое появление на сцене Кнута Датского. Оно не кажется случайным. Поэтому гораздо естественнее было бы считать, что причиной убийства Удо являлась не его жестокость, неизвестно каким образом задевающая саксов, но скорее попытка добиться независимости от них. Однако

усиление Саксонии, которая, очевидно, играет в то время уже решающую роль в жизни прибалтийского славянства, заставляет Удо искать опоры вовне, политического противовеса. В качестве такого противовеса мыслилась, по-видимому, Дания. Именно поэтому Готшалк, связанный с Данией и узами родства, ищет после гибели отца убежища у Кнута. Что касается загадочной жестокости Удо, то, скорее всего, таким образом хроникеры характеризуют конфликт между князем и той частью бодрицкой землевладельческой знати, которая была тесно связана со старыми традициями племенного сепаратизма и которая не могла не оказать самого ожесточенного сопротивления всякой попытке усиления княжеской власти.

Интересно, что убийство Удо сопровождается народным движением против саксов и христианского духовенства, выразившимся в языческой реакции, с которой династия Удо (по крайней мере, со времен Готшалкова деда Мстивоя) не имела принципиально ничего общего. Несмотря на отсутствие положительных свидетельств все-таки, по-видимому, можно предполагать в этой реакции два социальных мотива: народное восстание против христианства и феодального гнета, с одной стороны, борьбу старой знати против усиливающейся центральной власти — с другой. Иначе говоря, в целом сложившаяся ситуация представляется так, что «непредвиденное» убийство Удо «каким-то саксонским перебежчиком» приобретает более серьезный характер хорошо рассчитанной и далеко идущей саксонской интриги, объективно к тому же направленной против датского влияния. В интриге этой наряду с герцогом участвует и христианская церковь, их общая политика станет особенно ясной после побега Готшалка. Именно поэтому, очевидно, Удо и назван male christianus. Что же касается тех противоречий между саксами и церковью, которые так старательно выпячены у Адама, то, даже признавая их реальным фактом, едва ли можно усматривать за ними какие-либо серьезные, принципиальные столкновения. Такие столкновения связаны с событиями гораздо более позднего времени. Их правильнее было бы приурочивать непосредственно к деятельности Адальберта Бременского, тем более что для этого дает все основания не только его антиаристократическая политика в общеимперских масштабах, поскольку он был правителем Германии в ранние годы Генриха IV, но и его местные интересы и устремления, сводившиеся к попытке основать себе в Саксонии прочное и независимое феодальное владение. Таким образом, здесь мы, скорее все-

го, встречаемся с обычным для средневекового хрониста явлением, когда политические отношения современности автоматически переносятся им в прошлое.

Разбирая события, связанные с гибелью Удо, нельзя не отметить совпадения целей двух принципиально разных политических сил, действующих, однако, в конкретных исторических обстоятельствах рассматриваемого времени одновременно и в параллельном направлении: саксонской интриги и языческой реакции, руководимой старой знатью. Обе эти силы были враждебны усилению княжеской власти у бодричей.

Только теперь, переходя к анализу событий, последовавших за смертью Удо, нам кажется своевременным возвратиться к опущенному ранее эпизоду из Гельмольда. Вот он вкратце: однажды (дело происходит после побега Готшалка из школы, когда он стоит во главе восстания), рыская по разрушенной им стране, Готшалк, ужаснувшись собственной жестокостью и охваченный «печалью сердца», решает оставить месть. Отделившись от товарищей и оставшись наедине с собой, неожиданно встречает он сакса, которому раскрывает это свое намерение и просит объявить о нем своему народу, предлагая встречу для заключения союза и мира: «Но они (начальники саксонские) не пожелали, предполагая коварство, благоприятное для засады»[69]. Непосредственно за этим следует списанный с Адама отрывок о пленении Готшалка. Что это? Памятуя об указании Д. Егорова об агиографическом элементе в Гельмольдовых биографиях бодрицких князей, можно было бы счесть весь этот отрывок за обычный житийный мотив. Но не попытаться ли прежде рассмотреть этот эпизод как реальный исторический факт, только осмысленный самим Гельмольдом или его источником в таком явно агиографическом плане, не поможет ли анализ этого сообщения Гельмольда более отчетливо представить себе ход событий у бодричей?

Начнем с того, что пребывание Готшалка в саксонском монастыре преследовало, конечно, отнюдь не только воспитательные цели. Если принять во внимание антисаксонскую позицию отца, правильнее, пожалуй, было бы говорить о своеобразной форме заложничества. В таком случае побег Готшалка из монастыря может быть и самостоятельным событием, лишь случайно совпадающим с гибелью Удо. Последнее обстоятельство ставит Готшалка во главе языческого движения, с которым ни он сам, ни побег его не находятся ни в какой связи. Это станет совершенно ясным, если мы примем во внимание, что Готшалк не только

воспитывался в иных принципах, но и имел достаточно времени, чтобы убедиться в силе христианства и в трудности, если не невозможности, единоборства с Саксонией. Отсюда логически вытекают и дальнейшие шаги его: неудачная попытка договориться с герцогом, чтобы потом сломить язычество, а затем добиться и независимости, опираясь, очевидно, на датчан, с которыми он через мать имел родственные связи. Короче, речь шла о попытке продолжения отцовской политики.

В самом деле, если факт возвращения Готшалку свободы герцогом, несмотря на победу, свидетельствует об относительной слабости саксов и невозможности для них предпринять какие-либо серьезные шаги для полного подчинения бодричей в тот момент, то, с другой стороны, последовавший далее побег Готшалка к датчанам говорит за то, что враждебные отношения между ними и саксонскими феодалами продолжались и после заключения мира. Если учесть еще определенную изолированность Готшалка среди самих бодричей, нереальность в тот момент планов христианизации страны и невозможность опереться на датчан в связи с тем, что славянские дела как раз тогда постепенно уходили из поля зрения датской политики, то станет совершенно очевидным, что у Готшалка оставался только один путь — бегство. Таким образом, во второй раз саксы и язычество оказываются, несмотря на разницу целей, действующими в одном и том же направлении — против усиления центральной власти у бодричей. Это 1031 год. С тех пор и надолго Готшалк исчезает из наших источников.

Что же происходит в это время у бодричей? «За Эльбой, как и во всем королевстве, был прочный мир. Князья славян Анадрог, Гней и Ратибор, с миром придя в Гамбург, герцогу и епископу служили» [70]. Несмотря на то что в следующей же фразе Адам противопоставит образ действия герцога и епископа среди вендов, согласованность их политики является несомненной. Итак, на месте Готшалка оказывается саксонский ставленник — князь Ратибор, верно служащий герцогу и епископу, что отнюдь не исключает того, что в своей внутренней политике он держал курс на политическую консолидацию Бодрицкого княжества, ведя борьбу со старой знатью [71]. Что касается внешней политики Ратибора, то в ней он считался, очевидно, прежде всего с саксонской гегемонией, что подтверждает мысль о падении датского влияния среди славян. Ратибор выступает открытым противником датчан. Начинается война. В битве с ними погибает сначала он сам, затем, как передает Адам,

все восемь его сыновей, «пытавшихся мстить за отца»[72]. Также неудачно кончаются и все дальнейшие походы славян в Данию. К тому же как раз к этому времени происходят и радикальные изменения в саксонской политике: герцог Бернгард женит своего старшего сына Ордульфа на дочери Магнуса Норвежского, а саксы участвуют в решающей битве со славянами вблизи Шлезвига — 1044 год. В этот переломный момент на сцене появляется вернувшийся из Англии Готшалк.

Датский ярл, прославленный подвигами и заслуживший дочь короля, с успехом использовал создавшуюся благоприятную ситуацию, чтобы овладеть властью. Впрочем, далось это ему нелегко: «В то же самое время,— рассказывает Адам,— Готшалк, возвратившись из Англии после смерти Кнута и его сыновей, пришел враждебный против Славонии, нападая на всех и внушая язычникам великий страх. О его храбрости и могуществе, которое он имел над варварами, мы расскажем ниже»[73]. Гельмольд, описывая те же самые события, передает нам нечто еще более любопытное: «И вот после смерти Кнута возвратился Готшалк на родину. И найдя наследство свое захваченным какими-то тиранами, решил бороться и сопутствуемый победой полностью получил владения с княжеской властью»[74].

Признаться, нас смущают два обстоятельства: во-первых, факт, что власть дается Готшалку лишь в тяжелой борьбе с язычниками, которые, следовательно, оказали ему сильное сопротивление, во-вторых, странные выражения источника: «свое наследство» и «тираны». Ведь если понимать «наследство» в прямом смысле слова, то положение, которого добился Готшалк, намного превосходило наследство, полагающееся ему после смерти отца, правившего, по крайней мере, наряду с двумя другими князьями. Только согласившись с тем, что попытка объединения бодричей была предпринята им еще перед побегом к Кнуту, можно разрешить это недоразумение. Тогда, очевидно, ему пришлось столкнуться не только с саксами, но и с двумя другими князьями, с оппозицией старой, связанной с племенными традициями знати, которую Гельмольд объединяет под одним общим именем «тираны». Первоначальная попытка христианизации, по всей вероятности, объяснит в таком случае и упорное сопротивление, какое оказали Готшалку славяне. Так еще раз подтверждается соображение, что в 1031 г. саксы и язычество были силами, действующими в одном направлении.

Поскольку трудно предполагать, чтобы в своей борьбе

за власть христианин Готшалк мог опираться на значительную помощь извне, приходится думать, что успех его был определен поддержкой значительных политических сил в самом Бодрицком княжестве[75]. Готшалка поддержала, очевидно, именно та часть феодализирующейся знати, которая являлась опорой его деда и отца — Мстивоя и Удо и его непосредственного предшественника — Ратибора. Это были, по-видимому, феодалы-землевладельцы его собственного племени, а также феодалы средней и мелкой руки, новая, формирующаяся из состава дружинников служилая знать. И Мстивой, и Удо, и Ратибор были христианами. Христианизация, укреплявшая позиции класса феодалов в целом, очевидно, вполне устраивала эту сильную группировку знати. Вместе с тем в глазах князя христианизация являлась важным орудием усиления центральной власти и укрепления международных позиций государства. Вот что рассказывает о церковной политике Готшалка Адам Бременский: «За Эльбой и в Славонии дела наши в этом (т. е. в деле христианизации.— *В. К.*) шли очень успешно. Ибо Готшалк, о котором говорилось выше, муж прославленный благоразумием и храбростью, взяв в жены дочь короля датчан, так усмирил славян, что его, словно короля, боялись, принося дани и прося мира с соседями»[76]. О том, что политика христианизации проводилась параллельно с политикой консолидации государства, свидетельствует уже один тот факт, что в правление Готшалка хронисты не упоминают больше имен других каких-либо князей наряду с Готшалком. Он правил единолично. Но окончим цитату: «В течение этого времени наш Гамбург имел мир, и Славония была полна священниками и церквами. Ибо Готшалк, муж религиозный и боящийся бога, о Гамбурге, словно о матери, заботился, в каковой обычно часто приглашался для уплаты дани. В названной Славонии никто когда-либо не правил могущественнее и не был таким пылким проповедником христианской веры»[77]. Нельзя не подчеркнуть эту трогательную заботу князя о Гамбурге, двойное упоминание которого на протяжении всего двух только строчек говорит само за себя. А о том, что заботливость эта не обходилась даром, а была, вероятно, довольно дорогим удовольствием, свидетельствует тот факт, что Готшалк «обычно часто приглашался для уплаты дани». Тем не менее не приходится отрицать, что зависимость от этой кафедры, против которой, видимо, не возникало никаких возражений со стороны князя, приносила ему какую-то существенную выгоду.

Гамбург и в дальнейшем продолжает играть самую серьезную роль в политике Готшалка. Тесные отношения завязываются между Готшалком и архиепископом Адальбертом, упорным противником саксонских Биллингов. Очевидно, этого требовали не только интересы проводимой им христианизации, но и внешнеполитический расчет. «Архиепископ,— продолжает Адам,— заботясь о новых посевах церкви, посылает к мудрому князю мужей из своих епископов и пресвитеров, которые обращали бы дикие народы в христианство... Кроме того, когда сам приходил (в Гамбург), то приглашал туда того же князя Готшалка на совещание, сильно поощряя его, чтобы твердо довел до конца начатый для Христа труд» [78]. Впрочем, мы можем лишь догадываться о том, что говорилось на этих совещаниях.

Опираясь на архиепископскую поддержку, Готшалк уверенно продолжает дело христианизации. «И уже послано было во все провинции за священниками и служителями слова божия, кои наполняли бы грубые умы язычников учением веры», так что «провинция (Славония.— *В. К.*) наполнилась церквами, церкви же священниками», в упоении повторяет вслед за Адамом Гельмольд [79]. О том большом значении, которое придавалось князем христианской пропаганде свидетельствует еще одно любопытное известие источников: «Был он мужем великой преданности и настолько погруженным в божественные дела, что часто сам с ободряющими речами обращался в церкви к народу, а именно желая передать яснее славянскими словами то, что епископами и пресвитерами говорилось туманно» [80]. Эта интересная попытка предпринять серьезное и окончательное обращение (иначе к чему славянская проповедь) заслуживает тем большего внимания, что, как уже отмечалось, церковная политика князя считалась не только со складывающейся международной обстановкой, но и была одним из действенных средств консолидации страны, борьбы с приверженной к язычеству старой знатью. В стране, насквозь пропитанной языческими традициями, христианская церковь могла быть только союзником князя-христианина

К сожалению, источники лишь в самой малой степени касаются внутреннего состояния славянского государства. Если не считать крайне беглых отрывочных замечаний, мы ничего не найдем в них для характеристики его общественного строя. Больше всего данных имеется о церковном устройстве Бодрицкого государства. Мы уже рассказывали о том, как Готшалк стремился пригласить к себе на службу служителей культа, и его попытке христианской пропове-

ди на народном языке. «И вот,— пишет Гельмольд,— в то самое время, как милосердием божьим и доблестью благочестивейшего мужа Готшалка положение церкви и почитание священников в Славонии вновь укрепилось, по смерти архиепископа Абелина Ольденбургская церковь разделилась на три епископства» [81]. В Ольденбурге появился Эзон, в Магнополе — Иоанн Шотландский, Аристон — в Рацесберге [82]. «Тогда же отдельными городами воздвигались общины святых мужей, живущих в качестве каноников, а также (общины) монахов и монахинь, как свидетельствуют те, кто в Любеке, Ольденбурге, Рацесбурге, Ленчине и других городах видели отдельные (из них). В Мекленбурге же, который является главным городом бодричей, как передают, было три конгрегации служащих богу» [83].

По-видимому, клир на самом деле был достаточно многочисленным и содержание его тяжелым бременем ложилось на плечи населения. Об этом прямо свидетельствует одно мимолетно брошенное Гельмольдом замечание, характеризующее узкокорыстную подчас политику архиепископа Адальберта: «И вот стекались в курию его многие священники и монахи и даже многие епископы, которые, будучи изгнаны со своих кафедр, сделались участниками его доходов. Он, желая облегчить их бремя, посылал их к отдаленным племенам, некоторых привлекая определенными кафедрами, некоторых — неопределенными» [84]. Получается, что архиепископ, посылая своих людей в славянские области, попросту стремился освободить от лишней обузы собственные финансы.

Политика христианизации характеризует лишь одну сторону изменений, происходивших в бодрицком обществе в правлении Готшалка. Параллельно с ней развивалась борьба центральной княжеской знати с оппозиционными группировками бодрицкой знати. В этой борьбе Готшалку удалось достичь значительных успехов. В его правление мы уже ничего не слышим о вечевых собраниях, где решающее слово принадлежало аристократии. Вместе с ними из наших источников совершенно исчезает всякое упоминание о каких-либо других князьях у бодричей. По-видимому, подавление старой знати — главная причина продолжительных и ожесточенных войн начала его царствования — производилось достаточно решительно и последовательно. Вместе с ней отмирали старые языческие традиции племенного сепаратизма. Не случайно поэтому центром вспыхнувшего в 1066 г. восстания против Готшалка окажется не территория бодричей, а Ретра, в земле лютичей, с которыми бод-

рицкий князь вел постоянную, почти не прерывающуюся, по всей вероятности, войну. Благодаря войне этой Ретра становится на время оплотом язычества. Но затем, обескровленная, она должна была уступить место Руяне, откуда происходил Крутой, после смерти Готшалка и изгнания Буто ставший во главе Бодрицкого государства.

Нам остается рассмотреть вопрос о том, при помощи какой силы удерживалось и с помощью какого административного аппарата управлялось Бодрицкое государство, распространявшееся от берегов Эльбы и до реки Пены. Само собой разумеется, что напряженная обстановка на западной (Саксония) и факт непрерывной войны на восточной границе, борьба с оппозиционной знатью и язычеством требовали прочной администрации и хорошо организованной военной силы. Такой силой могла быть только окружающая князя постоянная и зависимая от него дружина. Для Бодрицкого княжества княжеская дружина не была новым явлением. Более или менее многочисленными дружинами располагали все бодрицкие князья — предшественники Готшалка, особенно многочисленной была дружина деда Готшалка — Мстивоя [85].

О существовании дружины у Готшалка можно догадываться на основании одного беглого замечания Гельмольда по поводу описываемого им междоусобия у лютичей: «Ратари и доленчане, которые сражались из-за славы, позором своего поражения в высшей мере угнетенные, обратились за помощью к сильнейшему королю датчан и герцогу саксонскому Бернгарду, а также к Готшалку, князю бодричей, к каждому с войсками его, и наняли такое множество за собственные средства на шесть недель» [86]. Этот коротенький отрывок (любопытно сопоставление всех трех войск как качественно равноценных единиц) свидетельствует еще и о многочисленности княжеской дружины. При описании славяно-датской войны Саксоном Грамматиком мы встречаемся у него с упоминанием о конном войске князя Генриха, сына Готшалка. Интересно отметить, что сам Саксон подчеркивает именно эту особенность бодрицкого войска [87]. Очевидно, конной была и дружина Готшалка.

Насколько серьезной силой была эта дружина, можно судить хотя бы уже по одному только факту, что Готшалк (не в пример своему сыну Генриху) чувствует себя достаточно прочно, чтобы повести борьбу с языческими лютичами и одновременно подавлять внутреннюю оппозицию своими собственными силами, не прибегая к чужой помощи, или отваживаться в союзе с Адальбертом, если не на

формальный, то, во всяком случае, на фактический разрыв с Саксонией. К сожалению, источники не дают нам ответа на вопрос, каким способом содержалась столь многочисленная княжеская дружина. Поскольку доходы государства состояли из дани, приносимой населением, о которой говорит Адам [88], можно предполагать, что содержание дружины, как и княжеского двора, шло именно за ее счет. Из среды дружинников, как и из рядов неслужилых феодалов-землевладельцев, вербовались, очевидно, представители княжеской администрации на местах. В центральном управлении наряду со светской знатью важную роль играли церковные феодалы. Привлекая в дружину отпрысков знатных фамилий, княжеская власть создавала у них вместо старых традиций племенного сепаратизма традиции службы и повиновения центральной власти.

Таким образом, нет никакого сомнения в том, что государство Готшалка было монархией раннефеодального типа, государством, в котором большая часть крестьянства еще сохраняла свою свободу и, участвуя в ополчении, привыкла пользоваться оружием. Разумеется, это государство возникло не в XI в. Оно имеет многовековую историю. Но в XI в. оно переживало важный этап политической консолидации, в XI в. завершался процесс его формирования. В его рамках бурно развивались феодальные отношения, чему способствовало принятие христианства. Интересы дальнейшего развития феодальных отношений вширь и вглубь требовали сильной государственной власти. Вот почему в своей объединительной политике Готшалк пользовался поддержкой основной массы феодальных землевладельцев. Государство Готшалка было орудием угнетения и политического подавления закрепощенного и закрепощаемого крестьянства. Противоречия между феодалами и крестьянством были поэтому основными антагонистическими противоречиями бодрицкого общества того времени. Необходимо, однако, иметь в виду, что в конкретных исторических условиях бодрицкого общества XI в. политическое подавление свободного крестьянства, воспитанного на многовековых традициях освободительной борьбы, было чрезвычайно трудной и сложной задачей. Свидетельством этому являются события, описанные ниже.

Параллельно успехам христианизации шел территориальный рост Готшалкова государства. Готшалку удается даже подчинить себе часть лютичей: «И вот все народы славян, которые входили в Гамбургскую диоцезу под этим князем приняли христианскую веру, то есть вагры или ра-

реги, или полабы, также глиняне, варны, хижане и череспеняне до реки Пены» [89]. Следовательно, в составе Бодрицкого государства оказывается два лютицких племени: хижане и череспеняне, а границы его простираются до берегов Пены. Так, по крайней мере, следует из источников, хотя о самóм завоевании хижан и череспенян сообщения их в высшей степени туманны. Можно лишь только догадываться о том, как это произошло.

Воинственная лютицкая федерация распадается на два лагеря, ведущих между собой отчаянную борьбу за власть: доленцы и ратари, поддержанные к тому же хижанами, с одной стороны, череспеняне — с другой. Несмотря на такой, казалось бы, подавляющий перевес сил на стороне противников, череспенянам трижды удается выйти из войны победителями [90]. Мы придерживаемся в изложении Адама, бывшего современником событий. Гельмольд дает несколько иную расстановку сил: доленцы и ратари — один лагерь, хижане и череспеняне — другой [91]. «Тогда те, которые были побеждены, привели князя Готшалка, и герцога Бернгарда, и короля датчан, приглашенных на помощь против врагов, и колоссальное войско трех королей содержали своими податями в течение 7 недель, ожесточенно сражаясь с череспенянами. Много тысяч славян, таким образом, было убито, еще больше уведено в плен. Наконец, череспеняне, предложив королям 15 тысяч талантов, заключили мир» [92].

Обратим внимание на порядок перечисления участвующих лиц хронистом: славянский князь — саксонский герцог — датский король. Это не порядок старшинства (король—герцог—князь), как у Гельмольда [93]. Очевидно, порядок этот считается с другими факторами — участием и значением лица в разыгравшихся событиях. Первое место принадлежит Готшалку. Возможно, что ему же принадлежит инициатива в привлечении датчан, ибо участие датчан в экспедиции должно было сыграть нейтрализующую роль по отношению к саксам. Готшалку, конечно, нельзя было совершенно отделаться от их участия в походе. Косвенно это скорее формальное участие саксов и датчан в войне подтверждает следующее место у Адама: «Наши вернулись с триумфом, никакой речи не было о христианстве, победители стремились только к добыче» [94]. Следовательно, ни о чем большем, чем обычный грабеж, со стороны саксов не было и речи. Следующая, 22-я глава Адама полна жалоб на жадность саксов.

Новый свет на сложившуюся ситуацию проливают со-

общения Гельмольда, продолжающего рассказ Адама таким образом, что характер действий саксов категорически противопоставляется характеру действий Готшалка: «И вот, да будет прославлен и достоин всяческой похвалы достойнейший тот Готшалк, который, выйдя из среды варваров, восстановил с полным усердием любви в своем народе дар веры и благодать христианства. И да устыдятся представители саксонской аристократии, которые, происходя от христианских предков и взлелеянные на лоне святой матери церкви, оказались всегда бесплодными и нерадеющими к делу божьему» [95]. Для славянского князя, очевидно, в этот момент речь шла о гораздо большем, чем простой пограничный грабеж, речь шла о расширении и укреплении границ государства, речь шла о христианизации завоеванного края. Впрочем, подробности этой борьбы остаются вне внимания наших источников, они попросту обходят ее молчанием. А ведь события должны были принять широкий размах, так как после подчинения череспенян Готшалку, очевидно, пришлось вести борьбу с остальной коалицией лютичей. Иначе непонятно, как оказались в составе его государства хижане [96]. Причем борьба эта должна была приобрести хронический характер. Этим объясняется, что именно вокруг Ретры группируются в дальнейшем силы враждебной Готшалку языческой реакции.

Дружба с Адальбертом тоже в сильной мере определяла международные позиции Бодрицкого государства, антисаксонское направление его политики. Датские связи составляли вторую опору Готшалка. Пока обе эти силы были прочны, Готшалк мог чувствовать себя в относительной безопасности от саксонских притязаний. Но вот наступил переломный 1059 год. Вместе со смертью старого Бернгарда и вступлением на престол его старшего сына Ордульфа международное положение Бодрицкого княжества радикально изменилось. Братья Ордульф и Герман, поделив отцовское наследство, начинают проводить энергичную агрессивную политику.

Известный политический антагонизм между Гамбургом и Биллингами существовал и при старом герцоге, но именно теперь все противоречия разом вскрываются, выступают наружу, приводят, наконец, к открытому столкновению. Вот что сообщает Адам: «После его (Бернгарда) смерти сыновья его Ордульф и Герман получили его наследство, сопряженное со злом для Бременской церкви. Ибо они, помня древнюю ненависть, как отец их, тайно доставляют той же церкви много мучений и решают открыто напасть

в злости на епископа и всю челядь в церкви» [97]. Причины столкновения коренились не только в той антиаристократической политике, которую вел Адальберт в Империи, но и в его попытке получить на месте, в Саксонии, независимое и прочное феодальное владение. Атмосфера все более накаляется. Критическим оказался 1066 год — год падения Адальберта, год, когда по ходу событий все внимание датчан было обращено на далекий запад — к Англии. Княжество Готшалка таким образом сразу лишалось двух своих главных союзников. Словно бы связывая события выступления саксов против Бремена с гибелью Готшалка, Адам коротко замечает: «Это первое разорение наше случилось в Бременской епархии. За Эльбой также пришло великое мщение, так как уже князь Готшалк был убит в это время язычниками, которых он пытался сам обратить в христианство» [98].

Восстание обрушивается вслед за тем на христианскую церковь и сметает ее совершенно. Расправа приобретает порой бессмысленно жестокий характер. Так погиб захваченный в Мекленбурге епископ Иоанн, у которого предварительно отрубили руки и ноги, а голову его «варвары, прибив к шесту в знак победы, принесли в жертву богу своему Радигостю. Это произошло в столице славян Ретре в 4 иды ноября» [99]. Вслед за тем восставшие переходят в наступление. «И вот славяне, одержав победу, разорили огнем и мечом всю Гамбургскую провинцию. Прочие же штурмары и гользаты были либо перебиты, либо уведены в плен. Крепость Гамбург была разрушена до основания» [100]. Но Гельмольд сообщает еще одну интересную подробность этих первых славянских походов: «В то же самое время Шлезвиг, который по-иному называется Гейдиб, заэльбский город, который расположен на границе королевства Датского, богатейший и многолюдный, неожиданным нападением варваров был уничтожен до основания» [101]. Любопытно само направление славянских походов в сторону Гамбурга и Дании. Пока ограничимся лишь констатацией этого показательного факта и вернемся к событиям в Бодрицком княжестве.

Гельмольд называет нам имя виновника всего случившегося, человека, возглавившего первоначально языческое движение. Впрочем, почти ничего, кроме имени. Загадочна сыгранная им политическая роль, не менее загадочна быстро наступившая смерть: «Виновником этого избиения был, как говорят, Блуссо, который имел женой сестру Готшалка и, вернувшись домой, сам был убит» [102]. Что вождь вос-

стания, направивший славян на Гамбург и на датчан, принадлежал к ближайшему окружению Готшалка,— это ясно. Зато в высшей степени непонятны причины, приведшие его к гибели. Попробуем внимательнее разобраться в происшедшем.

После смерти Готшалка в организации высших властей государства, очевидно, не произошло ничего слишком необычного, если не считать, что такая важная часть ее, как церковь, была просто уничтожена. «И вот после смерти Готшалка, мужа доброго и почитателя бога, перешло наследство его княжества к сыну его Буто» [103]. Таким образом, порядок престолонаследия остается в силе — во главе государства становится старший сын погибшего князя, а военные походы возглавляются его шурином Блуссом. Все как будто обстоит благополучно. Правда, направление походов выдает, кажется, просаксонскую тенденцию нового князя. Вместе с тем, однако, уже имеются и новые власти, появляется и новая столица — Ретра. И тут сначала как-то загадочно погибает Блуссо, затем следует изгнание Буто. Обратим внимание на причины его неудач и постоянной ненависти к нему славянского населения: «Однако положение Буто все время оставалось не твердым,— и не могло полностью укрепиться, потому что, рожденный от отца христианина и будучи другом князей, он считался у народа своего предателем» [104]. Не случайно, что после своего свержения он ищет помощи именно у саксов. Это подчеркивается Гельмольдом, сообщающим, что, в то время как младший брат Генрих спасается бегством в Данию, «старший Буто склонился к бардам, прося помощи у саксонских князей, которым всегда был предан и верен его отец» [105].

Если в отношении отца последняя фраза является явной передержкой, то в отношении сына она, по-видимому, раскрывает истинный смысл вещей. Итак, чем более углубляемся мы в события, тем большее количество нитей, связывающих катастрофу Готшалкова княжения с Саксонией, открывается перед нами. С одной стороны, языческий заговор, имеющий центром своим Ретру и все время усиливающийся по мере разоблачения просаксонской политики нового князя, с другой — заговор в семье самого князя, нити от которого приводят нас прямо в Саксонию. Этот дворцовый заговор тем более понятен, что Буто имел, по-видимому, реальные основания опасаться за свое право престолонаследия. Младший брат его, Генрих, происходивший из королевского датского рода (Буто не был сыном Сириты), имел, конечно, бóльшие шансы занять престол.

Очевидно, что истинные обстоятельства гибели Готшалка навсегда останутся тайной. По всей вероятности, мы никогда не сможем ответить на вопрос, погиб он в результате дворцового переворота или от рук язычников-заговорщиков. Да это и не решает дела. Сам факт, что в семье князя были готовы к его гибели, что после его смерти не оказалось никакой растерянности, наоборот, языческое восстание было возглавлено и направлено в определенную, нужную сторону (против Гамбурга и датчан),— достаточное свидетельство не только существования самого дворцового заговора, но и его определенной зрелости. Заговорщики могли рассчитывать, очевидно, прежде всего на саксонскую помощь. Одно коротенькое сообщение Гельмольда, воспользовавшегося тут Адамом, как нельзя лучше объясняет положение: «И вот муж, во всем веке известный, из-за верности богу и предательства князей был убит варварами, которые сами стремились отложиться от веры» [106]. Истинные виновники гибели Готшалка налицо. По словам источника, Готшалк погибает «из-за верности богу» — это языческая реакция, и «предательства князей» — это саксонская интрига. Так, в третий раз на протяжении каких-нибудь трех десятков лет эти столь противоположные друг другу силы оказываются работающими в одном и том же направлении против консолидации Бодрицкого государства. И опять саксонская политика ведет к полной ликвидации датского влияния. Сомкнулись ли когда-нибудь обе эти силы в полном смысле слова, нам неизвестно. Об этом можно лишь только догадываться и, может быть, в Блуссе искать посредствующее звено. Во всяком случае, отметим, что источники на первых порах не упоминают ни об одной попытке со стороны Буто подавить языческое восстание.

Саксам, однако, не удалось извлечь непосредственных выгод из затеянной ими интриги. По мере того как новые власти компрометировали себя близостью к немцам в глазах языческой реакции, вырастала роль Ретры и падало значение Буто. Правда, ожесточенная борьба с ним и саксонскими князьями настолько истощила Ретру, что и она вскоре теряет гегемонию, которая вскоре переходит к Руянам. Но это не меняет существа дела. Вот как сообщают о саксонских неудачах Адам и Гельмольд: «Герцог Ордульф, в тщетной надежде воюя в течение 12 лет, которые он прожил после отца, против славян, никакой никогда не смог одержать победы и столько раз побежденный язычниками был осмеян даже своими» [107].

Описанные выше события гибели Готшалка и изгнания

Буто живо напоминают события социально-политического кризиса, разразившегося в Древнепольском государстве в конце 30-х годов XI в. В самом деле, если центром антиготшалковского движения была Ретра, если руководящей силой его могла выступить вновь поднявшая голову и поддержанная лютичами старая бодрицкая языческая знать, то широкий размах движения определенно свидетельствует о массовом участии в восстании народных масс. Их цели резко отличались от задач и целей знати. Трудовой люд боролся за свою древнюю свободу против феодального ига и являвшейся его оплотом ненавистной христианской церкви.

При таких условиях восстание неизбежно должно было сопровождаться обострением классовой борьбы в бодрицком обществе, жестоким столкновением феодалов и крестьянства. Но если польским феодалам при поддержке иноземных феодалов удалось довольно быстро политически подавить восставшего крестьянина-общинника, то бодрицкой знати добиться этого было неизмеримо трудней и потребовалось на это гораздо больше времени — обстоятельство, в очень серьезной мере обусловленное внешнеполитическими условиями существования Бодрицкого княжества и в течение длительного времени до и после Готшалка оказывавшее самое глубокое влияние на процесс его развития.

[1] *Любавский М. К.* История западных славян. М., 1918, с. 66.
[2] Подробный обзор старой литературы см. в статье: *Hrabová L.* K otázce vzniku a vývoje státu u Polabských Slovanů.— ČslČH, 1955, N 4.
[3] *Гильфердинг А. Ф.* Собр. соч. СПб., 1874. Т. IV. История балтийских славян.
[4] *Павинский А. И.* Прибалтийские славяне: (Ист. исслед.). СПб., 1871.
[5] *Giesebrecht L.* Wendische Geschichte aus dem Jahren 780 bis 1182. B., 1843. Bd. II.
[6] *Надлер В. К.* Адальберт Бременский, правитель Германии в молодые годы Генриха IV. Харьков, 1867.
[7] *Любавский М. К.* История западных славян.
[8] *Грацианский Н. П.* Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943; *Он же.* Карл Великий и славяне.— ИЖ, 1945, № 3.
[9] *Державин Н. С.* Славяне в древности. М., 1945.
[10] *Wachowski K.* Słowianszczyzna Zachodnia. Poznań, 1950. (1-е изд.: W., 1902).
[11] *Balzer O.* O kształtach państw pierwotnej Słowiańszczyzny Zachodniej.— In: Pisma pośmiertne. Lwów, 1937.
[12] *Kadlec K.* O politycznym ustroju Słowian, zwłaszcza zachodnich przed X w.; O związkach państw i ludów zachodniosłowiańskich przed X w.— In: Encyklopedia Polska. Kraków, 1912, t. IV, cz. 2; *Idem.*

Introduction à l'étude comparative de l'histoire du droit public des peuples slaves. P., 1933.

13 *Wojciechowski Z.* Uwagi nad powstaniem państwa polskiego i czeskiego.— Przegląd Zachodni, 1954, N 1/2.

14 *Королюк В. Д.* Государство Готшалка (XI в.).— В кн.: Славянский сборник. М., 1947; автор в соответствии с принятой тогда терминологией называл это государство не раннефеодальным, а дофеодальным. Кроме того, неправильной является формулировка о централизованном характере Бодрицкого княжества. Само собой разумеется, что относительно единое раннефеодальное государство даже с сильной княжеской властью не может считаться централизованной монархией. Аналогичная неточность допущена в очень интересной работе: *Hrabová L.* K otázce..., s. 667.

15 *Григорьев С. Г.* Полабские славяне и их борьба против немецкой агрессии в IX—XI вв. М., 1953; *Он же.* Ободритское государство и восстание славян против немецко-католического ига в 1066 г.— Учен. зап. Владивосток. ун-та. Сер. обществ.-полит. наук, 1958, вып. 2.

16 См.: История государства и права. М., 1949, т. 1, с. 410—415.

17 *Зинчук Я. П.* Борьба западных славян с наступлением немецко-датских феодалов на южное побережье Балтийского моря. М., 1955.

18 *Рыскин Б.* Смерды в областях немецкой колонизации XI—XIII вв.— ВИ, 1948, № 3.

19 *Черниловский З. М.* Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М., 1959; автор останавливается на характеристике экономического, общественного и политического развития полабо-прибалтийского славянства в VIII—XI вв.

20 *Łowmiański H.* Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. W., 1953.

21 *Phoházka V.* Daňova a jinó břemena u polabsko-pobaltských Slovanů.— Pravněhistorické studie, Pr., 1955. d. 1; *Idem.* Organizace kultu a kmenové zřízení polabsko-pobaltských Slovanů.— In: Vznik a počátky Slovanů. Pr., 1958, d. II.

22 *Labuda G.* Fragmenty dziejów Słowiańszczyzny zachodniej. Poznań, 1960. T. 1.

23 *Hrabová L.* K otázce...

24 *Bulín H.* Počátky státu obodrického.— Pravněhistorické studie, Pr., 1958, d. IV.

25 *Adami Bremensis.* Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum. Hannoverae, 1846. (Далее — *A. B.*).

26 Helmoldi Presbyteri Chronica Slavorum. Hannoverae, 1868. (Далее — H.).

27 *Wattenbach W.* Deutschlands Geschichtquellen im Mittelalter bis zur Mitte des XIII. Jahrhunderts. B., 1894, Bd. II, S. 81.

28 *A. B.*, III, § 50.

29 *A. B.*, III, § 22.

30 *A. B.*, III, § 50.

31 Ibidem.

32 *A. B.*, II, § 69.

33 *A. B.*, III, § 29.

34 *Waltenbach W.* Deutschlands Geschichtsquellen..., Bd. II, S. 338.

35 H., I, § 22.

36 *Wattenbach W.* Deutschlands Geschichtsquellen..., Bd. II, S. 338.

37 *Егоров Д.* Колонизация Мекленбурга в XIII в. М., 1915, т. 1, гл. 1—3.

38 Там же, с. 9.

39 Там же, с. 36.

40 Там же, с. 13.

[41] Там же, с. 24.
[42] Там же, с. 26—28.
[43] Там же, с. 56.
[44] Там же, с. 58.
[45] Там же, с. 207—214.
[46] Там же, с. 217.
[47] *Wattenbach W.* Deutschlands Geschichtsquellen..., Bd. II, S. 340.
[48] *Черниловский З. М.* Возникновение..., с. 8.
[49] *Hrabová L.* K otázce..., s. 668.
[50] *Bulín H.* Počátky státu..., s. 8—10; *Idem.* K otázce periodisace dějin Západních Slovanů v nejstarším období feudalismu.— In: Vznik a počátky Slovanů. Pr., 1956, d. I; *Łowmiánski H.* Podstawy..., s. 101—102.
[51] *Łowmiański H.* Podstawy..., s. 138—178.
[52] *Hrabová L.* K otázce..., s. 648—652.
[53] *Bulín H.* Počátky státu ..., s. 11—37.
[54] Ibid., s. 27; ср.: *Lowmiański H.* Podstawy..., s. 101—102.
[55] *Bulín H.* Počátky státu..., s. 46—49.
[56] MGHSM, t. II, p. 450—451.
[57] Ср.: *Hrabová L.* K otázce..., s. 666—667.
[58] Ср.: *Зинчук Я. П.* Борьба...; *Королюк В. Д.* Древнепольское государство. М., 1957, с. 139.
[59] *Proházka V.* Organisace kultu..., s. 155.
[60] Ibidem.
[61] Подробнее см.: *Labuda G.* Fragmenty..., t. 1, s. 205—246.
[62] *A. B.*, II, § 64.
[63] H., I, § 19.
[64] *A. B.*, II, § 64.
[65] H., I, § 19.
[66] *A. B.*, II, § 64.
[67] H., I, § 19.
[68] *A. B.*, II, § 64.
[69] H., I, § 19.
[70] *A. B.*, II, § 69.
[71] *Черниловский З. М.* Возникновение..., с. 88—89; *Wachowski K.* Słowiańszczyzna..., s. 162.
[72] *A. B.*, II, § 75.
[73] Ibidem.
[74] H., I, § 20.
[75] *Hrabová L.* K otázce..., s. 661.
[76] *A. B.*, III, § 18.
[77] Ibidem.
[78] *A. B.*, III, § 20.
[79] H., I, § 20.
[80] *A. B.*, III, § 19; H., I, § 20.
[81] H., I, § 22.
[82] *A. B.*, III, § 20.
[83] H., I, § 20; то же у Адама.
[84] H., I, § 22.
[85] *Черниловский З. М.* Возникновение..., с. 87.
[86] H. I, § 21.
[87] *Saxo Grammaticus.* Historia Danica. Havniae, 1839, vol. I, s. 618—619
[88] *A. B.*, II, § 18.
[89] *A. B.*, III, § 19.
[90] *A. B.*, III, § 21.
[91] H., I, § 21.
[92] *A. B.*, III, § 21.
[93] H., I, § 21.
[94] *A. B.*, III, § 21.
[95] H., I, § 21.
[96] *A. B.*, III, § 19.
[97] *A. B.*, III, § 42.
[98] *A. B.*, III, § 49.
[99] H., I, § 23.
[100] *A. B.*, III, § 50; H., I, § 24.
[101] H., I, § 24.
[102] Ibidem.
[103] H., I, § 25.
[104] Ibidem.
[105] Ibidem.
[106] H., I, § 22.
[107] *A. B.*, III, § 50; H., I, § 24.

«Вместо городов у них болота и леса...»

(К вопросу об уровне славянской культуры в V—VI вв.)

Сложность реконструкции не только славянского этногенеза, но и основных этапов развития славян на рубеже заката античного мира и начала раннего европейского средневековья в очень большой мере связана с неразработанностью методики сопоставления данных лингвистики, археологии, антропологии и этнографии между собой и всех четырех этих дисциплин с показаниями письменных источников. На это обстоятельство уже неоднократно указывалось в литературе, как и на необходимость нового, более углубленного анализа древнейших письменных свидетельств о славянах с учетом многозначности используемых в них этнонимов и топонимов [1]. Одновременно обращалось внимание на то, что при буквальном толковании некоторых фрагментов древнейших письменных источников о славянах, свидетельствующих как будто бы о большой примитивности их хозяйственной и культурной жизни в IV—VI вв., неизбежно возникает противоречие с данными лингвистики, с теоретическими реконструкциями праславянского языка-основы, поскольку соответствующее этой реконструкции праславянское общество (по реконструируемому словарному фонду) оказывается довольно сложным социально и культурно организованным этносом [2].

Противоречие это станет, пожалуй, еще более очевидным, если обратиться к восходящим к эпохе Великой Моравии памятникам древнеславянской письменности. Достаточно четко разработанная, сложная и, главное, опирающаяся на собственную языковую традицию социальная номенклатура этих памятников [3] говорит о большом историческом пути, пройденном к этому времени славянами, о его длительности, об имущественной и социальной дифференциации, начавшейся, очевидно, задолго до отмечаемого письменными источниками первого выступления славян на европейской политической арене.

К числу данных письменных источников, казалось бы свидетельствующих о примитивности общественного быта славян, относятся показания готского историка VI в. Иордана [4]. Речь идет о следующем отрывке из его «Гетики»: «Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север — до Висклы; вместо городов у них болота и леса» [5]. В данной связи точная локализация Новиетуна и Мурсианского озера не столь уж

существенна [6]. Очевидно, что речь идет о славянах, живших на левом, северном берегу Дуная. В литературе не придается значения и тому факту, что в приведенном отрывке из «Гетики» Иордана речь идет только о склавенах. Характеристика их образа жизни распространяется исследователями и на восточную ветвь славян — антов [7].

Возвращаясь непосредственно к показаниям Иордана о славянах, особенно важно подчеркнуть, что буквальное толкование их на первый взгляд действительно дает право говорить о большой хозяйственной, общественно-политической и культурной отсталости славян еще в середине VI в. Именно так понимает их один из исследователей истории древнего славянства, В. П. Петров. Опираясь на показания Иордана, он пишет, что славяне еще в первой половине VI в. были мирными земледельцами-общинниками, жившими в лесах. Огневая система земледелия (славянам не были, по его мнению, известны пахотная система, использование в сельском хозяйстве домашнего скота) заставляла их ежегодно или каждые два-три года менять обрабатываемый участок земли. Именно поэтому их не могло привлекать правобережье Дуная, древние пахотные земли Мезии и Фракии, у них не могло быть никакого стремления обогатиться за счет Византийской империи [8]. Перед нами картина фактически еще полностью господствующего первобытнообщинного строя. В. П. Петров именно это и подчеркивает, говоря, что «в основном в этот период (до середины VI в.— *В. К.*) они (славяне.— *В. К.*) продолжали жить в условиях родового строя» [9]. Коренные перемены в развитии славян автор относит к концу VI—VII в. [10]. Последнее замечание, как нам кажется, не может вызывать серьезных возражений. Рубеж VI—VII вв. уже неоднократно рассматривался в литературе в качестве условной начальной грани раннефеодального периода в истории славянских народов [11]. Иное дело, можно ли из признания этого времени таким важным периодизационным рубежом делать вывод, что до него славяне жили в условиях практически нетронутого родового строя, не знали постоянных поселений, а следовательно, и сколько-нибудь развитого ремесла, и, более того, утверждать, что именно грабительские византийские походы на левый берег Дуная явились тем толчком, который привел в движение всех славян, обусловив их переселение на Балканы, как это делает В. П. Петров [12]. Нам думается, нет.

Такому решению вопроса противоречат не только общеисторические соображения, исключающие возможность

Владимир Дорофеевич
КОРОЛЮК
Рисунок чешского художника В. Фиалы

предполагать, что решительный перелом в развитии славян мог произойти молниеносно, буквально в какие-нибудь 50 лет, на глазах одного-двух поколений, без постепенной, долговременной подготовки условий для него. Принципиально важно то обстоятельство, что буквальное понимание показаний Иордана о славянских народах не может быть увязано с данными археологии, рисующими к югу и западу от Вислы, к западу от Днестра и в Верхнем Поднестровье картину более сложной и более развитой в хозяйственном и культурном отношении общественной жизни в V в., и особенно в VI в. Не говоря уже о следах пашенного земледе-

лия наряду, разумеется, с подсечно-огневым, уже для VI в., судя по археологическим материалам, показательно сооружение укрепления городищ (градов—гродов) с явственными следами занятий населения ремесленным производством [13]. При этом строительство в лесистых и заболоченных местностях, у рек и озер являлось нормальным, а не исключительным явлением.

В подтверждение этого наблюдения можно привести свидетельства не только археологии, но и письменных источников. Правда, источник, который будет процитирован ниже,— «Записка о славянах» арабского путешественника Ибрагима ибн-Якуба,— отделяют от рассматриваемой эпохи целых 4 столетия. Во времена Ибрагима ибн-Якуба (966 г.) славяне строили не только городища. Им был уже известен город как центр ремесла и торговли, средоточие местного, локального рынка и пункт на больших транзитных международных торговых путях. Однако традиционный для славян выбор места для строительства укрепленных поселений — городищ, отчасти даже строительные приемы помечены арабским путешественником, судя по археологическим памятникам VI в., видимо, очень точно. Ему, человеку из Южной Европы, они показались столь примечательными, что он специально остановился на них. Вот его собственные слова: «Славяне таким образом строят большую часть своих гродов. Они отправляются на луга, изобилующие водой и зарослями; там очерчивают округлую и четырехугольную плоскость в зависимости от того, какой вид и какую площадь хотят избрать для града; выкапывают вокруг ров и из вынутой земли, укрепив ее досками и бревнами, строят вал, доводя его до той высоты, которую хотят достигнуть. В нем устраивают ворота с той стороны, которую сами избирают, к воротам ведет помост из бревен» [14].

Сопоставление рассказа арабского путешественника X в. об обычном, традиционном для славян способе строительства градов—гродов с показаниями о склавенах Иордана, смотревшего на славян глазами византийца, позволяет по-новому прочитать приведенное выше свидетельство готского историка. Вероятно, характеризуя жизнь склавенов, Иордан не хотел сказать только, что славяне живут в лесах и болотах. Иначе он именно так и выразился бы. Очевидно, он имел в виду не большие открытые селища славян, расположенные вблизи ежегодно сменяемых участков гари, как думает В. П. Петров, а нечто другое. Употребление историком термина «город» (civitas) как парал-

лели к понятиям «лес» и «болото» определенно указывает на то, что речь у Иордана идет об укрепленных поселениях. Такими поселениями могли быть только грады—гроды славян VI в.

Ибрагим ибн-Якуб совершил путешествие по западным славянским землям. Особенно хорошо он познакомился именно с общественным строем, хозяйственной жизнью, торговлей и торговыми центрами населения этих земель. Иордан, говоря о лесах и болотах, заменявших славянам города, тоже ведь как будто подразумевал именно западную ветвь современного ему славянства — склавенов. Такое совпадение, быть может, не случайно. Кстати говоря, есть основание относить раннеславянское укрепленное поселение на Бискупинском озере уже к VI в.[15]

Во всяком случае, предлагаемая выше интерпретация свидетельства Иордана больше, чем буквальное понимание его слов, соответствует хронологически сопоставимым данным археологии и пусть косвенным, но достаточно убедительным материалам лингвистики. Она позволяет полнее обрисовать уровень культуры, хозяйственный быт и общественное устройство славян в канун их балканских войн VI—VII вв. Она исключает все еще бытующее в нашей литературе представление о крайней примитивности славянского общества перед его выходом на широкую историческую арену.

[1] Подробнее об этом см.: *Королюк В. Д.* К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев.— Ссл., 1973, № 3; *Никонов В. А.* Этнонимия.— В кн.: Этнонимы. М., 1970.

[2] *Королюк В. Д.* К исследованиям..., с. 88; *Иванов В. В.* Язык как источник этногенетических исследований и проблематика славянских древностей.— Ссл., 1973, № 4.

[3] Соответствующий материал собран в работе: *Havlík L. E.* Význam a postavení Velké Moravy v Evrope 9. století.— In: Z dějin Slovanů na území ČSSR. Uherské Hradište, 1971.

[4] Свой труд Иордан закончил в 551 г. См.: *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов.— В кн.: Getica. М., 1960, с. 7 (Далее — Getica).

[5] Getica, § 35.

[6] Разбор соответствующих гипотез см.: *Скржинская Е. Ч.* О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне.— Византийский временник, 1957, т. XII.

[7] Getica, с. 218 (примеч.); *Петров В. П.* Етногенез слов'ян: Джерела, етапи развитку і проблематика. Київ, 1972, с. 12.

[8] *Петров В. П.* Етногенез..., с. 12, 40.

[9] Там же, с. 39.

[10] Там же, с. 18.

[11] См.: *Королюк В. Д.* Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Цен-

тральной Европы.— В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. М., 1972, с. 15—16.

[12] *Петров В. П.* Етногенез..., с. 28—32.

[13] *Баран В. Д.* Раньослов'ян'ски пам'ятки Верхнього Подністров'я и Південно-Західної Волині.— В кн.: Матеріали дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ, 1964, вип. 5; *Leciejwicz L.* Ujście we wczesnym średniowieczu. Wrocław ets., 1961; *Hensel W.* Słowianszczyzna wczesnośredniowieczna. W., 1965; *Klanica Z.* Vorgrossmährische Siedlung in Mikulčice und ihre Beziehungen zum Karpathenbecken.— Studijne zvesti Archeologického Ustavu SAV, 1968, t. 16; ср. также: *Аулих В. В.* Зимнівське городище — слов'яньска пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині. Київ, 1972; *Hensel W.* Polska starożytna. Wrocław ets., 1973; на территории Молдавии до X в. славяне, очевидно, не возводили городищ, здесь поселения рассматриваемого времени имеют открытый характер. См.: *Рафалович И. А.* Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972, с. 46.

[14] MPH. Nova ser. Kraków, 1946, t. I, s. 48—49.

[15] Это поселение возникло на месте старого лужицкого городища. См.: *Hensel W.* Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna, s. 387.

О последнем периоде правления Болеслава Храброго

В польской исторической традиции прочно утвердилось представление о сотрудничестве первых монархов из дома Пястов с латинской иерархией. В пользу сложившегося уже мнения свидетельствует как будто целый ряд фактов: покровительство, оказанное Болеславом Храбрым проповеди св. Войтеха и св. Бруно, погибшего, как сообщает Титмар, на границе Руси и Пруссии (in confinio praedictae regionis (Пруссии.— *В. К.*) et Rusciae) [1], что заставляет предполагать в миссии последнего конкретные политические цели, ибо городу Берестью, расположенному поблизости, суждено было впоследствии сыграть значительную роль в ходе польско-русских конфликтов; затем арест и смерть в заключении колобжегского епископа Рейнберна, посланного вместе с дочерью Болеслава к князю Святославу, «который готовился, побуждаемый Болеславом, поднять оружие на своего отца» [2].

Союз с церковью диктовался, разумеется, чисто политическими мотивами. Принятие христианства в 966 г. означало для Мешко I ослабление немецкой угрозы; союз с Римом реабилитировал Польшу в глазах Западной Европы, лишал империю моральных оснований для грабежа. В этом отношении чрезвычайно любопытно письмо св. Бруно, посланное им из Польши к императору Генриху II, который в это время вел ожесточенную борьбу с польским князем. Особенно отчетливо эта связь стремлений молодого государства к полной внешней независимости с церковной полити-

кой Пястов сказывается на последствиях Гнезненского съезда (1000 г.).

Император Оттон III, присутствовавший на этом съезде, утвердил церковную независимость Польши, получившей теперь отдельное архиепископство в Гнезно, вместе с тем Болеславу Храброму было передано право церковной инвеституры [3]. По поводу этого съезда Титмар Мерзебургский замечает: «Пусть простит бог императору (Оттону III.— *В. К.*), что он сделал своего вассала (Болеслава Храброго.— *В. К.*) независимым господином (quod tributarium faciens dominum) и возвысил так высоко, что тот, забыв о подчиненной роли своего отца, осмеливается ставить в зависимость от себя тех, кто раньше ему приказывал» [4].

Гнезненский съезд, таким образом, являлся новым шагом на пути к полной политической независимости Польши. Возможно, что в связи с этим съездом у Болеслава Храброго впервые возникла идея королевской короны и что Оттон III дал в этом смысле даже некоторые обещания, которые он в дальнейшем, в последующие два года, не сумел сдержать [5].

Не разбирая этого сложного вопроса, мы хотели бы отметить ту роль, которую должна была сыграть церковь в деле внутренней консолидации Польского государства при относительной слабости княжеской канцелярии. Именно эта слабость способствовала стремлению приспособить церковный аппарат к нуждам княжеской администрации — стремление, являвшееся общей чертой во внутренней политике отца и сына — Мешко Старого и Болеслава Храброго [6].

Все эти факты в достаточной степени подтверждают установившийся уже в науке тезис о союзе церковной и светской власти при первых Пястах.

Особенно большая роль в создании этой исторической традиции принадлежит первому польскому хроникеру, известному под именем Галла Анонима. Та часть его хроники, в которой содержится описание жизнедеятельности Болеслава Храброго, представляет собой восторженный гимн Польше — апостолу христианства на северо-востоке Европы. Та же идея о христианской миссии Польского государства пронизывает и все остальные страницы хроники, особенно описание войн Болеслава Кривоустого с пруссами и поморянами [7].

Подчеркивая, с одной стороны, право инвеституры, которым располагал в отношении польского клира Болеслав Храбрый, автор, с другой стороны, внимательно отмечает

те знаки уважения и почтительности, которыми было окружено при нем польское духовенство, красочно рассказывает о том, какой заботой окружил Болеслав Храбрый церковь, о его многочисленных и богатых дарах в ее пользу [8].

Именно эти сообщения Мартина Галла лежат в основе отмеченной нами концепции польских историков, доказывающих наличие прочного союза церкви и государства в Польше в течение X в. и значительного периода XI в. Приведенные нами факты свидетельствуют как будто в пользу этого мнения. Однако необходимо подчеркнуть, что все они, исключая, может быть, только показания Галла, относятся к первому периоду правления Болеслава Храброго, т. е. ко времени до 1018 г.

Год этот является известным переломным моментом в политике польского князя. С этого времени Польша не ведет больше активной внешней политики, не отвечая даже на нападения своих соседей. «Повесть временных лет» сообщает под 1022 г. о походе Ярослава под Берестье. Нам ничего не известно об ответных действиях с польской стороны. У Козьмы Пражского под 1021 г. сообщается о захвате чехами Моравии [9]. Новейшие польские исследователи склоняются в пользу принятия этого известия для датировки окончательного присоединения Моравии к Чешскому княжеству (до сих пор событие это относилось к смутному периоду правления Мешко II, преемника Болеслава Храброго) [10].

Что касается событий церковной истории Польши в промежуток времени между 1018 и 1025 г. (год смерти Болеслава Храброго), то, помимо соответствующих страниц хроники Галла Анонима, мы почти не располагаем больше никакими прямыми свидетельствами других источников. Это, разумеется, увеличивает ценность разбираемого нами источника и заставляет подходить к его изучению с еще бóльшим вниманиѐм. С другой стороны, значение хроники Галла Анонима определяется еще и близостью автора к высшей польской иерархии. Теперь уже ни у кого не вызывает сомнения, что сообщаемые им легенды о Болеславе имеют своим источником церковную традицию [11]. Сам он называет канцлера Михаила, который, как выясняет А. Беловский [12], являлся канцлером Крушвицкого капитула, «сотрудником» [13] в сочинении хроники. Вместе с тем в самой хронике появляются некоторые данные, заставляющие предполагать близкие отношения ее автора и архиепископа Мартина [14] (1092—1118 гг.).

Мы уже указывали, что схема, данная автором хроники

на первых страницах его повествования, легла в основу той позднейшей исторической традиции, которая дошла непоколебимой до нашего времени. Вместе с тем мы отмечали, что остальные источники подтверждают ее только относительно периода времени, предшествующего 1018 г. Изучая события последних лет правления Болеслава Храброго, естественно было бы обратиться к соответствующим сообщениям польского хрониста и еще раз подвергнуть их внимательному анализу.

Перед нами явно тенденциозная проповедь необходимости сотрудничества княжеской власти с церковной иерархией и примата последней. Сила этой тенденции такова, что автор готов приписать могущественной власти интердикта, наложенного Гаудентым на страну, все последовавшие за смертью Болеслава I при Мешко II смуты и несчастия [15]. Автор, правда, ссылаясь на неосведомленность, отказывается объяснить причину интердикта, предпочитая лишь несколько вскользь упомянуть о самом факте, так неожиданно освещающем события.

Польская историография обычно не обращает внимания на это вскользь брошенное замечание хрониста и не пытается сделать из него сами собой напрашивающиеся выводы. Исключение в этом отношении представляет лишь Владислав Абрагам, задержавшийся несколько на этом месте хроники и высказавший предположение, что самовластное обращение Болеслава I с церковью могло явиться причиной его конфликта с Гаудентым. Однако и он считает наиболее правдоподобным, что причиной столкновения было ограбление костелов княжескими дружинниками [16].

Сейчас трудно было бы окончательно решить вопрос о причинах этого факта. Во всяком случае, инцидент простого ограбления костелов не мог бы явиться основанием для столь серьезного конфликта. Гораздо важнее, что в лице Гаудентого мы имеем не только брата, но и ближайшего последователя св. Войтеха, идеолога превосходства духовной власти над светской и провозвестника их будущей борьбы. Такая идеология, разумеется, не могла ужиться с представлением Болеслава Храброго о неограниченной автократии монарха.

Таким образом, на польской почве в несколько иной форме повторялся тот же конфликт, который несколькими годами раньше разыгрался в чешской Праге, в епископстве св. Войтеха. Как бы то ни было, колоссальное значение и принципиальная заостренность конфликта остаются вне сомнения.

Следующим моментом исследования должна явиться хотя бы самая приблизительная датировка этого события — вопрос, не решенный исследованием Вл. Абрагама. Затруднения в разрешении его связаны с тем, что год смерти архиепископа Гаудентого до сих пор остается неизвестным. Титмар Мерзебургский, пристально следивший за событиями в Польше, ничего не сообщает по этому вопросу. С другой стороны, трудно предположить, чтобы такой внимательный наблюдатель обошел факт смерти брата св. Войтеха и не порадовался бы конфликту ненавистного ему Болеслава с польским клиром.

Остается предположить, что событие это произошло тогда, когда самого автора хроники уже не было в живых. Сомнения разрешаются последними главами его сочинения. В одной из них он замечает, что ему сейчас 41 год и он уже 10 лет правит епархией (27 апреля), а «днем раньше на предместье Гнезна сгорел архиепископский костел с другими принадлежавшими ему строениями» [17]. Представляется совершенно невероятным, чтобы автор, сообщая о пожаре в Гнезненском костеле, забыл упомянуть о гораздо более важном событии — смерти архиепископа Гаудентого. Кроме того, автор нигде ни разу не упоминает какого-нибудь иного имени в качестве главы польского клира. Так открывается нижняя граница, раньше которой не мог произойти разбираемый нами конфликт (1018 г.).

Помимо того, некоторым ориентиром в определении времени нам может служить следующее сообщение Козьмы Пражского, помещенное у него под 1022 г.: «In Polonia facta est persecutio christianorum [18]. Нужно иметь в виду, что в XI в. в Праге были известны уже древнейшие польские Анналы и что ими пользовался при составлении своей хроники Козьма. В таком случае гипотеза Регеля, считавшего, что известие 1022 г. попало в сочинение Козьмы из состава польских рочников, не лишена оснований и может расцениваться как вполне правдоподобная [19]. Но и без того достоверность сведений Козьмы остается вне всяких сомнений.

Перед нами русский источник — рассказ о Моисее Угрине, помещенный в «Патерике Киевского Печерского монастыря». Внимательный анализ этого известия показывает, что одним из источников его является рассказ польской княгини, жены Изяслава Ярославича. Особого интереса заслуживает ее протест против изгнания св. Антония: «Княгыни же его, ляховица сущи, взбрани ему глаголющи: „Ни мысли, ни створи его. Сице бо некогда створися

в земли нашей. И некиа ради вины изгнани быша черноризци от предел земля нашиа, и велико зло содеася в Лясех"»[20].

В этих словах польской княгини слышатся отзвуки той же самой традиции, которая сохранилась до нас в хронике Галла Анонима, рассказывающего об интердикте архиепископа Гаудентого. Вместе с тем слова ее переплетаются и подтверждают сведения древнейшей чешской хроники Козьмы о преследовании христиан в Польше. Но еще больше эта связь данных Патерика с замечанием Галла выясняется непосредственно из текста рассказа о Моисее Угрине. Здесь тоже смуты, последовавшие после смерти Болеслава, оказываются прямым следствием гонений на духовенство: «Болеслав же... вздвиже гонение велие на черноризци и изгна вся от области своеа. Бог же створи отмщение рабом своим вскоре. В едину убо нощь Болеслав напрасно умре, и бысть мятеж велик в всей Лятьской земли»[21]. Превращение польского клира в «черноризцев» в тексте Патерика, разумеется, не может явиться препятствием к признанию в его сообщении того же факта, о котором сообщает нам чешский источник: Превращение это легко объясняется политической и моральной тенденцией киево-печерского духовенства, находившегося в конфликте с княжеской властью.

Таким образом, для более точного определения времени конфликта между князем и церковью в Польше мы располагаем, помимо 1018 г., еще одной датой — 1022 г., когда конфликт этот был в полном разгаре.

Нам остается определить верхнюю границу разбираемого нами события. Если следовать точно смыслу слов Галла и Патерика, то границу эту пришлось бы отодвинуть на период времени, далеко отстоящий от 1025 г.— года смерти Болеслава Храброго. Однако этому противоречит тот факт, что именно в этом году Болеслав короновался королевской короной, не имея на то согласия ни германского императора, ни римского папы.

В условиях ожесточенной борьбы с церковью, когда на стране лежало проклятие ее главы, акт этот не мог иметь места. Все это заставляет предположить, что к 1025 г. между князем и польской иерархией был достигнут некоторый компромисс, удовлетворивший в какой-то мере обе стороны. Ошибка Галла и Патерика, которые использовали устную церковную традицию, рассматривавшую события польской истории в ретроспективном аспекте и преследовавшую морально-назидательные цели, довольно легко объ-

яснима с этой точки зрения, тем более что при преемнике Болеслава Храброго Польша действительно была потрясена внутренними смутами.

Наши сомнения окончательно разрещаются чрезвычайно интересным сообщением Длугоша, помещенным у него как раз под 1025 г. Сведения Длугоша уже потому заслуживают серьезного внимания, что этот польский историк располагал для своей работы исчезнувшими теперь для нас источниками. Он рассказывает под 1025 г. о том, что Болеслав передал епископам «et praedia et castra cum pertinentiis eorum, scilicet servitutes diversorum officiorum» [22].

Заявление это полностью совпадает с сделанным нами уже выше логическим заключением о необходимости какого-то компромисса Болеслава I с церковью к 1025 г. Перед нами верхняя граница разбираемого нами события. Вместе с тем сообщение это несколько раскрывает и материальную основу происходившего в Польше конфликта (идеологическую мы уже знаем). «Servitutes», о которых идет речь у Длугоша, представляют собой не что иное, как ленные повинности, поступающие в пользу князя [23]. В таком случае перед нами одно из самых первых упоминаний о передаче в руки церкви земельных пожалований на основании jus ducale.

С другой стороны, жестокий и затяжной внутренний конфликт в Польше, может быть, в какой-то степени поможет объяснению того внезапного падения внешнеполитической активности Польского государства, которое замечается в последний период правления Болеслава Храброго.

[1] Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon (Далее — Thietmar), VI, 58 (пользуюсь изд. в: MPH, t. 1).
[2] Thietmar, VII, 52.
[3] *Abraham Wł.* Organizacya Kościola w Polsce do połowy wieku XII. Lwów, 1893, s. 69; Галл называет Болеслава «patronus et advocatus pontificum» и сообщает, что он «episcopos ordinavit» (l. I, p. II, цит. по изд.: MPH, t. 1).
[4] Thietmar, V, 6.
[5] *Zakrzewski St.* Bolesław Chrobry wielki. Lwów ets., 1925, s. 133.
[6] Ibid., s. 47.
[7] «...Contra quos regiones Polonorum dux assidue pugnat, ut eas ad fidem convertat» (MPH, t. 1, p. 394).
[8] Ibid., p. 407.
[9] См.: FRB, t. 1, p. 83—84.
[10] *Zakrzewski St.* Bolesław..., s. 313—315.
[11] Polska, jej dzieje i kultura. W., s. a., t. I, s. 71.
[12] MPH, t. 1, p. 382.
[13] «...Nec non etiam cooperatori suo venerabili cancellario Michaeli» (Ibid., p. 391).

[14] *Krotoski K.* Gall scholastyk poznanski.— KwH, 1899,, vol. XIII, zesz. IV, s. 681.
[15] «Quae plaga creditur eo tot: terrae communiter crevisse, quod Gaudentius, sancti Adalberti frater et successor, occasione qua nescio, dicitur anathemate percussisse» (MPH, t. 1, p. 416). Древняя церковная традиция считала св. Войтеха основателем гнезненской епископии. См.: *Abraham Wł.* Organizacya..., s. 48.
[16] *Abraham Wł.* Organizacya..., s. 84—85.
[17] Thietmar, VIII, 8.
[18] FRB, t. 1, p. 84.
[19] *Регель В.* О хронике Козьмы Пражского. СПб., 1890, с. 33—35.
[20] Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 106.
[21] Там же, с. 105.
[22] Цит. по кн.: *Bandtkie S.* Prawo prywatne Polskie. W., 1851, s. 56.
[23] Ibidem.

II

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН И ВОСТОЧНЫХ РОМАНЦЕВ

К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев

Проблема этногенеза славян отнюдь не является новой для нашей отечественной науки. Она особенно энергично и многопланово разрабатывалась советскими исследователями в 30—40-х годах. Ею занимались такие видные историки, филологи, этнографы и археологи, как А. Д. Удальцов, Н. С. Державин, С. П. Толстов, М. И. Артамонов, Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков и др.[1] Правда, работы их охватывали главным образом восточнославянский ареал[2]. Происхождение западных славян как самостоятельное и важное направление работы практически не привлекало внимания наших исследователей. Не разрабатывались самостоятельно и вопросы этногенеза восточных романцев. Несколько лучше обстояло дело только в области южнославянской проблематики. В связи с резко ощутимым оживлением интереса к истории Византии именно в конце 30-х годов стали довольно систематически изучаться вопросы славянских переселений на Балканы и славяно-византийских отношений[3].

Два обстоятельства (хотя принципиально и совершенно разного значения) определили в те годы особую заинтересованность нашей науки этногенетической проблематикой. Советские историки, археологи, лингвисты и этнографы вели свои исследования в условиях непримиримой конфронтации с расистской идеологией гитлеровской Германии, отрицавшей какие-либо способности славянских народов к самостоятельному политическому, экономическому и культурному развитию. Трактовке славян как низшей расы надо было противопоставить научную трактовку, чуждую какого-либо расового высокомерия и расовых предрассудков. Конфронтация с расистской идеологией придавала работам советских ученых высокое гражданственное звуча-

ние, пафос гуманности, пафос подлинно человеческой защиты прав всех народов.

В то же время интерес к этногенетической проблематике обусловливался, правда, только кажущимся, но все же достаточно прочно закрепившимся в широких кругах нашей научной общественности убеждением, что теоретические основы этногенетических исследований вполне обеспечены так называемым новым учением о языке акад. Н. Я. Марра. Само собой разумеется, что работы, опирающиеся на единую теоретическую модель, исходящие из методологических принципов одной и той же так называемой яфетической теории, было сравнительно легче планировать и координировать.

В дальнейшем, однако, именно это обстоятельство, т. е. безраздельное господство в этногенетических исследованиях яфетической методологии, сыграло крайне отрицательную роль в судьбе отечественной историографии, посвященной вопросам славянского этногенеза. Как только в начале 50-х годов в результате широкой дискуссии по вопросам языкознания вскрылись определенные пороки учения о языке Н. Я. Марра, оказавшие тормозящее воздействие на развитие наших лингвистических исследований — важнейшего компонента этногенетических исследований, начался бросающийся в глаза отход от проблематики славянского этногенеза в нашей науке. Предлагавшиеся ранее концепции происхождения славянского или славянских этносов были признаны теоретически несостоятельными [4]. В течение довольно длительного времени не предпринималось сколько-нибудь серьезных попыток заменить старые схемы новыми. Особенно остро ощущался отход от проблематики славянского этногенеза в среде археологов, до того активно участвовавших в его разработке.

Перелом наступил только в конце 50—60-х годов. Но прежде чем коснуться этого перелома, следовало бы подвести некоторые итоги этногенетическим исследованиям конца 30—40-х годов.

Несмотря на несомненную неудачу тогдашних теоретических и конкретно-исторических построений в области этногенетических процессов, особенно в области славянского этногенеза, в нашей науке тех лет было сформулировано несколько важных позитивных принципов, сохраняющих свое определяющее значение и сегодня. Из принципов этих в первую очередь следует назвать следующие.

1. Признание, что этногенетические исследования по самому своему существу требуют организации комплекс-

ной разработки проблематики силами историков, археологов, антропологов, лингвистов и этнографов, что эта проблематика не может считаться исключительной областью какой-либо одной из общественных наук, а только их всех.

2. Научное обоснование того факта, что изучаемые в настоящее время древние этнические процессы, в том числе и процесс славянского этногенеза, не являются процессами биологическими, что в древности нет расово однородных этносов, что все известные в науке этносы прошли длительный путь развития, характеризующийся сложными явлениями этнического смешения, языкового скрещивания и культурного взаимодействия.

3. Из этого вывода следует, в свою очередь, вывод, что этнические процессы следует рассматривать как социально-экономически обусловленные, трактовать их как процессы общественные, т. е. исторические в полном смысле слова.

4. Признавая доминантой исторического развития усиливающиеся по мере приближения к современности процессы культурного сближения человечества, нет оснований рассматривать этногенетические явления как явления прямолинейные, однонаправленные, ибо параллельно с явлениями этнической языковой интеграции постоянно происходили и противоположные им процессы этнической и языковой дифференциации на основе специфики социально-экономического развития этносов и их сложных взаимоотношений.

Как уже говорилось, резкое снижение активности в области этногенетических исследований было явлением временным. Уже с конца 50-х — начала 60-х годов, и особенно с середины 60-х годов, они были возобновлены вновь в достаточно солидных масштабах. Правда, как и ранее, предметом монографического изучения оставался главным образом восточнославянский ареал, а наибольшую активность проявляли археологи. Стали появляться крупные труды, из которых здесь следует назвать в первую очередь работы П. Н. Третьякова [5], В. В. Седова [6], И. И. Ляпушкина [7]. К проблематике восточнославянского этногенеза обратились также лингвисты [8] и антропологи [9].

Здесь нет необходимости подробно характеризовать литературу последних лет. В задачи автора не входит попытка дать, хотя бы и в обобщенном виде, библиографическую справку о состоянии отечественных исследований в области славянского этногенеза в настоящее время. Для целей этой статьи достаточно подчеркнуть сам факт активизации этногенетических трудов, указать на развернув-

шуюся, хотя и далеко не законченную еще в нашей науке, дискуссию по вопросам этнической принадлежности зарубинецкой и черняховской археологических культур, их места в этногенезе славян Восточной Европы. Существенно расширились и советские исследования, посвященные передвижениям славян на Балканах и славяно-византийским отношениям [10]. Важно также, что в изучении этих вопросов теперь участвуют не только историки и филологи, как прежде, но и большая группа археологов. Речь идет о работах Г. Б. Федорова [11] и его молдавских учеников [12]. В результате этих исследований значительно продвинулось вперед изучение так называемой Балкано-дунайской культуры, по общему убеждению чрезвычайно важной для правильного понимания этнических процессов, закончившихся формированием болгарской народности, и, как полагают некоторые авторы [13], не менее существенной для изучения проблемы происхождения восточнороманских народностей. Не случайно эта культура в болгарской литературе именуется культурой Первого Болгарского царства, а в румынской — культурой Дриду. Сопоставление ее с так называемой салтовско-маяцкой культурой, тесно связанной с Хазарским каганатом [14], как будто бы действительно позволяет в настоящий момент, хотя бы частично, ставить вопросы ее этнической характеристики.

В области лингвистики наиболее продвинутыми в настоящий момент, по-видимому, следует признать исследования гидронимии, в первую очередь гидронимов Верхнего Поднепровья и Поднестровья [15]. Важные результаты дало при этом сопоставление славянских и балтийских гидронимов и топонимов. В предшествующий период внимание привлекали прежде всего славяно-иранские сопоставления. Эти работы наших лингвистов позволили значительно более четко и определенно трактовать проблематику так называемой балто-славянской языковой общности, уже давно привлекавшую внимание лингвистической науки как в нашей стране, так и за рубежом. «Общий балто-славянский фонд» оказалось возможным рассматривать как историческое, стоящее в ряду сложных этногенетических процессов явление [16].

Итак, есть основания говорить не только о простом оживлении интереса в нашей науке к этногенетическим исследованиям, но и о довольно явственных конкретных результатах, достигнутых уже к 70-м годам.

Пытаясь оценить эти результаты в целом, не вдаваясь в детали, даже чрезвычайно существенные, важно, как кажется, подчеркнуть следующие моменты.

1. Совершенно очевидно расширение ареала археологических исследований, выход за пределы сугубо восточнославянской этногенетической проблематики в сторону частично западнославянской, но особенно южнославянской и восточнороманской [17].

2. Резкое, оказывающее подчас очень сильное воздействие на итоги работы археологов усиление лингвистических исследований, особенно в области изучения гидронимии и топонимики.

3. Становящееся все более заметным участие антропологов в разработке отдельных конкретных проблем происхождения славян, причем не только восточных, но и частично южных и даже западных, а также восточных романцев.

4. Накопление большого нового фактического материала главным образом при изучении зарубинецкой и черняховской, а попутно пшеворской и других культур, побудившее к пересмотру старых этногенетических схем и вызвавшее пусть и не завершенные, но плодотворные дискуссии в археологической науке, дискуссии, поставившие на повестку дня важные проблемы теоретического порядка, в частности о соотношении этноса и региона распространения археологической культуры.

5. Бесспорно продолжающееся преобладание в этногенетической проблематике археологов, стремление именно за археологией оставить решающее слово в вопросах этногенеза вообще, славян и даже восточных романцев в особенности.

Последнее замечание нисколько, разумеется, не умаляет значения лингвистических или антропологических исследований. Но даже если признать, что лингвистам и антропологам в эти годы удалось достигнуть, как кажется, наиболее прочных научных результатов, приходится констатировать все же тот факт, что только археологами были тогда предприняты попытки дать крупные обобщающие исследования, в то время как языковеды ограничивались лишь попутным, беглым изложением своих взглядов на проблемы славянского этногенеза [18], а наши антропологи, лишь недавно обратившиеся к общеславянской этногенетической проблематике, естественно, и не могли еще выступить с трудами такого порядка. Положение это не было, конечно, результатом случайного стечения обстоятельств. Оно, думается, объясняется двумя основными причинами: интенсивным развитием археологических работ, приведшим к необычайному расширению именно археологической источниковедческой базы исследований (обстоятельство это

нашло яркое отражение в огромной публикаторской деятельности наших археологов; здесь, пожалуй, достаточно указать только на такое монументальное издание, как «Археология СССР. Свод археологических источников», осуществляемое по инициативе и под общей редакцией Б. А. Рыбакова), и твердым убеждением, причем не только археологов, что именно археологические источники прежде всего способны обеспечить успех изучения этногенетических процессов.

Такое убеждение неоднократно и недвузначно высказывалось нашими ведущими археологами, исходящими из постулата о соответствии этноса и археологической культуры [19], что не мешало, правда, таким дальновидным исследователям, как П. Н. Третьяков, прямо формулировать тезис о неразработанности теоретической базы этногенетических исследований в области археологии [20]. Более того, в среде археологов неоднократно раздавались голоса, призывающие к пересмотру установившегося взгляда на археологическую культуру как безусловный показатель некоей бывшей этнической общности, рекомендовавших осторожность в этнической интерпретации данных археологии [21].

Фактом, однако, остается, по признанию самих археологов, то, что все они «исходят из этого допущения (о соответствии этноса археологической культуре.— *В. К.*) в своей практической работе, даже те, кто выступал или выступает против такого утверждения» [22].

Непрочность этой посылки, либо формулируемой теоретически, либо только практически применяемой в работе, стала вскрываться, однако, сразу же и с полной очевидностью, когда исследователи, стоящие на одинаковых методологических позициях, перешли к конкретной разработке проблем происхождения восточных славян. Одна и та же археологическая культура — зарубинецкая — с помощью принципиально не отличающихся друг от друга методов ее этнической интерпретации стала признаваться одними исследователями славянской (П. Н. Третьяков), другими — принадлежащей балтам (В. В. Седов). Показательно при этом, что отсутствие (во всяком случае, на данном этапе изучения этногенетических процессов) разработанной на собственно археологическом материале системы критериев этнической дешифровки археологических культур привело к резкому усилению в археологических исследованиях аргументации, основанной на данных лингвистики. При этом, если судить по противоречивости результатов, эти данные подбирались подчас довольно субъективно, без достаточно-

го учета того реального значения, которое придавали им сами языковеды.

Слабость основной теоретической посылки (т. е. соответствие этносам археологической культуры) не могла не повлиять и на ход дискуссии об этнической принадлежности черняховской культуры. Отнюдь не случайно стал вырисовываться компромиссный подход к решению этого вопроса в нашей археологической литературе. Таким компромиссом, бесспорно, является находящая себе все большее число сторонников трактовка ее как полиэтнической [23]. И дело здесь совсем не в самом тезисе о полиэтничности, который представляется приемлемым. Этот тезис является скорее результатом общеисторических соображений, чем усовершенствования методики этнической дешифровки археологических источников.

Не случайно и постановка вопроса о славянских элементах в черняховской культуре, по данным археологии, при признании отсутствия ее генетических связей со славянской культурой VI—VII вв. основывается прежде всего на соображениях общеисторического порядка и фрагментарных сведениях письменных памятников (Певтингеровы таблицы) [24]. То же самое приходится констатировать и при оценке попытки этнического переосмысления археологами таких культур, как лужицкая, поморская, пшеворская и т. д. Подчеркивание здесь этих обстоятельств не означает, конечно, что археологи не должны обращаться к данным письменных источников или пытаться совместить выводы своих конкретных исследований с общей картиной исторического развития изучаемого региона. Как раз наоборот — иначе они перестали бы быть историками. Дело, следовательно, не в методологии археологической науки как науки исторической, а в методике этногенетических исследований, осуществляющихся на археологических материалах. A priori можно, конечно, утверждать, что каждому этносу, живущему компактно на четко очерченной территории, должна соответствовать определенная материальная культура, признаваемая этносом своей собственной, поскольку она соответствует условиям его хозяйственной жизни. Компактно расселявшийся этнос имел свою материальную культуру, которую изучают археологи. Иное дело найти признаки принципиального различия материальных культур различных этносов, живущих в аналогичных природных условиях и имеющих одинаковый тип хозяйства. Именно здесь возникают осложнения, побуждающие археологов ставить вопрос о необходимости выделения в мате-

риальной археологической культуре элементов, так сказать, этнопоказательных, детерминирующих ее этническую обособленность [25]. Между тем именно надежной методикой вскрытия этнических детерминативов в материальной культуре археология в настоящее время не располагает. Вполне понятно поэтому, почему подчас принимаемые за такие детерминативы форма и характер жилища, поселения, обряд погребения и др. часто при тщательном рассмотрении оказываются явлениями, определенными географической средой, типом хозяйства или широко распространенной формой идеологических, религиозных воззрений. Можно даже указать на примеры, когда в зависимости от типа хозяйства (земледелие, пастушество, например) одному этносу соответствуют не один, а два (или более) типа материальной культуры.

Так возникает вопрос о принципиальной правомерности суждений об этносе на основе данных сохранившейся от него материальной культуры. Этот вопрос в нашей литературе не нов. Тезис о соответствии этноса и археологической культуры был решительно атакован еще в конце 50-х — начале 60-х годов лингвистами, подчеркивавшими, что язык не тождествен культуре и что нельзя отождествлять археологическую культуру с древними этническими единицами [26]. Решительных противников этот основополагающий тезис археологов-этногенетиков встретил, как уже говорилось, и в среде самих археологов [27].

При таком положении и при наличии диаметрально противоположных суждений о ходе этнических процессов у авторов, оперирующих одним и тем же материалом источников, едва ли вызовут удивление горькие признания археолога И. И. Ляпушкина. «Некоторые исследователи,— пишет он,— предпочитают определять принадлежность славянам тех или иных памятников без проверки связи их с достоверными славянскими памятниками, а исходя лишь из того положения, что в более позднее время на данной территории обитали славяне. А проще говоря, делается это «на глазок», по интуиции. Беда такого подхода состоит не только в том, что мы затрачиваем силы, средства, а также теряем время — что, конечно, имеет свое значение,— сколько в том, что частые изменения во взглядах на историю славянского мира, которые имеют место при таком подходе, создают весьма недоброжелательный настрой к нашей науке, особенно когда эти повороты совершаются с молниеносной быстротой под углом в 180°, без какого-либо заметного к тому повода» [28].

Сам И. И. Ляпушкин видит выход из создавшегося положения в обращении к ретроспективному методу, чтобы, отталкиваясь от достоверных славянских древностей X—XIII вв., постепенно углубляться в прошлое [29].

Ретроспективный метод не вызывает и не может, конечно, сам по себе вызвать возражений. Однако ретроспекция, построенная исключительно на археологическом материале, таит в себе, как кажется, неминуемую неточность и неполноту выводов. Главными при этом являются два следующих соображения.

1. Нет оснований полагать, что все последовательно сменявшие друг друга на какой-либо определенной территории археологические культуры уже открыты и выявлены, наоборот, есть все основания думать (и это подтверждает прогресс археологических исследований), что полностью достичь такого выявления, быть может, и не удастся и что построенная на имеющемся материале нисходящая цепь археологических культур, выделенных к тому же не всегда по единому признаку или по ряду вполне сопоставимых признаков, будет отнюдь не идеальной.

2. Материальная культура некоторых этносов, во всяком случае этносов, практиковавших отгонное пастушеское скотоводство в качестве основного типа хозяйства при вспомогательном характере земледелия, судя по этнографическим данным [30], такова, что рассчитывать на обнаружение значительных следов ее в археологических раскопках, в сущности, не приходится.

Сложность положения усугубляется трудностью, рискованностью и при всех условиях неразработанностью принципов сопоставления данных археологии и лингвистики, не говоря уже о данных антропологии. В самом деле, как сопоставить лишенные твердых хронологических показателей данные языка (что не исключает возможности датировать отдельные языковые явления по материалам смежных дисциплин) с более или менее хронологически (или даже только стратиграфически) определенными данными материальной культуры? Одним из главных камней преткновения, кстати сказать, здесь оказывается имеющее принципиальный характер положение лингвистики о языке-основе, в данном случае — о праславянском языке — основе праславянской языковой общности. Лингвисты, оперируя этим понятием, часто подчеркивают, что нет возможности локализовать его в пространстве и во времени [31]. При таком положении можно понять, конечно, затруднения археологов, но едва ли можно оправдать попытку практически отбро-

сить это понятие, отказаться от него в своих исследованиях, ссылаясь на факт исторического развития языка, как это делает В. П. Петров [32].

Очевидно, дело все же не в мифичности понятия праславянской языковой общности, а в явном несовершенстве методики комплексных этногенетических исследований, основанных преимущественно на археологических источниках, как, в свою очередь, несовершенстве аналогичных исследований, исходящих главным образом из данных языка. Ведь не более результативным оказалось для решения этногенетических проблем и сопоставление данных археологии и антропологии, антропологии и лингвистики, что побудило некоторых археологов выступить с предложением заменить понятие этногенеза понятием глоттогенеза, считать решающим не этнические, а только глоттогенетические процессы [33]. На первый взгляд такая подмена понятий-процессов может показаться даже вполне оправданной. В качестве доказательства ее правомерности можно было бы сослаться и на процесс романизации, сопровождавшийся распространением латыни как общеразговорного языка в Римской империи, на тюркизацию албанцев Азербайджана в результате исламизации и сельджукского завоевания, наконец, на несомненно сохраняющиеся черты местного фракийского и иллирийского субстратов в антропологическом типе южнославянских народов [34].

В пользу такой подмены свидетельствует как будто бы и принятое в этнографии правило, гласящее, что, в то время как изменение физического типа этноса требует процесса этнической метизации, усвоение культуры и языка может происходить и без скрещивания этносов. Язык и культура могут распространяться независимо от антропологических типов, но антропологические типы никогда не распространяются без культуры и языка [35].

Вопрос этот, однако, при более внимательном рассмотрении оказывается более сложным. Современные этнические процессы действительно свидетельствуют в пользу возможности усвоения этносом языка и культуры другого этноса, однако в условиях их тесных политических, экономических и культурных связей, при полном культурном преобладании одного из этносов. Такое культурное преобладание при политическом и социальном подавлении подчиненных этносов, несомненно, было в Римской империи. Романизация здесь была прежде всего выгодна господствующим классам или слоям покоренных народов, обеспечивая им определенный социальный аванс. Миллионная ар-

мия, находящаяся в тесном контакте со снабжавшим ее всем необходимым местным населением, тоже была могучим рычагом романизации. Смена религии и связанных с ней обычаев, политическое и социальное подавление определили диэтнизацию албанцев. Существенно иначе складывались обстоятельства на Балканах, где не было культурного преобладания славян, а массовое заселение ими полуострова достаточно хорошо доказывается письменными источниками. Показательно при этом, что не вся территория, первоначально освоенная славянами, подверглась славянизации. В Пелопоннесе, например, в конце концов возобладал процесс эллинизации [36].

Следовательно, задача состоит не в подмене или замене одного понятия-процесса другим, а в том, чтобы, признавая как значение процессов этногенеза, так и процессов глоттогенеза, стремиться выяснить конкретную обусловленность, исторический механизм происходящих этнических сдвигов.

При сложившемся положении в археологии и лингвистике, учитывая крайнюю скудость и порой неясность, неопределенность показаний письменных источников, отражающих к тому же только конечные стадии славянского этногенеза, нет ничего удивительного, что возобновились старые споры автохтонистов и миграционистов, на что уже обращалось внимание в нашей литературе [37]. Сознание (и, думается, обоснованное), что абсолютизация как автохтонной, так и миграционной теории должна неизбежно привести к ошибочной трактовке этногенетической проблематики, невозможность не учитывать роли этнического субстрата и одновременно понимание того факта, что имеющаяся совокупность данных воспрещает игнорирование миграционных явлений, побудили археолога В. П. Петрова, выступившего с обобщающим трудом по проблематике славянского этногенеза, к попытке наметить такую линию научного поиска, которая устранила бы необходимость обращения к обеим этим теориям. По его мнению, «вместо того чтобы говорить об экспансии... и переселении, надо говорить о культурно-типологических изменениях в географических контактах, изменениях форм и границ в консолидации населения... Географическим контактам соответствуют культурные, связям культурно-географического порядка — этноязычные, хотя, разумеется, речь идет не о взаимозависимости и тем более об отождествлении» [38].

Положение, как это нетрудно заметить, достаточно туманное и так или иначе означающее возвращение на пози-

цию автохтонизма. Иного и трудно ожидать, если, с одной стороны, признается, что этническая принадлежность населения определяется языком, а с другой — постулируется, что решающими в конце концов являются безгласные археологические источники [39].

Как уже говорилось, в задачи пишущего эти строки не входит сопоставление всей литературы вопроса. В настоящей связи важно только отметить основные, определяющие состояние исследований моменты в разработке проблематики этногенеза славян и восточных романцев. Поэтому, завершая этот по необходимости краткий и очень обобщающий обзор отечественных этногенетических исследований, достаточно будет подчеркнуть три следующих, как кажется самых существенных, обстоятельства.

1. Серьезное, более чем значительное расширение археологической источниковедческой базы само по себе не привело еще к достижению надежных результатов в области этногенеза славян.

2. Общее для всех специалистов по вопросам славянского этногенеза стремление к комплексности исследований при безусловной правильности самого постулата о необходимости комплексности оказалось все же больше пожеланием, чем реальным достижением, ибо осталась нерешенной проблема методики археологических и лингвистических, лингвистических и антропологических, археологических и даже исторических (т. е. основанных на письменных источниках) сопоставлений, использовались порой субъективные критерии для исследований такого рода.

3. Для крупных обобщающих работ показательна эмпиричность поиска, пусть и сопровождающаяся, как правило, высоким профессиональным мастерством в той или иной научной области при очень слабом внимании к разработке теоретических основ этногенетических исследований, оставшихся, как правило, старыми: автохтонизм либо миграционизм, этногенез либо глоттогенез, археологическая культура как этническая общность и т. д.— в связи с чем теоретически традиционный характер имели и вспыхивавшие вокруг того или иного вопроса научные дискуссии.

Из сказанного не следует, что разработка теоретических проблем этнических процессов полностью отсутствовала в нашей отечественной науке вообще. Однако происходила она отнюдь не в рамках археологии или языкознания. Разработкой теоретических вопросов этногенеза занимались наши этнографы. Здесь имеется в виду большая дискуссия, проходившая в 1967—1975 гг. среди этнографов и

получившая широкое освещение на страницах журнала «Советская этнография» [40]. Несмотря на то что многое в ходе этой дискуссии можно считать уже достаточно хорошо выясненным [41], ее нельзя признать окончательно завершенной, о чем свидетельствуют появляющиеся в печати новые материалы [42].

Вполне понятно, что участники дискуссии, формулируя свои взгляды, опирались отнюдь не только и не столько на материалы прошлых эпох, сколько широко использовали прежде всего наблюдения над современными этническими процессами. Это, однако, не мешает использовать результаты дискуссии для разработки проблематики и организации исследования этногенетических процессов в отдаленном прошлом. Задача состоит в том, чтобы выделить из обширного материала дискуссии те основные положения, которые бесспорно могут быть применены к изучению палеоэтнических явлений.

Каковы же эти положения? Для удобства изложения ниже они формулируются в виде нескольких тезисов, которые попутно в случае необходимости комментируются исходя из задач изучения этногенеза славян и восточных романцев.

1. Антропологические и этнические категории, как правило, не совпадают — положение, как легко заметить из сказанного выше, не новое в нашей науке.

2. Этнос является устойчивой, исторически сложившейся общностью людей, характеризующейся такими признаками-свойствами, как общность территории, языка, экономических связей, культурного уклада и этнического самосознания, выражающегося прежде всего в сознании действительной или мнимой общности происхождения.

3. Эти признаки-свойства в своей совокупности образуют устойчивую структуру, позволяющую этносу, исторически развиваясь, в зависимости от социально-экономических в первую очередь и политических условий сохраниться в течение длительных периодов, переходя из одной исторической эпохи в другую, включая даже смену формаций.

4. Такие, казалось бы, обязательные свойства-признаки этноса, как общность языка, территории, экономических связей и культурного уклада, нельзя абсолютизировать: потеря одного из этих свойств-признаков не влечет за собой исчезновения этноса. Положение это требует, по-видимому, существенных оговорок применительно к эпохе господства родового строя, когда такие понятия, как племя [43], язык и племенная территория и даже племенное имя, составляли

одно неразрывное единое целое, так что потеря одного из них автоматически влекла за собой исчезновение остальных свойств-признаков. Ситуация существенно изменилась на стадии разложения первобытнообщинного строя, в период формирования союзов племен, а затем больших военно-политических объединений, и особенно в эпоху Великого переселения народов, когда дисперсность поселений этноса, этническая чересполосица могла и не быть препятствием к сохранению этносом своей отдельности [44].

5. Однако сохранение этноса при условии потери им одного из своих свойств-признаков возможно только в том случае, если они в совокупности существовали у него в недавнем историческом прошлом и не исчезли из этнического самосознания.

6. Поэтому решающим условием существования этноса является сохранение им этнического самосознания, выделяющегося и противопоставляющего данный этнос соседним, самосознания, особенно остро проявляющегося в условиях непосредственного соседства, а тем более конфронтации с другими этносами. Положение чрезвычайно важное для понимания причин и механизма ассимиляции одним этносом других, например славянами романизированных или эллинизированных фракийцев, этническое самосознание которых в условиях Римской империи, безусловно, должно было деградировать, так же как и для выяснения причин устойчивости тех или иных этнических единиц даже в очень сложных социальных и политических условиях (примером могут служить, вероятно, восточные романцы эпохи раннего средневековья). Принимая этот тезис, следует, как кажется, все же оговориться в том смысле, что для периода распада родового строя, эпохи военной демократии и для периода раннеклассовых обществ такие свойства-признаки этноса, как язык и этническое самосознание, остаются еще не расчлененными — явление, по-видимому хорошо понимаемое лингвистами. Недаром еще А. Мейе сформулировал тезис, что эпохе так называемого славянского языкового единства соответствовало население, говорившее на одном языке-основе, осознававшее свое единство [45]. Эта нерасчлененность языка — этнического самосознания определялась тем, что именно язык являлся (да и теперь является) основным средством наследственной, в том числе этнической, информации, абсолютно необходимой для сохранения этносом своей отдельности. Нарушение механизма этой вертикальной, диахронной наследственной информации даже сегодня, когда она отступает на задний

план перед информацией горизонтальной, синхронной, может вести и ведет к потере отдельными частями этноса этнического самосознания [46].

7. Обязательное для этноса наличие сознания единства своего происхождения определяет, в свою очередь, иерархичность этнического самосознания по восходящей линии. Для современных славянских народов эта иерархичность может быть проиллюстрирована на схеме: русский — восточный славянин — славянин, для эпохи Киевской Руси: вятич — русский — славянин и т. д. Значение иерархичности этнического самосознания для процессов славянского этногенеза, образования славянских народностей еще предстоит исследовать, хотя роль его в межславянских контактах не вызывает сомнений. Для этнического развития восточных романцев тоже могла играть существенную роль иерархия: влах (волох) — римлянин — безотносительно к тому, насколько сама по себе фактически (т. е. исторически) оправдана эта иерархия.

8. Важнейшим свойством этноса является эндогамия (заключение браков внутри этноса), обеспечивающая непрерывность диахронного наследственного пути передачи этнических традиций. Подчеркивая значение этого фактора, нельзя не учитывать, однако, что в абсолютизированном виде он показателен лишь для, так сказать, социально угнетенных этносов — этнических изолятов или, быть может, очень древних племенных этнических единиц. Как правило (и этнографические параллели это очень хорошо показывают), тенденция к эндогамии как доминанта развития сочетается с тенденцией к расширению и увеличению этнической территории и ассимиляции соседних этносов [47]. Думается, что и для понимания палеоэтнических процессов эта оговорка имеет существенное значение.

9. Каждому этносу соответствует обычно определенная материальная и духовная культура, осознаваемая этносом полностью или частично как своя родная, что не исключает подвижности, постоянной обновляемости этой культуры, заимствований из другой этнической среды. «Чистой» этнической традиции еще никогда никому не удавалось выявить. Особой подвижностью обладает именно материальная культура, в которой все же можно выделить более консервативные (например, пища или женские украшения) [48] и менее консервативные элементы, к тому же жестко детерминированные развитием производительных сил, географической средой, типом хозяйства (орудия труда, жилища и т. д.). Последнее обстоятельство может привести

к существенной разнице в материальной культуре этноса, расселившегося в зонах с совершенно отличными ландшафтно-географическими условиями (например, степь и горная местность). Этот тезис имеет особенно важное значение для окончательного завершения спора об этнопоказательности археологических культур.

10. Этносу свойственно стремление конституироваться социально, позже политически в рамках единой территории: условия социальной или политической самостоятельности благоприятствуют нормальному прогрессивному развитию этноса, на что, кстати говоря, уже обращалось внимание в нашей литературе применительно к периоду формирования народностей. Показательно при этом и отчетливо проявляющееся в Центральной и Восточной Европе совпадение границ расселения народностей с политическими границами формирующейся на их основе раннефеодальной государственности [49]. Нет сомнения, что это стремление к социальному, а затем и территориально-политическому конституированию было свойственно и этносам на более ранних стадиях развития, что не мешало им в период разложения родового строя развивать активную территориальную экспансию.

11. С последним тезисом тесно связано и разделение этнических общностей на две большие категории: этнос в узком смысле слова — исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих стабильными особенностями культуры и языковой общностью и сознанием своей этнической обособленности (в нашей этнографической литературе этому понятию соответствует обычно термин этникос), и этнос в широком его понимании — этносоциальный организм, предполагающий сочетание собственно этнических свойств с определенными социальными структурами. К этносоциальным организмам или, по терминологии наших этнографов, *эсо* относятся такие этнические общности, как племя, народность, нация. Характер этносоциального организма определяется принадлежностью к той или иной формации, племя — народность — нация образуют восходящий генетическо-таксономический ряд для этносоциальных организмов. Этнос в узком смысле слова (современное понятие национальность) может переходить из одной формации в другую [50].

Само собой разумеется, что сказанное не охватывает всего содержания дискуссии, происходившей в нашей этнографической науке, тем более что, как указывалось выше, дискуссия среди этнографов еще не закончена. Важно,

однако, другое. Дискуссия подняла много новых теоретических вопросов, связанных с этническими процессами и важных не только для современности, но и, думается, для решения многих узловых явлений этногенеза народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Она позволяет продолжить исследования в области славянского этногенеза на новом, значительно продвинутом вперед теоретическом уровне.

Это не значит, конечно, что достигнутый теоретический уровень можно признать во всех отношениях достаточным. Вне дискуссии осталось еще много проблем, чрезвычайно существенных для палеоэтнографии. Многие вопросы были затронуты только попутно, без их глубокой разработки.

Не пытаясь охарактеризовать всю ту проблематику, которая так или иначе осталась неразработанной, что потребовало бы самостоятельного исследования, необходимо указать все же на некоторые моменты, имеющие прямое отношение к теме настоящей статьи. Следует заранее подчеркнуть при этом, что при такой оговорке формулируемые ниже замечания ни в коей мере нельзя считать исчерпывающими. Замечания эти таковы.

1. К сожалению, до сих пор не было предпринято попыток моделирования исторического механизма основных исторических процессов, таких, как, допустим, процессы ассимиляции или дифференциации этносов, передачи наследственной этнической информации, развития этносов в условиях потери ими своей территории и материальной культуры, возрождения этнического самосознания после длительного периода существования этноса в угнетенном, выражаясь языком биологов, состоянии. Такого рода моделирование, без сомнения, во многом помогло бы при дешифровке древних этнических процессов. Оно позволило бы и поставить очень сложный и неясный вопрос о возможности регенерации этносов в условиях, благоприятных для этнической регенерации, если таковые возможности мыслимы реально, разумеется.

2. В генетическом ряду племя — народность — нация дополнительного изучения и, возможно, членения требует стадия, отделяющая народность от племени. Главное здесь, как кажется, заключается в том, чтобы четко представить себе принципиальные этносоциальные отличия союзов кровнородственных племен на стадии господства или расцвета родового строя и союзов племен, тоже сознающих единство своего происхождения, но находящихся на стадии распада родового общества. Неизученной остается и этносоци-

альная структура крупных военно-политических объединений, выходящих за пределы союзов племен, осознающих свое родство, эпохи военной демократии. Здесь лучше изучены только военно-политические объединения кочевников.

3. Важной задачей остается выделение этнопоказательных элементов в материальной культуре с учетом, конечно, ее особой подвижности, с учетом того, что во времени эти показатели сами могут радикально изменяться, обновляться, заменяться другими. Для развития археологических исследований в области этногенеза сейчас эта проблема первостепенного значения.

4. В четком определении нуждается такое понятие, как этническая традиция, наследственная информация. Известно, что она изменяется и обновляется во времени, но не изучены ее истоки, в какой мере она в своем происхождении связана с производственной деятельностью, тотемическими мифами, возрастными инициациями, культом предков древнего человечества, каковы направления, каковы основные этапы ее развития на стадиях, предшествующих формированию современных народностей и наций.

5. Слабо изученной остается роль духовной культуры и искусства в развитии этнических процессов. Если охранительная и консолидирующая роль национальной культуры для этноса и этносоциального организма очевидна, если на значение ее в процессе взаимообогащения этносов уже указывалось в этнографической литературе, то сложнее обстоит дело с народной культурой и искусством. Обычно довольно ясной представляется опять же их охранительная роль. Однако признать народную культуру и искусство явлением, замкнутым в себе, чуждым внешних воздействий, не позволяют многие конкретные наблюдения над ее развитием. Достаточно, пожалуй, указать на церковную скульптуру эпохи готики и барокко, лежащую в основе польской народной скульптуры XIX—XX вв.[51], или на русскую народную иконопись XVII—XIX вв., через древнерусское и византийское искусство живописи восходящую к эллинистической традиции[52]. Они определенно свидетельствуют в пользу того, что и народная культура, и искусство являются своеобразным механизмом духовного взаимообогащения этносов[53]. Особого внимания заслуживает тенденция народной культуры к выработке локальных особенностей, вариантов, а в некоторых случаях (например, в Карпатском ареале) ее способность выйти за пределы этноса, формируя широкий межэтнический культурный круг. Изучение всех этих особенностей облегчит в дальнейшем пра-

вильное понимание роли духовной культуры, искусства в этнических процессах древности.

Сказанного достаточно, чтобы представить характер дискуссионных проблем, которые возникают при изучении палеоэтнических проблем. При этом нельзя не учитывать и того, что в полном и точном смысле слова источниковедческой базой специалисты по этногенезу нередко не располагают, что в данном случае комплексное изучение предполагает не столько прямое сопоставление данных лингвистики, археологии, антропологии и письменных памятников, сколько сопоставление полученных в результате их изучения реконструкций. Задачей и итогом анализа должны быть не собственно лингвистические, археологические и другие разработки, а исследования палеоэтнические, комплексные по существу проблематики [54].

Между тем именно сопоставление данных имеющихся источников, методика такого сопоставления, как указывалось выше, вызывают наибольшие трудности. Здесь можно было бы ограничиться одной, но очень красноречивой иллюстрацией. Реконструкция, как она рисуется на базе изучения языка-основы, достаточно сложно социально и культурно организованного праславянского общества в настоящее время оказывается несовместимой с теми представлениями об относительной примитивности социальной организации славян в поху Великого переселения народов, которые господствуют в нашей исторической науке. Сопоставлению в данном случае должен, очевидно, предшествовать проведенный заново анализ данных языка, но прежде всего археологии и особенно сохранившихся письменных источников [55]. Но это задача, к которой предстоит подготавливаться постепенно, памятуя также о том, что сопоставление основанной на лингвистических данных реконструкции с картой археологических культур может дать (во всяком случае, первоначально) только альтернативные результаты. В качестве гипотетических праславянских окажется возможным считать не одну культуру, а группу археологических древностей.

Для будущего наших этногенетических исследований в связи со сказанным выше очень большую роль должна сыграть организация равномерно, по возможности синхронно развивающихся разработок во всех необходимых направлениях: археологическом, историческом, лингвистическом, этнографическом, даже историко-географическом и историко-социологическом. Только максимальное приближение к теоретически вероятным синхронным исследова-

тельским усилиям способно обеспечить действительную комплексность этногенетических исследований, даже если эти исследования будут иметь регионально и хронологически или тематически ограниченный характер.

Сейчас в рамках Института славяноведения и балканистики наиболее продвинутыми и результативными в области славянского этногенеза, бесспорно, являются работы наших лингвистов. Речь идет не только об исследованиях, посвященных, в частности, проблематике балто-славянского языкового единства, гидронимии Верхнего Поднепровья и Поднестровья [56]. Интересны по своим предварительным, пусть далеко и не бесспорным еще результатам опыты комплексного изучения лексики, топонимии и археологии Полесья. Принципиально важной является и постановка задач лингвогеографических исследований на диалектном уровне для решения проблематики этногенеза славян и древних славянских миграций [57]. Изучение гидронимики и топонимии, естественно, было бы продолжить, расширяя ареал исследований на юг и юго-запад, чтобы постепенно охватить фракийский и, может быть, иллирийский этнические массивы. Важно было бы организовать на должном уровне начатое уже изучение лексических соответствий, в том числе диалектных, в широком географическом ареале.

Должны быть продолжены в Институте славяноведения и балканистики и наши исследования в области индоевропеистики, давшие уже интересные и значительные результаты для изучения ранних этапов славянского этногенеза [58]. Но одновременно должны быть предприняты все меры к тому, чтобы ускорить выравнивание уровней исследований во всех других научных направлениях.

Для изучения некоторых как теоретических, методических, так и конкретно-исторических вопросов восточнославянского и западнославянского этногенеза представляется все же наиболее перспективным при организации комплексных исследований сосредоточиться на проблематике славянских переселений на Балканы и формирования южного славянства и восточных романцев. Наличие всех видов источников — исторических, археологических, лингвистических, антропологических и этнографических, включая данные фольклора,— именно в этом случае обеспечивает оптимальные условия для комплексности, не говоря уже о том, что в случае удачи таких разработок будет найдена еще одна твердая опора для развития исследований ретроспективного порядка, выявления методики сопоставления разных типов источников.

Уже первые опыты работы над письменными источниками, относящимися к только что сформулированной проблематике, показали необходимость их тщательного и скрупулезного изучения с учетом внутренней логики памятника. Прежде всего выяснились многозначимость упоминаемых в источниках этнонимов и возможность применения к одному этносу различной по происхождению этнонимической номенклатуры [59]. Многозначность этнонимов для рассматриваемого периода характерна, как показывают исследования А. П. Ковалевского, посвященные сообщениям о славянах аль-Масуди [60], и для восточных источников. Многозначным здесь оказывается этноним славяне (сакалибы). Следует учитывать далее, что не только топонимы, но и этнонимы имеют тенденцию отрыва от породивших их этносов, перехода к другим этносам [61], а многозначность этнонимов не менее показательна и для источников античной эпохи [62].

Планирование источниковедческих исследований над письменными памятниками предполагает в ряде случаев их новые переводы на русский язык взамен широко используемых археологами устаревших. Заканчивается работа над новым и первым на русском языке полным переводом сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей» (Г. Г. Литаврин) и его научным комментированием. Издание источников будет осуществляться сектором древней истории и средних веков и группой по изучению этногенеза и этнической истории в сотрудничестве с Институтом истории СССР, приступившим к подготовке корпуса древних источников по истории Восточной Европы.

Особенно важной представляется организация новых переводов и научного комментирования латинских и греческих источников, относящихся к истории формирования восточных романцев. Сильное отставание нашей науки по разработке проблем образования восточнороманских народностей в большей мере объясняется слабой исследованностью именно совокупности письменных источников о влахах—волохах, дисперсно расселившихся на обширных территориях Балкан и Карпато-Дунайских земель.

Критический анализ письменных источников призван, естественно, помочь комплексной разработке вопросов происхождения южных славян и восточных романцев. В плане археологическом и этнографическом в настоящее время первоочередной задачей следует считать разработку вопросов о роли античного наследства для социально-экономического, культурного и этнического развития раннесредневековых народностей в Юго-Восточной Европе. Ближайшей

целью являются наиболее полное выяснение этнической характеристики так называемой Балкано-Дунайской культуры, точное определение роли фракийского этнического компонента в процессе формирования древнеболгарской славянской народности и возможности участия в образовании Балкано-дунайской культуры оседлого восточнороманского элемента.

Если сопоставление данных письменных памятников и археологических материалов позволяет уже сейчас более или менее уверенно судить о славянском земледельческом и тюркоязычном кочевом элементе в этой культуре, то с дако-фракийским этническим элементом обстоятельства складываются значительно сложнее. Он оказывается практически пока неуловимым в археологических памятниках, хотя и отчетливо выступает в современном и близком к современности этнографическом и антропологическом материале, наблюдается при изучении производственных навыков сложившейся славянской болгарской раннефеодальной народности, ее традиций в области строительной культуры и т. д.[63], улавливается в данных ономастики и фольклора[64].

Здесь возможны два решения: либо археологический материал еще просто недостаточен и необходима интенсификация археологических раскопок, либо процессы романизации и эллинизации в рамках Римской империи привели к столь сильной деэтнизации местного земледельческого населения, что оно полностью лишилось осознаваемой этнически своей материальной культуры, а бурные события Великого переселения народов столь сильно подорвали материальные основы его существования, что в условиях упадка позднеримского ремесла и деградации хозяйственной жизни дако-фракийский земледельческий элемент вынужден был пользоваться однотипной со славянами, не столь развитой материальной культурой.

При условии продолжения соответствующих антропологических, этнографических и фольклорных (быть может, путем картографирования показательных фольклорных серий) работ участие лингвистов в изучении этой проблематики, анализ дако-фракийского языкового наследства в болгарском и восточнороманском языках, сравнение в болгарском языке масштабов этого наследства с наследством греческим и римским тоже способны существенно продвинуть вперед решение вопроса. Одновременно анализ грамматического строя и лексики восточнороманских языков, славянских элементов в них должен помочь в уточнении

географии этнического континуитета восточнороманских народностей в Карпато-Дунайском регионе и на Балканах. Вместе с тем новый шаг будет сделан и в изучении предполагаемого волошско-славянского социально-экономического и этнического синтеза, в условиях которого завершились становление у волохов феодальных отношений, образование государственности и формирование народностей. Нельзя не учитывать при этом, что хорошо изученный пастушеско-земледельческий тип волошского хозяйства [65] не оставляет как будто бы больших возможностей для археологических исследований. Приблизительно такое же положение у археологических исследований в ареале Северных Карпат. Следы указаний о наличии пастушества у славян в Карпатах сохранились в сочинениях античных авторов (К. Тацит, Иордан, Прокопий из Кесарии — I—VI вв. н. э.) и в известиях восточных географов (IX в.). Реконструкции фактов пастушества в древности являются главным образом задачей исследований историков-этнографов.

Намеченная выше — пока, разумеется, еще только в предварительном порядке — подлежащая уточнению проблематика группы по изучению этногенеза и этнической истории народов Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы будет в дальнейшем, естественно, расширяться за счет западной части Балканского полуострова и центральноевропейского ареала. Но уже и сейчас она представляется более чем широкой для столь немногочисленной исследовательской ячейки, как наша группа. Тем большее значение должны будут иметь для нее хорошо налаженные научные контакты, деловое сотрудничество с другими научными центрами в нашей стране и за рубежом. Регулярное издание (один раз в два года) сборников исследований группы должно способствовать развитию контактов и сотрудничества, а их достаточно широкая проблематика обеспечит участие в них специалистов разных профилей — советских и зарубежных.

[1] Здесь нет необходимости давать подробную библиографическую справку о работах 30—40-х годов. Соответствующие библиографические указания содержатся в кн.: Советское славяноведение: Литература о зарубежных славянских странах на русском языке (1918—1960). М., 1963; см. также: *Королюк В. Д., Толстой Н. И., Хренов И. А., Шептунов И. М., Шерлаимова С. А.* Советское славяноведение: Краткий обзор литературы, 1945—1963. М., 1963.

[2] См., например: Этногенез восточных славян. М.; Л., 1941, т. 1. (МИА; № 6).

[3] Детальный обзор литературы по этой проблематике см.: *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 44—61, 70—79.

[4] Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953.

[5] *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; *Он же.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

[6] *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

[7] *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968.

[8] См., например: *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962; *Он же.* Некоторые проблемы славянского этно- и глоттогенеза.— ВЯ, 1967, № 3; *Горнунг Б. В.* Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963; и др.

[9] *Алексеев В. П.* Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969; см. также: *Алексеева Т. И.* Антропологические материалы по этногенезу восточных славян.— СА, 1964, № 3; *Великанова М. С.* К антропологии средневековых славян Прутско-Днестровского междуречья.— СЭ, 1964, № 6; и др.

[10] Обзор их см.: *Удальцова З. В.* Советское византиноведение..., с. 165—194.

[11] *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. М., 1960.

[12] Кратко некоторые итоги этих исследований подведены в работе: *Федоров Г. Б.* Древние славяне в Прутско-Днестровском междуречье. М., 1969; *Он же.* Итоги и задачи изучения древнеславянской культуры Юго-Запада СССР.— КСИА, 1965, № 105; Библиография по археологии Молдавии (1941—1966). Кишинев, 1967.

[13] Из молдавских исследователей здесь прежде всего следовало бы назвать: *Хынку И. Г.* К вопросу о соотношении восточнославянской и Балкано-Дунайской культур лесостепной полосы Молдавии.— Тр. Ист.-краевед. музея МССР, Кишинев, 1969, вып. II; не вполне ясным остается вопрос о хронологических рамках Балкано-Дунайской культуры. Обычно она датируется VIII — началом IX в. И. Г. Хынку видит, однако, возможность в рамках Молдавии относить ее упадок к XIV в.

[14] Подробнее о салтовско-маяцкой культуре см.: *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967.

[15] *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962; *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968; *Петров В. П.* Етногенез слов'ян. Джерела, етапи розвитку, проблематика. Київ, 1972, с. 55—108.

[16] *Топоров В. Н.* К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы.— Baltoslavica, 1966, № 1/2; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958; *Петров В. П.* Етногенез..., с. 105—108.

[17] О расширении ареала археологических исследований свидетельствует и появление такого рода изданий, как книги: *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши. М., 1969; *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М., 1973.

[18] *Филин Ф. П.* Образование языка...; ср.: *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961; и др.

[19] *Третьяков П. Н.* Итоги археологического изучения восточнославянских племен.— В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961; *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья..., с 3.

[20] *Третьяков П. Н.* Этногенетический процесс в археологии.— СА, 1962, № 4.

[21] *Монгайт А. Л.* Археологические культуры в этнические общности.— Народы Азии и Африки, 1967, № 1; *Каменецкий И. С.* Археологическая культура, ее определение и интерпретации.— СА, 1970, № 2; *Клейн А. С.* Проблема определения археологической культуры.— Там же.

[22] *Каменецкий И. С.* Археологическая культура..., с. 35.

[23] *Рикман Э. А.* Население Днестровско-Прутского междуречья в первых столетиях н. э.— КСИА, 1969, № 119; *Он же.* О фракийском элементе в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья.— КСИА, 1971, № 121.

[24] *Рикман Э. А., Рафалович И. А.* К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье.— КСИА, 1965, № 105, с. 46; ср.: *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР.— САИ, 1961, Г4-4, с. 31, 32; Раннесредневековые восточнославянские древности (Предисл. П. Н. Третьякова). Л., 1974, с. 4—7.

[25] См., например: *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971, с. 140—143 и др.; *Бідзіля В. І.* Історія культуры Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ, 1971, с. 177.

[26] *Филин Ф. П.* Образование языка..., с. 72.

[27] Обзор мнений по этому вопросу см.: *Артамонов М. И.* Археологическая культура и этнос.— В кн.: Проблемы истории феодальной России: Сб. ст. к 60-летию В. В. Мавродина. Л., 1973; с возражениями против тезиса о совпадении этноса и археологической культуры выступает польский исследователь В. Генсель (*Hensel W.* Archeologia i prahistoria. Wrocław etc., 1971, s. 465—492; ср.: *Петров В. П.* Етногенез..., с. 114—116). Не имея возможности здесь дать сколько-нибудь полный обзор зарубежной литературы вопроса, сошлемся только на детальный анализ проблемы соответствия археологической культуры этносу в работе западногерманского археолога Р. Венскуса. См.: *Wenskus R.* Stammenbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes. Köln; Graz, 1961.

[28] *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы..., с. 27.

[29] Там же, с. 26.

[30] См., например: Карпатский сборник. М., 1972.

[31] *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951, с. 12, 13.

[32] *Петров В. П.* Етногенез..., с. 114, 115.

[33] УЈЖ, 1958, № 6.

[34] *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей.— СЭ, 1967, № 2.

[35] *Дебец Г. Д., Левин М. Г., Трофимова Т. А.* Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза.— СЭ, 1952, № 1.

[36] *Милетич Л., Агур Д. Б.* Дако-романите и техната славянска писменост.— В: Сб. за народни умотворения, наука и книжнина. С., 1893, кн. IX, с. 16; *Тъпкова-Заимова В.* По някои въпроси за етнически промени на Балканите през VI—VII в.— ИИИ, 1963, т. 12. Направление этнических процессов в Пелопоннесе легко увязывается с характером и масштабами зависимости его от Константинополя. См.: *Bon A.* Le probléme slave dans la Péloponése à la lumière de l'archeologie.— Byzantion (Bruxelles), 1950, vol. XX, p. 19.

[37] *Петров В. П.* Етногенез..., с. 6—10, 134—137 и др.

[38] Там же, с. 135.

[39] Там же, с. 10.

[40] СЭ, 1967, № 2; 4; 1968, № 1, 4; 1969, № 2, 5, 6; 1970, № 1, 3, 6; 1971, № 6; 1972, № 3, 5; показательно, что эта дискуссия отразилась и на страницах журнала «Природа»; при ее характеристике ниже учитывается и большая дискуссия по проблематике народности и нации, организованная журналом «Вопросы истории» в 1966—1968 гг.

[41] Итоговой статьей суммирующей основные результаты дискуссии 1967—1968 гг., можно считать работу: *Бромлей Ю. В.* К характеристике понятия этнос.— В кн.: Расы и народы. М., 1971, вып. 1.

[42] *Чистов К. В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.— СЭ, 1972, № 3; *Бромлей Ю. В.* Еще раз о соотношении этнической и экономической общности.— СЭ, 1972; № 5; *Он же.* Опыт типологизации этнических общностей.— СЭ, 1972; № 5.

[43] Род, в силу присущей ему экзогамности предполагающий неизбежное биологическое и культурное смешение, не может, по-видимому, рассматриваться в качестве самостоятельной этнической единицы; подробнее об этом см.: *Бромлей Ю. В.* Опыт типологизации..., с. 64.

[44] Показательно, что именно таким чересполосным, или, фигурально говоря, в «шахматном порядке», представляют себе расселение этносов в Центральной и Восточной Европе в первой половине I тысячелетия н. э. некоторые польские археологи. См.: *Hensel W.* Archeologia...

[45] *Мейе А.* Общеславянский язык, с. 5, 6.

[46] *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.— В кн.: Расы и народы. М., 1972, вып. II.

[47] На это обстоятельство автору приходилось уже указывать в рецензии на вып. 1 ежегодника «Расы и народы» (СЭ, 1971, № 6).

[48] Археологи согласно подчеркивают традиционность лепной домашней керамики: *Бідзіля В. І.* Історія..., с. 177; см. также: *Рикман Э. А., Рафалович И. А.* К вопросу..., с. 53.

[49] Подробнее об этом см.: *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964 (вступит. гл.) (здесь же имеется литература по этому вопросу).

[50] *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 35—47.

[51] *Grabowski J.* Sztuka ludowa. Formy i regiony w Polsce. W., 1967; *Piwocki K.* O historycznej genezie polskiej sztuki ludowej. Wrocław, 1953.

[52] *Королюк В. Д.* Русская крестьянская иконопись: (Традиция и развитие).— Études balcaniques, 1971, N 3.

[53] Даже необычайно яркая связь гуцульской керамической росписи с народным фольклором не исключает ее генетической связи с профессиональным гончарством Коломыи XVIII в., а впоследствии воздействия на нее иконописи, книжной и журнальной графики и т. д. См.: *Гоберман Д.* Росписи гуцульских гончаров. Л., 1972, с. 22, 30, 31; ср.: *Воронов В. С.* О крестьянском искусстве. М., 1972.

[54] Некоторый и в определенной мере интересный опыт постановки такого рода комплексных исследований (с участием археологов и этнографов) имеют лингвисты Института славяноведения и балканистики АН СССР см. в кн.: Полесье: (Лингвистика, археология, топонимика). М., 1967; Лексика Полесья. М., 1968; принципиальное значение имеет статья: *Толстой Н. И.* О лингвистическом изучении Полесья.— В кн.: Полесье..., с. 5—17.

[55] *Королюк В. Д.* «Вместо городов у них болота и леса...». (К вопросу об уровне славянской культуры в V—VI вв.).— ВИ, 1973, № 12, с. 197—199.

[56] См. указанные выше работы В. В. Иванова, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, а также: *Топоров В. Н.* Очерк истории изучения балто-славянских языковых отношений.— УЗИС, 1957, т. 17; *Он же.* Из истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений.— УЗИС, 1962, т. 23.

[57] Подробнее об этом см.: *Толстой Н. И.* Об изучении полесской лексики.— В кн.: Лексика Полесья: ср.: *Мартынов В. В.* Проблема славянского этногенеза и методы лингво-географического изучения Припятского Полесья.— ССл., 1965, № 4.

[58] См., например: *Иванов В. В.* О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. М., 1957.

[59] *Королюк В. Д.* Волохи и славяне «Повести временных лет».— ССл., 1971, № 4; см. также статьи Г. Г. Литаврина о византийских источниках, относящихся к влахам X—XIII вв., и В. Д. Королюка о волошских этнонимах в хронике венгерского Анонима в кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.

[60] *Ковалевский А. П.* Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным аль-Масуди.— В кн.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973, с. 62—80.

[61] Подробнее см.: *Никонов В. А.* Этнонимия.— В кн.: Этнонимы. М., 1970.

[62] См., например, анализ показаний Страбона о Карпато-Дунайском регионе: *Бідзіля В. І.,* Історія... с. 164—172.

[63] *Литаврин Г. Г.* Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на средневековна България в сравнение с Византия от края VIII до края XII в.— ИП, 1970, № 6.

[64] Частично касался этих вопросов еще Н. П. Дашкевич: *Дашкевич Н. П.* Славяно-русский Троян и римский император Траян.— В кн.: Serta borysthenica: Сб. ст. и исслед. в области славянской филологии. М.; Л., 1941, с. 7—51.

[65] Подробнее см.: *Милетич Л. Л., Агур Д.* Дако-романите...; *Gyoni M.* La transhumance des Vlaques balkaniques au Moyen Age.— Byzantinoslavica, 1951, vol. XIII; Симпозијум о средњовјековном катуну. Сарајево, 1963; *Dragomir S.* Vlahii din nordul peninsulei Balcanice in evul mediu. Bucureşti, 1959; большой обзор литературы содержится в статье: *Donat J.* Pastoritul romanese si problemele sale.— Studii revistă de istorie, Buc., 1966, N 2.

Пастушество у славян в I тысячелетии н. э. и перемещение их в Подунавье и на Балканы. Славяне и волохи

(Попытка реконструкции по письменным источникам)

Главной, самой важной областью хозяйственной жизни древних славян было земледелие. Не охота, не рыболовство (они были лишь подсобным занятием), не скотоводство, а именно земледелие являлось у них господствующим типом хозяйства.

Характер хозяйства древних славян в нашей историографии давно выяснен. Попытки показать, что славяне не были издавна земледельцами, а занимались главным образом

торговлей «продуктами лесных и других промыслов»[1] или что «Кий, Щек и Хорив, по преданию, занесенному в начальную летопись, были звероловами»[2], оказались несостоятельными. Компромиссная точка зрения о доминирующей роли земледелия только с XI в. н. э. у славян (приднепровских)[3] также была отвергнута. Анализ и сопоставление письменных источников и археологических материалов позволили восстановить правильную картину хозяйственной жизни древнего славянства. Тезис о решающей роли земледелия, достаточно аргументированный с помощью источников, является исходной точкой для исследования жизни ранних славян. Древние славяне на заре их истории были, безусловно, земледельцами.

Издавна славянские племена жили на равнине в лесостепных и лесных районах. Это была зона земледелия. Подсечно-огневая система земледелия являлась главным способом ведения хозяйства. С переходом к пашенному земледелию увеличивается роль животноводства — важной отрасли хозяйства, хотя в разных районах животноводство имеет некоторые различия. Развитие пашенного земледелия предполагает наличие домашнего скота в качестве тягловой силы и источника удобрения. Повсеместный переход к пашенному земледелию в лесостепной и лесной зонах происходит в VII в.[4]

Сопоставляя данные письменных источников I тысячелетия н. э. о славянах, можно построить линию развития земледельческого хозяйства у славян. Особенно интересно сравнить известия первых веков н. э. и сведения тысячелетия. Говоря о быте и занятиях славян и германцев, Корнелий Тацит в своем произведении «О происхождении германцев» заметил: «Однако их (венедов. — *В. К.*) скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой, все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне»[5].

Эту характеристику славян необходимо сразу же сравнить с суждениями арабского путешественника Ибрагима ибн-Якуба, посетившего в 966 г. страны Центральной Европы. Ибрагим ибн-Якуб был не только путешественником, но и купцом. Он обладал большим опытом, внимательно присматривался к явлениям жизни. Именно поэтому его рассказ так важен для выяснения того, какое значение имело земледелие в хозяйстве славян X в. «Населяют они (славяне. — *В. К.*) области, наиболее богатые продуктами питания,— пишет он в «Записке о славянах»,— с особым

усердием занимаются земледелием и поисками средств к жизни, в чем они намного превосходят другие народы»[6].

Сопоставление этих известий свидетельствует о древности земледельческой традиции у славян и явном повышении уровня их земледельческого хозяйства к концу I тысячелетия н. э. Повсеместный переход к пашенному земледелию, двухпольная и, наконец, трехпольная система обработки земли, правда еще нерегулярная, о чем рассказывает именно Ибрагим ибн-Якуб[7], являются большим сдвигом в хозяйственной жизни славян X—XI вв. и помогают реконструировать быт предков славян в первых столетиях н. э. и в первых веках до н. э.

Большую роль в утверждении правильного представления о хозяйстве древних славян сыграл капитальный труд Б. Д. Грекова «Киевская Русь»[8]. Книга его дала толчок значительным исследованиям советских и зарубежных историков и археологов[9]. Вслед за статьями и книгами стали появляться синтетические капитальные труды по истории славянских народов[10]. В русле большой науки истории, поставившей, а затем решившей вопрос о земледелии как доминанте в жизни древнего и средневекового славянства, естественно, находятся некоторые мои исследования[11]. Исходя из этого положения, я пытался сформулировать выводы об особой роли славянских племен в Великом переселении народов. «...Определяющую роль в становлении феодальной Европы, — писал я, — сыграли именно славянские наряду с германскими перемещения племен во II—VII вв. н. э. Роль на первый взгляд довольно значительная, если не решающая, кочевых народов, как сарматы, язы́ги, гунны, болгары[12] или авары, тоже принимавших участие в общеварварском штурме Римской империи, была в действительности не более чем второстепенной, вспомогательной. Натиск кочевых народов серьезно облегчил ход вековой борьбы европейского варварского мира с могущественной средиземноморской империей. Как только опустошительный, но еще более очистительный смерч великого переселения народов перестанет метаться над Европой и лишь на Востоке еще будут сверкать зарницы и слышаться глухие раскаты успокаивающейся бури, перед взором исследователя возникнет романо-германо-славянская Европа, уверенно двинувшаяся по пути феодального развития. Европа, в которой славянские народы выступят в качестве равноправного и равноценного строителя нового строя, и это не было случайностью, ибо в Европе творцами новой, феодальной эпохи были, да и могли быть, только народы-земледельцы, ка-

кими с древних времен являлись славянские племена»[13].

Античные авторы оставили нам сведения о местопребывании славян, которых считали большой силой периода Великого переселения народов. Готский историк Иордан (VI в.) сообщал следующее: «У левого их склона (речь идет о северном склоне Карпат. — *В. К.*)[14], спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов»[15]. В другом месте хроники он характеризует венетов как большой народ: венеты, «хотя и были достойны презрения (из-за слабости их оружия), были, однако, могущественны благодаря своей многочисленности...»[16]. Следовательно, Иордан прекрасно представлял себе силу и огромный размер территории славян, об этом говорит и его сравнение славян с готами. Вот его заявление: «Хотя теперь, по грехам нашим (готов. — *В. К.*), они (венеты. — *В. К.*) свирепствуют повсеместно, но тогда все они (венеты. — *В. К.*) подчинялись власти Германариха»[17]. Таким образом, подчеркивая былую власть готов, автор все же вынужден признать главную роль славян в передвижении народов из Восточной и Центральной в Юго-Восточную Европу. Это ценное признание в устах готского историка.

Вернемся к рассказу Иордана: «Эти (венеты. — *В. К.*), как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, — именно при перечислении племен — происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами венетов, антов и склавенов». И далее: «Хотя их (венетов. — *В. К.*) наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами»[18]. Приблизительно так же византийский историк Прокопий из Кесарии (VI в.) описывал ареалы поселения славян-антов: «Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, как внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого «Меотийского болота» и до реки Танаиса (Дона), который впадает в «Болото». Само это «Болото» вливается в Эвксинский Понт... Дальше на север от них занимают земли бесчисленные племена антов»[19].

В рассказе Прокопия, как и в сочинении Иордана, упоминаются древние имена славян. В ходе событий вычленились две ветви племен с различными именами: анты и славяне. В отличие от Иордана, который считал, что древним именем были венеты, Прокопий отметил другое название славян — «споры». Возможно, что этимологический ход мыслей Прокопия привел к такому названию. Главное в

том, что в сочинении Прокопия дается правильное указание на родственные отношения «споров» и славян. Вот примечательный отрывок из «Войны с готами»: «И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племени назывались спорами («рассеянными»), думаю потому, что они жили, занимая страну «спораден», «рассеянно», отдельными поселками. Поэтому-то им и земли надо занимать много. Они живут, занимая бóльшую часть берега Истра, по ту сторону реки»[20].

Итак, по словам исследователей, несмотря на некоторые отличия от склавенов (речь идет прежде всего о типах керамики[21], а также, видимо, о характере городищ VI в.[22]), анты, безусловно, были родственными склавенам во всех отношениях[23]: образом жизни, внешним видом, языком[24]. И склавены и анты были земледельцами. Правда, имя антов исчезло из письменных источников (в 602 г. орда аваров разгромила антов), тем не менее, по общему мнению, анты сохранились и продолжали существовать на современной территории Молдавии, Румынии и Болгарии[25].

Великое переселение народов привело к перемещению масс населения на запад и юго-запад. Огромная волна славян-земледельцев устремилась в Центральную и Юго-Восточную Европу. Славяне оседали на Балканах, Динаридах, Карнийских и Юлийских Альпах, в Дунайском бассейне, на западе, на территории, примыкавшей к реке Лабе. Судьба Восточной Римской империи была решена славянами-земледельцами на территории Юго-Восточной Европы в VI—VII вв. Начинались сложные процессы формирования трех ветвей славянства — восточной, южной и западной — и одновременно образования славянских государств и народностей. Славяне твердо стали на путь феодализма. Однако процессы социально-экономического развития у всех трех ветвей славян в период Великого переселения и в ходе формирования феодализма проходили неравномерно. Безусловно, славяне, оседая на территориях Византийской империи и в контактной зоне, опережали в своем развитии других славян, оставшихся жить в коренных областях[26]. Правда, и эта часть славян сумела продвинуть границу своего расселения на запад и восток, оттесняя местное население. Но тем не менее во второй половине I тысячелетия эта часть славян оставалась в особых периферических условиях. Только в X—начале XI в. во всех областях славянского мира выравнялись темпы исторического развития. Можно с уверенностью констатировать, что по уровню производства, главным образом земледелия — основы тогдашнего

хозяйства, славянский мир не отставал от стран Западной Европы [27].

Обратная перспектива: народности — раннефеодальные государства — племенные княжества — Великое переселение народов и волна славянских переселений (на запад к Лабе, на юго-запад и юг в Дунайский бассейн и на Балканы, на восток и север Русской равнины) — большие военно-политические объединения — союзы племен — влияние кельтов и рабовладельческой Римской империи [28] — следы разложения первобытнообщинного строя — дала археологии возможность наметить ареалы славянского этногенеза. При этом археологи главным образом сосредоточили усилия на исследовании периода военной демократии славян (конец периода вполне ясен — Великое переселение народов, начало периода — грань окончательно не уточненная) и на изучении их земледельческого хозяйства. Конечно, сведения археологических памятников, естественно, являются дискуссионными [29]. Это вполне понятно. Тем не менее археологи дали более или менее определенную картину состояния земледельческого хозяйства у славян (с учетом этнографических материалов и привлечением лингвистических [30]), наметили рабочую гипотезу местонахождения прародины славян.

Этот вопрос не стал предметом комплексного изучения: лингвистического, этнографического, антропологического и исторического. Осуществить комплексное изучение этой темы пока трудно, потому что принципы его не вполне уяснены. Однако с помощью лингвистических материалов и редких упоминаний письменных источников археологи выдвинули две гипотезы: Одро-Висленскую теорию славянской прародины и Одро-Днепровскую. При этом некоторые археологи и историки допускают компромиссное решение, связывая каждый из этих районов с различными этапами славянского этногенеза. Что касается попытки возрождения паннонской теории прародины славян [31] — она оказалась просто неудачной. Топонимические данные недостаточны. Археологические материалы не свидетельствуют о раннем появлении славян в этом районе. И главное — полностью отсутствуют свидетельства письменных источников, которые подтверждали бы эту гипотезу. И наконец, четвертая гипотеза полесской прародины славян. Следует учитывать, что попытка возврата к размещению прародины в Полесье [32], безусловно, исключает гипотезу Одро-Висленского ареала славянского этногенеза. В то же время и древние письменные источники не дают никаких оснований для этой

попытки, потому что их нет. В результате Полесье могло бы рассматриваться только в качестве одного из центров этногенеза славян Одро-Днепровского ареала либо (по компромиссному суждению) как один из очагов второго этапа славянского этногенеза. Полесье — страна низменности. Между тем, по данным древних письменных источников, ареалы славянского этногенеза (Одро-Висленская или Одро-Днепровская гипотезы) включают не только равнину, но и горы. Это важное свидетельство.

Население гор в основном занимается разведением скота. Археологические раскопки в горах по существу не обнаружили достаточно следов материальной жизни и культуры пастушеского населения [33]. Это связано с образом жизни пастушеского населения. Места его постоянного обитания — селения — находились в долинах, где рядом с ними были обрабатываемые земли и зимние пастбища. Но как только начинался новый сезон, пастухи отправлялись в горы со стадами. И лишь тогда, когда в горах снега гнали вниз стада, пастухи вновь возвращались обратно [34]. В горах, где были пастухи, или в степях, где были только кочевники, естественно, поиски археологов не дают больших результатов. Дело в том, что «постоянные перемещения не оставляют после себя длительных следов, а ветер и дождь уничтожали пепел очагов временных стоянок, на земле остается лишь несколько обожженных камней да редкие оставленные или забытые вещи, именно, — как пишет археолог, — благодаря этому обстоятельству во всех странах находят бесконечное количество отдельных предметов, не связанных между собой» [35].

Следовательно, археологи могут обследовать долины. Но в горах, на полонинах, где жили пастухи, реконструкция образа жизни населения не может быть полностью осуществлена. Поэтому на основе археологических материалов нельзя решить вопрос об этническом характере населения горных районов. Для этого необходимо привлечь прежде всего свидетельства древних памятников письменности, которые могут послужить ориентиром для определения района, занимаемого тем или иным этносом. Установив ориентировочно область расселения славян, можно ставить вопрос о роли пастушеского хозяйства в их жизни. Таким образом, отправную точку для постановки вопроса о роли пастушества в жизни древних славян дают письменные источники. До сих пор историки-этнографы отмечали следы существования пастушеского населения славян в Карпатах только в период развитого феодализма. В XII в. по письменно-этно-

графическим источникам было уже зафиксировано славянское пастушеское хозяйство на полонинах. Роль горных пастбищ возросла в хозяйственной жизни славян в XIV—XV вв.[36] Такое наблюдение способствует развитию исследований истории пастушеского славянского общества. Думаю, однако, что XIII век, принимаемый за начальную грань появления пастушества у славян, является только условным рубежом.

Рассмотрим известия античных авторов с тем, чтобы попытаться выявить характер славянского пастушеского населения в древности, в период I—VI вв. н. э. Начнем с разбора сочинения Корнелия Тацита (I в. н. э.). Как известно, характеристику жизни славян Тацит дает несколько противоречиво и даже туманно. Есть его прямое указание на славян, находившихся в горной области: «Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по горам и лесам, которые только ни существуют между певкинами и феннами»[37]. Сопоставляя его данные с материалами Иордана, делаем вывод: венеты — склавены одновременно проживали в лесостепной и лесной зонах и в северных областях Карпат. Это во-первых. Во-вторых, основной массив населения славян-венетов падает на районы лесостепей, причем анты («анты же, сильнейшие из обоих племен, распространяются от Данастра до Данапра... эти реки удалены одна от другой на расстоянии многих переходов») и склавены («склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север —до Висклы; вместо городов у них болота и леса»)[38] одновременно проживали именно в этих областях[39]. И наконец, в-третьих, только небольшая часть славян-венетов, часть племен склавенов жила в горах, на левом склоне Карпат.

Таким образом, мы можем составить более или менее четкое представление о состоянии хозяйственной жизни славян. На большей части территории, населенной славянами, господствовало земледелие, и лишь небольшая группа славянского населения, часть племени склавенов, заселявшая горные районы, занималась скотоводством. Точнее говоря, относительно небольшая часть славян занималась скотоводством сезонно-пастушеского типа.

Окончив разбор свидетельств Иордана и Тацита, необходимо отметить другие данные письменного источника. Речь идет о картографическом памятнике — Певтингеровых таблицах, сложившихся в период I—IV вв. н. э. Венеды (или венеты) были помещены в VII—VIII таблицах под

океаном. Рядом в VII таблице находились лугии. Венеты и лугии были представлены как соседи, при этом к обозначениям и венетов и лугиев были присоединены названия сарматов. Итак, в VII—VIII таблицах под океаном в отличие от других племен располагались лугии-сарматы и венеты-сарматы [40]. Однако в VIII таблице мы находим также славян-венетов, локализованных в области между Дунаем и, видимо, Днестром в дельте Дуная [41]. Есть точка зрения, что во второй половине III в. последнее название было внесено в этом районе в VII таблицу рукой комментатора [42]. С таким предложением, безусловно, можно было бы согласиться. Но следует отметить, что венеты в области между Дунаем и Днестром не названы картографом сарматами. Просто венеты (или венеды). Обычно все историки считают, что языки лугиев-сарматов и венетов-сарматов отличались от языка германцев. По их мнению, Певтингеровы таблицы объединяют лугиев-сарматов и венетов-сарматов как сарматов, отличающихся от германцев [43]. Это разъяснение я мог бы вполне (без всяких споров) принять [44]. Действительно, Тацит отмечает, что «котины и осы не германцы, доказывают их языки, галльский у первых и паннонский у вторых», а поскольку лугиев и венедов он тоже не считает германцами, лугии и венеды также отличались по языку от германцев, то ясно, что венеты-сарматы имели свой язык. Но в таком случае и язык венедов, живших в дельте Дуная, отличался от языков других народов. Однако возникает одна трудность. Тацит, рассмотрев обычаи, быт и занятия венетов, решительно подчеркивает отличие их от сарматов [45].

Таким образом, существует противоречие в этих письменных источниках: с одной стороны, есть известия о венетах-сарматах, помещенных в VII—VIII таблицах под океаном, вернее, заливом венедским [46] и примыкающих к областям Сарматии, и, с другой стороны, — о венетах, также указанных в таблице VIII (между Дунаем и Днестром), которых источники четко отличают от сарматов. Объяснить отмеченное противоречие помогает один из текстов в труде «О происхождении германцев и местоположении Германии» Тацита. Тацит правильно определил язык венетов, зная, что венеты были близки по быту и занятиям к германцам, но вместе с тем он одновременно указал на два момента: 1) венеты жили не только в лесах или лесостепях, но и в горах, 2) венеты передвигались с большой быстротой. Эти сведения позволяют понять причину появления двух разных названий венетов. Венеты, безусловно, не были кочевниками. Но можно предполагать, что двойное название ве-

нетов-сарматов было связано с тем, что часть венетов занималась пастушеством и тем самым в какой-то мере по образу жизни приближалась к сарматам. Подвижность венетов-пастухов, главным образом в горах, дала основание географам включить венетов-пастухов в пределы Сарматии. Так объясняется и появление на Певтингеровых таблицах названия лугии-сарматы. Лугиев мы находим у Тацита в следующем контексте: «Все эти народности обосновались кое-где на равнине, но главным образом на горных кручах и на вершинах гор и горных цепей. Ведь Свебию делит и разрезает надвое сплошная горная цепь, за которою обитает много народов, среди них самые известные — расчленяющиеся на разные племена лугии»[47]. Из этого рассказа ясно, что лугии — народ, заселяющий горы и, судя по этому, занимающийся пастушеством. И это также служит основанием для сближения с сарматами.

В сочинении «Война с готами» Прокопия из Кесарии (он писал в период 550—554 гг.) также имеется довольно пространная характеристика хозяйства, быта, обычаев, языка и религии антов и славян[48]. Никаких следов пастушества он не отмечает. Но когда хронист начинает описывать славянские перемещения в пределах Восточноримской империи, его сообщения дают основания предполагать наличие среди переселяющихся на Балканы славян пастушеского населения. Эти сообщения, впрочем, довольно неопределенны и могут служить лишь небольшим дополнительным материалом к сочинениям Иордана, Тацита и Певтингеровым таблицам.

Итак, перейдем к сведениям Прокопия. Их немного:

«Славяне... тотчас прервали свой поход на Фесалонику и не дерзали больше спускаться на равнину, но повернули назад и, пройдя по горам через всю Иллирию, оказались в Далмации»[49].

«Эти варвары (анты. — *В. К.*) лучше всех других умели сражаться в гористых и трудных местах... Анты благодаря своей доблести, так как к тому же им благоприятствовала и гористость места... обратили врагов в бегство»[50].

И наконец, последнее сведение: «В числе его воинов были люди славянского племени, которые привыкли прятаться даже за маленькими камнями или за первым встречным кустом и ловить неприятеля»[51].

Эти высказывания Прокопия, свидетельствующие об определенных навыках, позволявших славянам легко приспосабливаться к горным условиям, их способности к быстрому передвижению в горных районах, вполне согласуются

с данными о жизни славян, которые приведены выше. Труднее понять, почему аналогичные качества Прокопий приписывает антам. Допустим, что анты были не только земледельцами, но и пастухами. Но где был очаг пастушеского населения антов, об этом Прокопий из Кесарии не упоминает. Существовал ли он уже в районах первоначального обитания антов-пастухов (приведенное указание Иордана о хозяйстве антов находится в противоречии со свидетельством Прокопия) или лишь позднее под натиском других племен часть антов была оттеснена в горы — все эти вопросы остаются открытыми.

Рассматривая сведения, содержащиеся в сочинениях древних авторов и картографов о пастушеском славянском населении, необходимо указать еще на одно сообщение о славянах, относящееся к несколько более позднему времени. В труде арабского писателя X в. Абу-ль-Хасан-Аль-ибн Хусейна Масуди «Промывальни золота и рудники драгоценных камней» имеется загадочная и даже сказочная глава «Сообщение о зданиях, почитаемых у славян». В этой главе говорится о трех храмах. Описания храмов отличаются фантастическим характером. Как правило, историки отказываются от использования этих описаний в своих трудах. Лишь востоковед и славист А. П. Ковалевский попытался выделить в содержании рациональное зерно. Согласно его выводам, глава относится к истории славян IX в. Далее он говорит: «К таким данным, извлекаемым непосредственно из сообщений Аль-Масуди (независимо от других источников), можно отнести по крайней мере следующие: указание на существование храмов в горах в районе Карпат и у моря, по-видимому Балтийского, в частности на каком-то острове» [52].

Храмы в районе Карпат — так интерпретирует историк текст главы,— безусловно, надо связывать с пастушеским славянским населением этого района, с циклами обрядов, праздников и жертвоприношений. Были ли это храмы, или заграды и алтари, или даже рощи в Карпатах, сказать об этом историк не может. Это задача этнографов. Но само свидетельство о славянских культовых памятниках в Карпатах открывает нам новую неизвестную черту древнеславянской культуры, связанной с жизнью славян-пастухов.

Судьба Восточной Римской империи решилась в ходе Великого переселения народов. VI—VII века были рубежом периода заката рабовладельческой цивилизации и начала нового периода — становления феодализма в Юго-Восточной Европе. Большая роль славян в этих процессах очевид-

на. Историки, жившие в Византийской империи, оставили нам много свидетельств о славянах этого периода, и в частности о передвижениях славян и смене славянских племенных названий. Остановимся подробнее на последнем вопросе.

Иордан, как уже говорилось выше, знал, что «на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов». И дальше: «Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же они называются преимущественно славянами и антами»[53].

Вслед за Иорданом Прокопий из Кесарии писал: «Большинство из них были гунны, славяне и анты, которые имеют свои жилища по ту сторону реки Дуная, недалеко от его берега»[54]. Речь идет, разумеется, о левом береге Дуная. И в другом месте: «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды»[55]. Неоднократно отмечая существование двух разных народов, Прокопий одновременно подчеркивал их большую близость между собой: «У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга»[56].

Из показаний Иордана и Прокопия из Кесарии явствует, что анты и славяне (склавены) были равновеликим фактором процесса перемещения славян в Дунайский бассейн и на Балканы. Правда, Иордан считал, что анты были сильней склавен[57]. Однако Прокопий из Кесарии в сочинении «Война с готами» отмечает по ходу событий большой натиск славян (склавен) в войне с империей[58]. Вместе с тем анты были и в войсках Восточной Римской империи[59].

Так или иначе, имена антов и славян были в VI в. очень известны. Но в конце VI или начале VII в. имя антов исчезло. По традиции это связывается с разгромом антского союза аварами. «Тем временем, — пишет византийский историк Феофилакт Симокатта, — каган, получив известие о набегах ромеев, направил сюда Апсиха с войском и приказал истребить племя антов, которые были союзниками ромеев»[60].

По мнению советских историков, хотя анты действительно утратили свое имя, но они продолжали жить в областях

Юго-Восточной Европы. Племя антов было разбито аварами и слилось со склавенами [61]. Можно согласиться с ними во всем, кроме одного: анты — имя огромного боенно-политического объединения славян, которое не могло просто исчезнуть. Ни походы готов на антов, ни разгром гуннов, ни нападение аваров, ни сражения ромеев или союз антов с империей не позволяют объяснить, почему исчезло это имя. Нельзя также связывать исчезновение имени антов со столкновением их со склавенами, хотя Прокопий из Кесарии и говорил об их ссорах: «Спустя некоторое время анты и склавены рассорились между собой и вступили в войну. Случилось так, что в этой войне анты были побеждены врагами» [62]. Тем не менее в данном сочинении, написанном уже после происшедшего конфликта, фигурируют оба имени: склавены и анты.

Решить загадку исчезновения имени антов все же можно, хотя бы в гипотетической форме. И анты и склавены, родственные по языку и обычаям в V—VI вв. н. э., были двумя большими военно-политическими объединениями племен с развитым этническим самосознанием. Границей между поселениями антов и склавенов была, по сообщению Иордана, река Днестр. Несколько иначе дело представлено в Певтингеровых таблицах, где районы поселений венедов на север от Черного моря расположены в двух областях, изолированных друг от друга. Видимо, Иордан все же более правильно размещает славянские племена. Разные названия соседних и близкородственных между собой объединений племен нельзя считать чем-то исключительным для развития процесса этнического самосознания. Тот или иной этнос оформляется в условиях конфронтации с соседями. Антитеза мы — они присуща этносу [63]. Разумеется, это противопоставление нельзя считать в полной мере характерным для взаимоотношений склавенов и антов. Но процесс консолидации славянских племен (о собственных названиях у таких племен нам говорит Иордан) шел в двух районах, разных по этническому окружению, отсюда и возникновение двух разных собирательных названий для обозначения славян, живущих на север от Черного моря. Склавены и анты говорили на одном языке и, судя по свидетельству Иордана, у них было представление об общем происхождении членов обоих союзов. В пограничных областях, где мы сталкиваемся с очевидной конфронтацией славян с другими народами, отличными от них по языку, наиболее активно развивается этническое самосознание, возникают собирательные наименования, объединяющие славян и отграничивающие их

от других народов. На западе, где славяне примыкали к областям Германии, появилось собирательное имя склавенов, а на востоке, где славяне были в пределах Сарматии, — антов. Не венетами-сарматами, а склавенами должны были называться люди племени. А на востоке население называло себя антами в отличие от кочевников в степи.

Но когда на последнем этапе Великого переселения народов на территории Юго-Восточной Европы появились и утвердились славяне, содержание этого названия изменилось. Имя склавенов распространилось на весь славянский мир. Название же анты исчезло. Причины этого следует искать в перемене взаимоотношений славянских племен с окружающим их миром. Импульсом для дальнейшей консолидации племен явилось то обстоятельство, что к имевшей ранее место конфронтации с германцами, балтами, финнами, кочевыми племенами и даже кельтами присоединилась и выдвинулась на первый план конфронтация славян с Восточноримской империей. Славянский этнос консолидировался. Славянское этническое самосознание возросло. Лишь затем начинается процесс образования государств и народностей славян.

Перелом в развитии славянского этнического самосознания, который выразился в появлении общего наименования всех славянских племен, падает на период VI—начала VII в. Антитеза мы—они превращается в антитезу славяне — ромеи, славянское население земледельцев и пастухов-ромеи под властью императора. Любопытно, что древнерусский летописец, развивая свою теорию дунайской прародины славян, отнес конечную дату возникновения славян как особого народа также к этому времени: «По мнозех же времянех сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте»[64]. Следовательно, речь идет о времени, когда протоболгары еще не утвердились в низменностях Дуная, т. е. ранее второй половины VII в. Отнесение летописцем именно к этой эпохе завершения формирования славянства представляет большой интерес. Еще более важно его указание на то, что этот процесс сам по себе шел в условиях конфронтации славян с «волохами»: «Волохом бо нашедшем на словены на Дунайския, и седшем в них и насилящем им, словени же ови пришедше седоша на Висле» и т. п.[65] В статье «Волохи и славяне»[66] я попытался показать, что термин «волохи» древнерусского летописца представляет собой древнюю контаминацию. Учитывая общий контекст свидетельств Несто-

ра и роль конфронтации с Восточноримской империей для развития славянского этнического самосознания, следует уточнить этот вывод. Термин «волохи» у Нестора означает контаминацию не двух, а трех понятий: волохи — древние римляне, волохи — восточнороманские пастухи и волохи—«ромеи», подданные Восточноримской империи. В этом случае мы имели бы дело с известным осознанием в древнерусской традиции важности конфронтации с Восточной Римской империей для развития славянского этноса. Вместе с тем новые наблюдения никак не изменяют сделанного в 1971 г. вывода, что известия «Повести временных лет» ясно свидетельствуют об участии волохов в передвижении славянских племен в Подунавье. Тем самым вопрос о контактах между славянами и восточными романцами уже с начала Великого переселения народов продолжает оставаться актуальным.

Важное значение имели контакты между пастушеским романским населением и славянскими пастухами, двигавшимися с Карпат на юг. На первых этапах славянской колонизации роль этого пастушеского населения благодаря его способности быстро передвигаться, в том числе в малодоступных горных областях, должна быть значительной.

Но затем начинается процесс освоения земли, развивается земледелие. И с течением времени земледелие либо оттесняет пастушество, либо подчиняет пастушество себе.

Следы существования у славян хозяйства пастушеско-земледельческого типа в I тысячелетии н. э., которые удалось выявить в трудах античных авторов, дают возможность сделать некоторые выводы.

1. Издревле у славян были две отрасли или типа хозяйственной жизни: земледелие и пастушество.

2. Основным типом хозяйства у славян было, безусловно, земледелие.

3. Материальная культура населения, занимавшегося отгонным пастушеским скотоводством при вспомогательном характере земледелия в древности и в период раннего и развитого феодализма, не дает достаточных опор для археологических изысканий.

4. Исследования по истории пастушеского населения являются в настоящее время задачей этнографов. Этнографы-историки, обнаружив письменно-этнографические источники, зафиксировали присутствие славянского пастушеского населения в Карпатах в XIII в. Такое наблюдение помогает развитию исследований истории пастушеского славянского общества.

5. Думаю, однако, что XIII век, принимаемый за начальную грань появления пастушества у славян, является только условным рубежом. Более того, следы присутствия пастушеского славянского населения можно обнаружить в сочинениях античных и восточных авторов (в период I—VI вв.). Группируя и сопоставляя сведения античных авторов, реконструируя ареалы обитания военно-политических союзов антов и склавенов, происходящих от корня венетов (венедов), мы можем определить роль пастушества в жизни разных групп славян.

6. Склавены-венеды, по известиям Тацита (I в. н. э.) и Иордана (VI в.), жили в лесостепной и лесной зонах и в горах. Сопоставление фактов Иордана и Тацита с картографическими материалами Певтингеровых таблиц (I—IV вв.) дает возможность различить разные типы их хозяйственной жизни. Земледельцы-склавены обитали на равнинах, пастушеское склавенское население жило в горах, на склоне Карпат, «опускающемся к северу, начиная от места рождения реки Вистулы» (Иордан).

7. Переходя к имени венедов-антов, мы вынуждены в результате разбора сочинений Тацита, Иордана и Певтингеровых таблиц принять, что анты были только земледельцами. Данные Иордана и Певтингеровых таблиц, противоречащие свидетельства Прокопия из Кесарии, практически не подтверждают наличие очага пастушеского населения антов. Вопрос о переходе антов к пастушеству в ходе военных столкновений, когда часть антов могла быть оттеснена в горы, остается открытым.

8. В труде арабского писателя X в. Абу-ль-Хасан-Аль-ибн Хусейна Масуди сохранилось отчетливое указание о культе пастушеского населения Карпат. Источником труда Масуди является сообщение, относящееся к IX в. Храмы в районах Карпат, или заграды, алтари, или даже рощи связаны, видимо, с пастушеским славянским населением, с его циклами обрядов, праздников и жертвоприношений.

9. Переходя к перемещению славян в Дунайском бассейне, на Балканах, Динаридах и Карнийских и Юлийских Альпах, мы должны отметить в VI—VII вв. большую роль пастушеского славянского населения в военных действиях против Восточноримской империи. Данные Иордана и Прокопия о пастушеском славянском населении, о стремительном перемещении пастухов и отгонах скота дают вполне ясную картину роли славянского пастушества в движении славян с Карпат на юг.

10. В VII в. имя антов исчезло (см.: Феофилакта Симокатты «Историю»), а имя склавенов распространилось на весь славянский мир. Решая вопрос об изменении имени славян в Подунавье, я попытался связать его с перемещением славян в Подунавье. Перелом в развитии славянского этнического самосознания падает на период VI—начала VII в. Славянский этнос консолидировался, а импульсом для этого явилась главным образом вооруженная борьба и конфронтация славян с Восточноримской империей. Роль пастушеского славянского населения в развитии славянского самосознания была значительной.

11. Привлекая указания «Повести временных лет»: «По мнозех же времянех сели суть словене по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарська. И от тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими где седше на котором месте», — мы отметим период завершения формирования славянства как этноса в рассказе Нестора. Речь идет о времени, когда протоболгары еще не утвердились в низменностях Дуная, т. е. ранее второй половины VII в. Учитывая общий контекст указания «Повести временных лет» и огромную роль конфронтации с Восточноримской империей для развития славянского самосознания, необходимо уточнить вывод в моей статье «Волохи и славяне «Повести временных лет». Термин «волохи» у Нестора означает контаминацию не двух, а трех понятий: «волохи» — древние римляне, «волохи» — восточнороманские пастухи и «волохи»—«ромеи» Восточноримской империи.

12. В действительности в VI—VII вв. в Подунавье, на Балканах и Динаридах идет речь о войне, о конфронтации славян одновременно и с ромеями, и с восточнороманскими пастухами. И ромеи, и подданные Восточноримской империи, главным образом армия и восточнороманское пастушеское население, были латиноязычными. Конфронтация и связь славянского этноса с населением латиноязычным — важный фактор в развитии славянского мира. Первые контакты и конфронтации пастушеского населения славян с волохами произошли именно на территории Дунайского бассейна в VI—начале VII в.

Заглядывая вперед, мы, историки, естественно, понимаем, что в целом пастушеское хозяйство в ходе истории славянских народов постепенно сокращалось и превращалось в подсобную отрасль в общей системе хозяйства. Но для того чтобы дать правильную, ясную картину развития хозяйства пастушеско-земледельческого типа у славян от зарождения этой хозяйственной формы и вплоть до настоя-

щего времени, необходимо попытаться хотя бы в общих чертах реконструировать картину пастушеского хозяйства славянских племен I тысячелетия н. э. Не историки, не даже археологи, а именно этнографы-историки могут нам дать такую реконструкцию.

Попытки выявить основные узлы воздействия пастушеского населения, главным образом волохов, на культуру всего Карпатского ареала XV—XVII вв. были уже сделаны и довольно интересные[67]. Советские историки сумели также внести весомый вклад в изучение этой проблематики, исследуя проблему волошской колонизации и волошского права[68]. Лингвисты собрали важный материал, свидетельствующий о тесных контактах славянского и романского пастушеского населения[69]. Но задача комплексных исследований реконструкции жизни пастушеского славянского населения в Карпатах и на Балканах в древности и в период раннего средневековья до сих пор главной не была. Комплекс таких исследований, в ходе которых привлекались бы выводы и материалы лингвистов, археологов, историков и даже антропологов, возможен только под руководством этнографов-историков. Только этнографы-историки, располагая огромной массой этнографических материалов XVIII—XIX вв., смогли бы, применяя ретроспективный историко-сравнительный метод, сделать настоящую последовательную реконструкцию пастушества славян.

[1] *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919, с. 11.
[2] *Рожков Н. А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. М.; Л., 1930, т. 1, с. 81.
[3] См.: Историк-марксист, 1937, № 3, с. 168.
[4] *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1963, с. 266—272; *Łowmiański H.* Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. W., 1953, s. 138—178.
[5] *Тацит К.* Соч.: В 2-х т. Л., 1969, т. 1, с. 372—373.
[6] MPH. Nova ser., t. 1, s. 52.
[7] Ibid., s. 28.
[8] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.; Л. 1939; 2-е изд., 1944; *Он же.* Избранные труды. М., 1959. Т. II.
[9] См.: *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953; *Он же.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; *Лапушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968; *Довженко В. Н.* Землеробство Древньої Русі. Київ, 1961; *Баран В. Д.* Ранньослов'янськи пам'ятки Верхнього Подністров'яї Південно-Західної Русі.— В кн.: Материали и дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ, 1964, вып. 5; *Седов В. В.* Славяне Верхнего Приднепровья и Подвинья. М., 1970; *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. М., 1960; *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972; *Липшиц Е. Э*

Очерки истории византийского общества и культуры. М.; Л., 1961; *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960; *Бромлей Ю. В.* Становление феодализма в Хорватии. М., 1964; *Разумовская Л. В.* Очерки по истории польских крестьян (от древних времен до XV века). М.; Л., 1958; *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975; Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. М., 1972; *Неедлы Зд.* История чешского народа. М., 1952. Т. 1; *Kostrzewski J.* Kultura prapolska. Poznań, 1974; *Łowmiański H.* Podstawy gospodarcze...; *Idem.* Początki Polski. W., 1963—1967. T. I—V; *Hensel W.* Słowianszczyzna wczesnośredniowieczna: Zarys kultury materyalnej. 2 wyd. W., 1956; *Filip J.* Počatki slovenskeho osidleni v Ceskoslovensku. Pr., 1946; *Havlik L.* Jižni Morava a středoevropšti Slovane. Pr., 1964; Die Slaven in Deutschland. B., 1970; *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. С., 1970.

[10] См.: Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958; История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. 1; *Лященко П. И.* История народного хозяйства. М., 1947. Т. 1; Нариси стародавньої Історії Української РСР. Київ, 1957; История Украинской ССР. Киев, 1953; 1972. Т. 1; Гістория Беларускай ССР. М., 1954. Т. 1; История Болгарии. М., 1954. Т. 1; История Польши. М., 1956. Т. 1; Историја народа Југославије. Београд, 1953. Т. 1; Přehled československych dejin. Pr., 1958. Т. 1; Historia Polski. W., 1957. Т. 1.

[11] *Королюк В. Д.* Древнепольское государство. М., 1957; *Он же.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI в. М., 1964.

[12] Имеется в виду этнос болгар-кочевников (протоболгар) в отличие от болгар-славян.

[13] *Королюк В. Д.* Западные славяне..., с. 9—10.

[14] *Иордан.* О происхождении и деяниях готов.— В кн.: Getica. М., 1960, с. 209 (Далее — Getica).

[15] Getica, с. 71.

[16] Там же, с. 90.

[17] Там же.

[18] Там же, с. 72.

[19] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М., 1950, с. 384.

[20] Там же, с. 297—298.

[21] Типы керамики славян достаточно точно рассматривали археологи, см., напр.: *Рафалович И. А.* Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972.

[22] Ср.: *Королюк В. Д.* «Вместо городов у них болота и леса...»: (К вопросу об уровне славянской культуры в V—VI вв.).— ВИ, 1973, № 12, с. 198—199.

[23] Getica, с. 220.

[24] *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945, с. 27—58; *Петров В. П.* Етногенез слов'ян: Джерела, етапи розвитку, і проблематика. Київ, 1972, с. 12 и след.

[25] Getica, с. 212.

[26] *Королюк В. Д.* Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезном регионе в Восточной и Центральной Европе.— В кн.: Проблемы социально-экономических формаций: Ист.-типол. исслед. М., 1975, с. 159—160.

[27] *Hensel W.* Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna..., с. 81; *Idem.* Archeologia o początkach miast słowiańskich. Wrocław etc., 1963.

[28] *Королюк В. Д.* Древнепольское государство..., с. 52—64; *Hensel W.* La naissance de la Pologne. Wrocław, etc., 1966, p. 27—38.

[29] *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена; *Он же* Финно-угры,

балты и славяне...; *Он же.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970; *Баран В. Д.* Ранньослов'янськи пам'ятки...; *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья...; *Седов В. В.* Славяне Верхнего Приднепровья и Подвинья.— В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974; Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974; *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (Ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971; *Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпрові (II—XIII ст.). Київ, 1975; Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э. М., 1974; *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши. М., 1969; *Федеров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М., 1973; *Kostrzewski J.* Kultura...; *Idem.* Pradzieje Polski. Poznań, 1949; *Lehr-Spławiński T.* O pochodzeniu i praojczyznie słowian. Poznań, 1946; *Kostrzewski J., Chmielewski W., Jażdżewski K.* Pradzieje Polski. Poznań, 1946; *Malinowski T.* Obrządek pogrzebowy ludności kultury pomorskiej. Wrocław etc., 1969; *Hensel W.* Archeologia i prahistoria. Wrocław etc., 1971; *Wenskus R.* Stammenbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes. Köln; Graz, 1961; *Gimbutas M.* The Slaves. L., 1971; *Łowmiański H.* Początki Polski, t. I—V.

[30] *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимии верхнего Поднепровья. М., 1962; *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. Словообразование, этимология. Этническая интерпретация. М., 1968; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1968; *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962; *Горнунг Б. В.* Из предистории образования общеславянского языкового единства. М., 1963; *Верибовский А. А.* Белорусско-литовские лексические взаимосвязи. Вильнюс, 1961; Полесье: (Лингвистика, археология, топонимика). М., 1967; Лексика Полесья. М., 1968; Этнонимы. М., 1970; и др.

[31] *Кобычев В. П.* В поисках прародины славян. М., 1973.

[32] *Оссовский Л.* Западное Полесье — прародина славян.— ВЯ, 1971, № 1.

[33] *Королюк В. Д.* К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев.— ССл., 1973, № 3, с. 80, 91.

[34] Ср.: *Морган Ж. де.* Доисторическое человечество. М.; Л., 1926, с. 125.

[35] Там же, с. 161.

[36] *Podoláк J.* Poloninské hospodárstvo huculov v ukrajinckých Karpatach.— Slovenský národopis, 1966, r. XIV, c. 288—289; *Тиводар М. П.* Народные традиции в полонинском пастушестве украинцев Раховщины.— В кн.: Карпатский сборник. М., 1972, с. 20.

[37] *Тацит К.* Соч., т. 1, с. 372; лат. оригинал: «Venedi multum ex moribus traxerunt, nam quidquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur, latrociniis pererrant; hi tamen inter Germanos potius referuntur, quia et domos fingunt, et scuta gestant et pedum usu ac pernicitate gaudent, quae omnia diversa Sarmatis sunt, in plaustro equoque viventibus».— In: Tacite. Oeuvres completes. Paris, 1840, p. 450.

[38] Getica, c. 72.

[39] Ср.: *Прокопий из Кесарии.* Война..., с. 297—298.

[40] *Lowmiański H.* Początki Polski..., t. I, s. 176—177.

[41] Ibidem.

[42] Ibid., s. 180—181.

[43] *Скржинская Е. Ч.* Комментарий, с. 193; *Lowmianski H.* Poczatki Polski..., t. I, s. 181.

[44] *Королюк В. Д.* О некоторых спорных вопросах развития черняхов-

ской, славянской, древнерусской и балкано-дунайской археологических культур Днестровско-Прутского междуречья.— Ссл., 1975, № 4, с. 104.

[45] *Тацит К.* Соч., т. 1, с. 370.

[46] См.: *Скржинская Е. Ч.* Комментарий, с. 210.

[47] *Тацит К.* Соч., т. 1, с. 371.

[48] См.: *Прокопий из Кесарии.* Война..., с. 297—298, 366, 384.

[49] Там же, с. 370.

[50] Там же, с. 319—320.

[51] Там же, с. 243—244.

[52] *Ковалевский А. П.* Аль-Масуди о славянских языческих храмах.— В кн.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973, с. 86.

[53] Getica, с. 71—72.

[54] Прокопий из Кесарии. Война..., с. 156.

[55] Там же, с. 297.

[56] Там же.

[57] Getica, с. 72.

[58] См.: *Прокопий из Кесарии.* Война..., с. 337, 365—366, 369, 374—375.

[59] Там же, с. 319.

[60] *Симокатта Ф.* История. М., 1957, с. 100.

[61] См.: *Мавродин В. В.* Образование..., с. 60—64; *Скржинская Е. Ч.* Комментарий, с. 220—221.

[62] *Прокопий из Кесарии.* Война..., с. 295.

[63] См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 31.

[64] Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 11.

[65] Там же.

[66] Советское славяноведение, 1971, № 4, с. 50—53.

[67] См.: *Бромлей Ю. В., Грацианская Н. Н.* Этнографические аспекты карпатоведения.— Ссл., 1973, № 6, с. 65—66.

[68] См.: *Инкин В. Ф.* К вопросу о социально-политической организации галицких сел на волошском праве (О сборах-вече).— В кн.: Карпато-дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.

[69] См.: *Клепикова Г. П.* Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974 (здесь же см. литературу проблематики).

Волохи и славяне русской летописи

Этноним «волохи» в применении к части населения Дунайского бассейна, вызвавший довольно оживленную полемику в нашей литературе, в «Повести временных лет» встречается трижды. По-видимому, не без значения в двух случаях он выступает в летописном тексте рядом с именем славян. Летописные статьи о дунайских волохах настолько кратки, что их можно привести здесь полностью. Имея перед собой анализируемые тексты, читателю легче будет следить за ходом рассуждения автора этих строк.

Дважды имя волохов появляется в историко-этнографическом введении, открывающем «Повесть временных лет». В первый раз — при общем перечислении народов. Вот этот отрывок: «Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урма-

не, готе, русь, агняне, галичане, волъхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии, ти же приседять от запада к полуденью и съседяться с племянем хамовым»[1].

Вторично о волохах летописец упоминает при переходе от перечисления народов к освещению древнейших судеб славянского племени, его первоначального расселения: «От сих же 70 и 2 языку бысть язык словенеск, от племени Афетова, нарци, еже суть словени. По мнозех же времянех сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте». Это расселение славян автор введения прямо связывает с вторжением волохов, о чем свидетельствует следующий текст: «Волхом бо нашедшем на словени на дунайския и седшем в них и насилящем им, словени же ови пришедше седоша на Висле...».

Далее следует подробная характеристика расселения славянских племен, заканчивающаяся знаменитой фразой: «И тако разидеся словеньский язык, тем же и грамота прозвася словеньская»[2].

В третий раз этноним волохи выступает в летописной статье, помещенной под 898 г. и рассказывающей о венгерском завоевании Паннонии: «Идоша угри мимо Киев горою, еже ся зоветь ныне Угорьское, и пришедъше к Днепру сташа вежами, беша бо ходяще аки се половци. Пришедше от въстока и устремишася черес горы великия, яже прозвашася горы Угорьскиа, и почаша воевати на живущая ту волохи и словени. Седяху бо ту преже словени, и волохове прияша землю словеньску. По сем же угри прогнаша волъхи, и наследиша землю ту, и седоша с словены, покорившe я под ся, и оттоле прозвася земля Угорьска»[3].

Далее в статье 898 г. вновь говорится о первоначальном единстве славян и о том, что славяне «седяху по Дунаеви, их же прияша угри», рассказывается о деятельности Кирилла и Мефодия, который объявляется преемником апостола Андроника, в свою очередь поставленного славянским епископом апостолом Павлом: «В Моравы бо ходил и апостол Павел учил ту; ту бо есть Илюрик, его же доходил апостол Павел, ту бо беша словене первое»[4].

Вот и все, что сообщает наша летопись о дунайских волохах.

В то время как одни исследователи пытались объяснить этноним волохи через скандинавское наименование жителей Нормандии — Valland, другие видели в них римлян Траяна[5]. Были сторонники признания волохов кельтами, болга-

рами, гетами, готами и восточноевропейским романизованным населением [6]. В настоящее время под влиянием трудов А. А. Шахматова [7] в нашей литературе наиболее распространено мнение, что в летописных волохах следует усматривать франков. В связи с этим и термин «Волошская земля», употребленный летописцем в историко-этнографическом введении к «Повести временных лет», предлагается считать синонимом Франкской империи, затем Священной Римской империи [8].

Основанием для этого является следующий ход мыслей. Летопись определенно помещает под 898 г. рассказ о завоевании венграми Паннонии. Поскольку до прихода венгров можно говорить только о франках как о народе, установившем свою власть над жившими «ту преже» славянами, постольку именно франков и мог иметь в виду летописец, упоминая волохов.

Хотя это объяснение и кажется на первый взгляд самым простым и очевидным, в действительности спорность его сразу же бросается в глаза при более внимательном чтении летописного текста и прежде всего того его отрывка, где упоминается Волошская земля. Поскольку ранее соответствующее указание летописца не цитировалось, приведем здесь его полностью и в контексте: «Ляхове же и пруси, чюдь преседять к морю Варяжьскому. По сему же морю седять варязи семо ко въстоку до предела Симова, по тому же морю седять к западу до земле Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волъхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии, ти же приседять от запада к полуденью и съседяться с племянем хамовым» [9].

В процитированном отрывке четко выделяются две линии летописного изложения: с одной стороны дается характеристика протяженности Варяжского (Балтийского) моря, которое, по представлениям летописца, огибает Европу с севера на восток и доходит до стран семитских народов и с севера на запад и юг, достигая стран народов хамитского корня, а с другой — перечисляются народы, живущие по его побережью. В числе их действительно есть франки, но упоминаются они под именем корлязей или немцев корлязей [10], а не волохов. Последние помещены отдельно.

Однако последовательность перечисления народов не вполне ясна в летописи [варяги, шведы, норманны (урмане), готы, русь, англы (агняне), галлы или жители Уэльса (галичане), волохи, римляне, немцы, франки (корлязи), венецианцы и генуэзцы] [11], поэтому окончательно судить

о местожительстве волохов по самому расположению этнонимов нет возможности. Зато гораздо более показательно замечание летописца о Волошской земле как последнем пункте Варяжского моря на юге по соседству с хамитскими народами. В литературе уже обращалось внимание на то обстоятельство, что взгляд летописца на Балтийское море как на длинную водную полосу, простирающуюся далеко на восток до земель семитских народов, находит себе аналогию в представлениях как восточных [12], так и западных современников [13].

Вместе с тем русскому летописцу, очевидно, известна была и возможность путешествия из Прибалтики, огибая Европу, в Средиземноморье, плывя вначале тоже вдоль побережья Балтийского (Варяжского) моря. Об этом он прямо говорит при описании пути из Варяг в Греки: «...бе путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, и вверх Днепра волок до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волхов и вътечеть в озеро великое Нево, из того озера внидеть устье в море Варяжьское. И по тому морю ити до Риме, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понт море, а не же втечет Днепр река»[14]. Несколько ниже, возвращаясь к морскому пути вокруг Европы, летописец еще раз говорит о возможности плавания «по Двине в Варяги, из Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хамова» [15].

Сопоставляя этот отрывок с процитированным выше описанием Варяжского моря, легко заметить, что, по летописцу, именно Рим в одном случае и Волошская земля — в другом были конечным пунктом, откуда можно было начать плавание в страны, населенные хамитическими народами. Сопоставление это дает право лишь для одного вывода: под Волошской землей летописец мог понимать только Италию, где он, возможно, помещал наряду с волохами не только римлян, венецианцев и генуэзцев, но даже и франков. Отсюда следует, однако, что под волохами он в данном случае не только не понимал франков, но и четко отделял волохов от современных ему римлян, венецианцев и жителей Генуи.

Кто же в таком случае волохи нашей летописи?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать в совокупности сообщения о волохах историко-этнографического введения к «Повести временных лет». Но сначала несколько слов о самом введении, его месте и задачах в системе летописных известий.

«Повесть временных лет» — памятник начала XII в. Она

была составлена, по-видимому, около 1113 г. в Печерском монастыре, составителем и редактором этого монументального исторического труда был монах Киево-Печерского монастыря Нестор, которому принадлежит и историко-этнографическое введение к «Повести». Все это в настоящее время достаточно подробно рассмотренные и аргументированные явления в истории русского летописания[16]. Как историк Нестор очень хорошо понимал свою задачу редактора и составителя общерусского свода. В историко-этнографическом введении в соответствии с христианскими представлениями о единстве человеческого рода он начинает свой рассказ от библейского «всемирного потопа» и распределения земли между сыновьями Ноя. Будучи горячим патриотом и человеком высоких общеславянских чувств, Нестор, опираясь на свои представления об единстве языка и происхождения славянских народов, стремится определить их место среди народов Европы. Признавая славян потомками Ноя и Яфета, он тем самым не только связывает историю славян с общеевропейским историческим процессом, но и указывает в нем вполне определенное место Руси, которая понималась им как естественная участница европейской жизни.

В литературе уже отмечалось, что ярко отразившееся на страницах Несторовой летописи общеславянское сознание было результатом сложного синтеза. В нем участвовали не только местные народные представления и предания, реальный политический и культурный опыт Руси X—XI вв., но и элементы византийской образованности, великоморавской кирилло-мефодиевской традиции[17], которая могла проникать на Русь X—XI вв. как из Чехии, так и с Балканского полуострова.

Признание большой точности сведений летописца о славянах, особенно западных, вполне согласуется с тем, что развиваемая Нестором теория дунайской прародины славян была всего лишь чисто ученой комбинацией, сложившейся не без сильного воздействия кирилло-мефодиевской традиции[18]. В данном случае, однако, важно подчеркнуть не столько сам по себе чисто ученый умозрительный характер этой теории, сколько отметить важность ее для Нестора как звена, связывающего историю славян и Руси с историей общеевропейской.

В самом деле, определяя славянскую прародину на Дунае, «где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска», русский летописец не только связывал историю славян, историю Руси с Великоморавской державой и миссией Кирилла и Мефодия. Несколькими строками выше он ведь уже

отождествил древних славян с «нарцами»: «От сих 70 и 2 языку бысть язык словенеск от племени Афетова, нарци, еже суть словени».

Нарци или норики — население древней римской провинции Норика, впоследствии заселенной славянами. Трудно сказать, опирался ли, отождествляя нориков со славянами, Нестор на какое-либо предание или другого рода источник русского происхождения [19]. Существенно, однако, что с помощью этого отождествления славяне и Русь оказывались непосредственно связанными с исторической судьбой Римской империи.

В том, что мысль русского летописца работала именно в этом направлении, в том, что он сознательно стремился к тому, чтобы связать древние судьбы славян и Руси с державным Римом на страницах своего историко-этнографического введения к «Повести временных лет», полностью убеждает материал летописной статьи 898 г., в которой Моравия прямо отождествляется еще с одной римской провинцией — Иллириком, причем подчеркивается, что «ту бо беша словене первое». Очень важно, что сообщение об «Илюрике» как древнейшей прародине славян, а следовательно, и Руси (ибо «словеньскый язык и рускый одно есть, от варяг бо прозвашася Русью, а первое беша словене» [20]) сопровождается рассказом о проповеди здесь апостола Павла, который оказывается, таким образом, первым славянским вероучителем («Тем же и словеньску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо Русь, тем же и нам Руси учитель есть Павел...»), основателем славянской и русской церковной организации («понеже... поставил есть (Павел. — *В. К.*) епископа и намесника по себе Андроника словеньску языку»). А это дает право считать в свою очередь и Мефодия «настольником Андрониковым».

Типичная для средневекового мышления искусственная научность рассмотренной историографической комбинации не вызывает сомнения, как не может вызывать сомнения и ее источник — великоморавская традиция, в которой происхождение моравского христианства тоже связывалось с деятельностью апостолов Петра и Андроника, а Мефодий рассматривался как преемник Андроника [21]. Но если постулируемая летописцем связь с Римом действительно является всего лишь чисто средневековой ученой схемой, то все же нет оснований думать, что это была только теоретическая историографическая схема. За ней угадывается четкая политическая и идеологическая линия; доказать связь славян с древней Римской империей, с помощью Рима ввести сла-

вян в круг народов, непосредственно воспринявших христианство от апостолов Христа, и тем самым (и это, конечно, главное) превратить Русь из византийской ученицы в носительницу древних христианских начал, именем апостола Павла, а не преемственностью от Константинополя освятить принадлежность Руси к восточному христианству с церковнославянским языком богослужения. Перед нами, таким образом, ученая схема, перерастающая в широкую идейно-политическую платформу, отражающую могучее державное и национальное самосознание Древней Руси.

Резкое обострение русско-византийских отношений, приведшее к войне 1116 г.[22], вероятно, вполне объяснит отчетливо антивизантийский характер развиваемой русской летописью концепции происхождения христианства на Руси. Только учитывая широкую идейно-политическую платформу летописца, его настойчивый поиск связей первоначального славянства с древней Римской империей, и следует, по-видимому, рассматривать появление волохов в историко-этнографическом введении к «Повести временных лет».

Выше мы уже видели, что под Волошской землей летописец мог понимать только Италию — территорию древней Римской империи. Показательно, что русская летопись нигде не пытается точно датировать волошское вторжение на древнеславянские земли. Волошское завоевание не ставится ею ни в какую хронологическую взаимосвязь ни с болгарским, ни с аварским[23]. Не датируя точно вторжения волохов, летописец знает только, что пришли они до венгров и изгнаны были венграми, о чем и сообщает в статье под 898 г.[24] Зато он уверенно связывает вторжение волохов на территорию дунайских славян с последующим расселением славян по восточноевропейской равнине, о чем уже говорилось выше. Следуя логике летописца, мы вынуждены были бы в таком случае исключить возможность отнесения им волошского вторжения к периоду, непосредственно предшествовавшему венгерскому завоеванию. Ведь венгры двигались южнорусскими степями. Летописец даже думает, что «идоша угри мимо Киев горою, еже ся зоветь ныне Угорьское», где давным-давно уже жили переселившиеся, по летописцу, с Дуная поляне, «яже ныне зовомая Русь»[25].

В таком случае остается только одно — предположить, что в волохах, которых летописец отличал от современных ему жителей Рима, Венеции и Генуи, он видел древних римлян, в свое время покоривших дунайские славянские племена и принудивших их начать расселение из прародины. Ду-

мать, что такая картина славянского расселения основывается на каких-либо особых, известных только русскому летописцу источниках, очевидно, нет нужды. Волошское завоевание в историко-этнографическом введении к «Повести временных лет», видимо, тоже можно было бы возвести к великоморавской традиции и признать столь же искусственной логической историографической схемой, как и повествование о славянской миссии апостола Павла. Более того, можно даже полагать, что схема эта была в глазах летописца очень важным звеном в его поисках связей первоначального славянства с древним Римом. Ведь именно благодаря волохам древние славяне на какое-то время становились, по летописцу, деятельными участниками римской истории. Но если волохи — римляне, то, очевидно, это не тот народ, с которым могли бы столкнуться на Дунае венгры. Следовательно, под волохами в «Повести временных лет» понимается два различных народа.

Нам предстоит теперь выяснить, каким образом в русской летописи произошло такое смешение, и решить вопрос о том, почему именно волохи были избраны летописцем в качестве столь важного связующего звена между историей славян и Руси, с одной стороны, древнего Рима — с другой. Опирался ли он только на предшествующую письменную традицию, играло ли здесь роль созвучие «волохи» и «Волошская земля» или у летописца могли быть какие-то более конкретные сведения о дунайских волохах? А в связи с этим мы должны переместить центр своего исследования с предисловия к «Повести временных лет» к летописной статье 898 г. Статья эта, помимо известий о завоевании венграми Паннонии, разгроме Великоморавской державы, содержит еще сказание о деятельности Кирилла и Мефодия в Великой Моравии, переводе на славянский язык богослужебных книг. Особенностью сказания является очевидное влияние на него литературной кирилло-мефодиевской традиции, что, естественно, привлекало к нему внимание большого круга исследователей. Характеризуя состояние вопроса в целом, следует выделить два основных направления в его разработке. Одно из них представлено одинокой фигурой Н. К. Никольского, считавшего сказание остатком древнейшей киевской летописи о Поляно-Руси. Летопись эту он возводил к реконструируемому им сочинению, возникшему в западнославянской среде в кирилло-мефодиевском окружении и содержащему рассказ о Норике, Иллирике, славянской прародине. Впоследствии, по мнению Н. К. Никольского, киевская летопись, основанная на западнославянском

источнике, была кардинально переработана редактором-норманистом, сторонником греческой ориентации [26].

Концепции Н. К. Никольского, с самого начала встретившей серьезную критику [27], противостояла точка зрения А. А. Шахматова, который считал, что сказание является редакторской вставкой в летопись начала XII в., основанной на источнике особого происхождения [28]. Назвав этот источник «Сказанием о преложении книг», А. А. Шахматов полагал, что оно состояло из трех частей: рассказа о расселении славянских народов, собственно сказания о переводе богослужебных книг на славянский язык и сообщения о венгерском завоевании, крещении венгров и борьбе пражского епископа Войтеха с церковнославянским языком богослужения. В «Повесть временных лет» «Сказание о преложении книг» вошло не целиком. В ней практически отсутствует вся третья часть реконструируемого А. А. Шахматовым «Сказания». Издавая в 1916 г. восстанавливаемый им текст «Повести временных лет», А. А. Шахматов отметил всюду — и в историко-этнографическом введении к «Повести», и в статье 898 г. — те тексты, которые возводились им к «Сказанию о преложении книг» [29]. В число этих текстов вошли и сообщения летописи о волохах и славяно-волошских отношениях [30].

Если взгляд на статью 898 г. как на редакторскую вставку, основанную на особом источнике, нельзя не признать в высшей мере удачным, то предложенная А. А. Шахматовым реконструкция этого источника — «Сказания о преложении книг» — все же не может быть признана полностью бесспорной [31]. Она вызвала в свое время довольно оживленную полемику, в частности и в рассмотренном выше труде Н. К. Никольского. Особенно неудачной представляется реконструкция А. А. Шахматовым «Сказания» в третьей его части, связанной с характеристикой Войтеха Славниковца как противника славянского языка богослужения. Такая оценка настолько явно противоречит материалу других источников, что ни в коем случае не может быть признана ни современной, ни даже сколько-нибудь близкой к его времени [32]. Впрочем, вопрос о фигуре Войтеха Славниковца и о происхождении русских известий о его гонениях на церковнославянский язык богослужения является самостоятельным и большим вопросом.

Почти одновременно с работой А. А. Шахматова вышел труд Й. Пекаржа, отметившего некоторые совпадения между интересующими нас известиями «Повести временных лет» и древнечешской легендой Кристиана [33], датировка ко-

торой концом X в., кажется, может быть признана достаточно доказанной [34]. Р. Якобсон, опираясь на сопоставление «Повести временных лет» с легендой Кристиана, на что обратил внимание и Г. А. Ильинский [35], попытался развить точку зрения Н. К. Никольского и пересмотреть реконструкцию А. А. Шахматова [36]. Согласно его предположениям, «Повестью временных лет» в виде «Сказания о преложении книг» было непосредственно воспринято старославянское сочинение, возникшее еще в эпоху Моймира II. Оно же, но уже в латинской версии было использовано Кристианом. На русской почве «Сказание» было отредактировано и дополнено составителем летописного свода. Критический анализ концепции Р. Якобсона привел, впрочем, другого исследователя этого вопроса, О. Кралика, к мысли, что параллели между легендой Кристиана и «Повестью временных лет» могут быть объяснены как факт оживленного культурного общения Руси с Чехией XI в. [37] Русской летописью была использована особая обработка житий Константина и Мефодия, дополненных трудом Кристиана. Обработка эта возникла в Сазавском монастыре во второй период его деятельности [38]. О. Кралик не исключает даже возможности прямого личного контакта Нестора с Сазавским монастырем [39].

Так обстоит дело в литературе с источниками летописной статьи 898 г. и связанных с ней текстов историко-этнографического введения к «Повести временных лет». Как бы ни решился вопрос этот в дальнейшем — в пользу ли великоморавского, что, пожалуй, наиболее вероятно, чешского или даже русского происхождения «Сказания о преложении книг», — совершенно очевидно одно: ни один из этих вариантов решения не оставляет места для гипотезы о волохах—франках.

Выше уже отмечалось, что франки были известны русскому летописцу не под именем волохов, а под совершенно другим именем. Невероятно было бы предполагать, что в Великой Моравии или Чехии всем хорошо известные франки могли бы выступать под абсолютно чуждым им именем волохов [40]. Более того, можно даже определенно утверждать, что, если возводить соответствующие летописные статьи о славяно-волошских отношениях к великоморавской или чешской традиции, без всякого сомнения, придется видеть в волохах, с одной стороны, древних римлян и, возможно, какое-то местное старое романизированное население, в течение долгого времени жившее среди славян, — с другой. Наличие такого населения оправдывало бы появ-

ление конструкции о римском завоевании славянской прародины.

В сущности говоря, к близким выводам мы пришли выше, анализируя тексты летописи, взятые сами по себе.

Но если летописный рассказ о деятельности Кирилла и Мефодия, о переводе богослужебных книг на церковнославянский язык, наконец, о венгерском погроме Великой Моравии так или иначе действительно ведет нас только в круг тех или иных кирилло-мефодиевских письменных памятников, предшествовавших «Повести временных лет», то с той же определенностью сказать это о летописной статье 898 г. о славянах и волохах и их взаимоотношениях, пожалуй, нельзя. Чтобы убедиться в этом, вернемся к ней вновь. Статья начинается с упоминания о движении венгров через Русь «мимо Киев горою», причем говорится, что гора в связи с этим «ся зоветь ныне Угорьское». Уже в этой фразе чувствуется, что летописец пользовался какими-то местными топонимическими преданиями [41]. Несомненно, под впечатлением устных рассказов и припоминаний характеризует он образ жизни венгров, сравнивая его с половецким [42]: «...и пришедъше к Днепру сташа вежами; беша бо ходяще аки се половци». Собственные сведения чувствуются у летописца и при рассказе о дальнейшем продвижении венгров на запад: «Пришедше от въстока и устремишася черес горы великия, яже прозвашася горы Угорьскиа...». Выше горы эти — Карпаты — были названы летописцем Кавкаисинскими [43]. Вместе с тем обращает на себя внимание почти буквальное совпадение части рассказа летописной статьи 898 г. о славянах и волохах с соответствующим текстом историко-этнографического введения к «Повести временных лет» и, очевидно, ее письменного источника.

Однако совершенно непонятной оказывается сама датировка рассматриваемой статьи 898 годом. Дата эта не соответствует ни первым сведениям о появлении венгров в Дунайском бассейне (около 839 г., а затем в 862 г.), ни времени деятельности в Моравии и Паннонии Кирилла (умер в 869 г.) и Мефодия (умер в 885 г.), ни даже времени венгерского разгрома Моравской державы (начало X в.) [44].

А. А. Шахматов полагал, правда, что дата эта была взята летописцем из «Сказания о преложении книг», где под 898 г. рассказывалось о завоевании венграми среднего течения Дуная [45]. Неясным остается, однако, почему именно эта дата (а не более тесно связанные с текстом хронологические вехи), была использована летописцем или вообще существовала в первоначальном источнике — «Сказании».

Гораздо более перспективно сопоставление 898 г. с очень близкой ему датой итальянского похода венгров 899 г., когда ими, по показанию источников, была опустошена вся Италия [46], т. е. «Волошская земля» нашей летописи. Если допустить возможность осведомленности летописца в той или иной форме об итальянском, т. е. волошском, походе венгров 899 г., то мы действительно получим возможность понять смысл датировки рассматриваемой летописной статьи 898 г. и ее внутреннюю логику. Если летописец знал о большом волошском походе, то вполне логично, что он начал рассказ о венгерских войнах не со столкновений венгров с болгарами или моравanами, а с борьбы их с волохами, под которыми он мог понимать только потомков римлян или вообще романизированное население: «...почаша (венгры. — *В. К.*) воевати на живущая ту волохи и словени... Посем же угри прогнаша волъхи, и наследиша землю ту...». Ведь лишь расправившись с основным противником, можно было начинать борьбу с другими соседями: «...и начаша воевати угри на греки, и попленише землю Фрачьску и Македоньску даже и до Селуня. И начаша воевати на мораву и на чехи» [47]. Вместе с тем станет и совершенно обоснованным, логически вполне закономерным помещение под 898 г. не только рассказа о Кирилле и Мефодии, но и искусственной конструкции о славянской миссии апостолов Павла и Андроника.

Само собой разумеется, что сделанное выше допущение предполагает какой-то особый, не связанный с кирилло-мефодиевской традицией источник сведений русского летописца. Источник этот мог повествовать только о длительном совместном проживании славян с волохами (о чем твердо говорит летопись), закончившемся походом венгров в Волошскую землю и изгнанием волохов венграми.

Если бы в этом источнике содержались только сведения об итальянском набеге венгерских кочевников, соответствующее показание летописи о совместном проживании славян с волохами пришлось бы признать всего лишь ученой, умозрительной конструкцией летописца или элементом «Сказания о преложении книг».

Пытаясь определить такой источник русской летописи, напомним одно сделанное уже выше наблюдение. Летописец знал и потому мог датировать изгнание волохов из Среднего Подунавья, но у него не было данных ни для того, чтобы хронологически определить волошское завоевание славян, ни даже соотнести его с нашествием болгар и аваров. В одном месте в его изложении венгры даже непосредственно

следуют за болгарами: «Словеньску же языку, яко же рекохом, живущю на Дунаи, придоша от скуф, рекше от козар, рекомии болгаре и седоша по Дунаеви и населници словеном быша. Посемь придоша угри белии [48], и наследиша землю словеньску» [49].

Надо думать, что существовавшая у летописца неясность хронологии определялась именно характером и составом имевшихся у него сведений. Вместе с тем именно отсутствие у летописца твердых сведений о последовательности смены населения в Среднем Подунавье помогает понять, каким образом в его труде произошла контаминация понятий волохи — древние римляне и волохи — довенгерское население Паннонии. О последнем он имел, очевидно, какие-то особые сведения, не восходящие к кирилло-мефодиевской традиции. Сведения такого рода могли поступать к нему из самых разнообразных источников. В свое время, анализируя летописные известия об аварах и дулебах и сравнивая их с данными хроники Псевдо-Фредегара, нам, как кажется, удалось показать, что одним из возможных источников летописи была устная западнославянская традиция [50].

Пользуясь методом сопоставления с другими ранними источниками по истории соседних стран, думается, можно попытаться решить и загадку летописной статьи 898 г. Речь идет о сочинении венгерского «Анонима» — нотария венгерского короля Белы III — «Деяния венгров» (Gesta Hungarorum). Источник этот, правда, довольно поздний. В литературе составление его датируется 1196—1203 гг. [51] Относиться к его сообщениям, как показал В. П. Шушарин, приходится с большой осторожностью [52]. Основанное не на письменных источниках, а на переработанных в панегирическом для венгерской знати духе устных преданиях, сочинение нотария короля Белы III дает крайне тенденциозную картину завоевания венграми их новой родины в Центральной Европе. В ней встречается большое число передержек, чисто фантастических подробностей и вымышленных речей, и она страдает обычным для средневековых сочинений пороком — актуализацией событий прошлого, т. е. перенесением в прошлое картины современных автору отношений, понятий, даже общей историко-географической обстановки. Только в хронике «Анонима» эта актуализация имеет особенно яркий, назойливый характер. Подчеркивая эти специфические черты источника, позволяющие характеризовать его даже как особое эпическое произведение, в определенной мере подчиняющееся не столько законам исторического сочинения, сколько логике произведения художественного,

мы все же не вправе полностью игнорировать его показания о ходе венгерского завоевания Паннонской низменности. И дело здесь не только в скудости источников по истории раннефеодальной Венгрии, дело еще и в том, что «Анонним» конца XII—начала XIII в., как это признает и один из последних исследователей вопроса — В. П. Шушарин, в определенной мере опирался на более раннее историческое сочинение — Gesta Ungarorum, являвшееся общим протографом более поздних венгерских хроник. Этот труд возник либо в 1091—1092 гг., либо даже в середине XI в.[53]
Среди многочисленных подробностей, приводимых «Анонимом» (1196—1203) о движении венгров через южнорусские степи и завоевании ими Паннонии, внимание исследователей летописной статьи 898 г., естественно, должно привлечь сообщение венгерского хрониста о составе населения Среднего Подунавья накануне венгерского переселения. Эти земли, по словам «Анонима», населяли тогда славяне, болгары и валахи, т. е. волохи русской летописи (Sclavi, Bulgarii et Blachii), а также пастухи римлян (pastores Romanorum).

Любопытно, что эти сведения, по «Анониму», венгры получили на Руси от русских князей. В дальнейшем «Анонним» рассказывает о победоносном сражении венгерского вождя Тетеня (Tutunum) с отрядом влахов—волохов во главе с Гелу (Gelou) [54].

Если подробности разгрома волохов Тетенем действительно можно было бы отнести к числу домыслов автора хроники, если в качестве домысла можно даже трактовать его сообщение о том, что сведения о населении Паннонии венгры получили от русских князей еще во время пребывания на Руси, то существенно иначе обстоит дело с указанием «Анонима» о волохах и славянах как довенгерском населении Паннонии. Правда, будь это указание совершенно изолированным в источниках, мы (учитывая отсутствие других сколько-нибудь твердых данных о наличии в рассматриваемом регионе романизированного населения, известного впоследствии под именем волохов) имели бы, пожалуй, право объяснить сведения «Анонима» о волохах актуализацией им событий прошлого. Такое решение вопроса исключается, однако, тем, что волохов знает русская летопись, по точному смыслу которой речь должна идти о длительном периоде сосуществования славян и волохов на одной и той же территории.

Думается, что заслуживает также известного внимания сообщение «Анонима» о болгарах. В качестве будущих про-

тивников венгров в Центральной Европе они поставлены им даже впереди волохов, сразу же за славянами. В летописной статье 898 г. о болгарах вообще не говорится (речь идет о них только в историко-этнографическом вступлении к «Повести временных лет»). Между тем известно, что впервые в Дунайском бассейне венгры появляются около 839 г., когда они совершают нападение на македонских славян, переселенных болгарским ханом Крумом в район устья Дуная и пытавшихся вернуться на родину [55]. Через двадцать пять лет венгры активно действуют уже в Центральной Европе, совершив в 862 г. опустошительный набег на владения Людовика Немецкого. Можно думать, что в данном случае они действовали по соглашению с болгарами [56]. Так или иначе, контакты кочевников-венгров с болгарами возникли еще до окончательного переселения венгров в Дунайскую низменность, датировать которое ранее 892 г. нет оснований [57].

В свете этих ранних венгерско-болгарских контактов упоминание «Анонима» о болгарах в Паннонии приобретает логический смысл и заставляет с еще большим вниманием относиться к остальной части его сообщения о населении Паннонии в довенгерский период.

Рассказ «Анонима» о переселении венгров в Паннонию, его сообщение о том, каким образом кочевники-венгры получили сведения о ней и ее населении (от русских князей), не оставляют сомнений в том, что опорой «Анониму» в данном случае служили какие-то устные предания. Существовали, как это было показано выше, и отразились в летописи устные предания о движении венгров на запад и на Руси. При таких условиях вполне обоснованно полагать, что и в летописи, как и у «Анонима», сообщение о волохах в Паннонии появилось в результате использования в летописи не только письменной, но и прежде всего устной традиции. Трудно сказать, правда, каким образом эта устная традиция о волохах возникла на Руси. Нет оснований предполагать ее местное происхождение. Скорее всего, она была занесена на Русь извне, причем не исключено, что она могла проникнуть сюда как из собственно венгерской среды, так и от славян, живших в Центральной Европе, и затем в переработанном виде сохраниться в древнерусской литературе в виде летописной статьи 898 г.

Подводя итоги нашего исследования, можно сформулировать следующие его основные положения.

1. Под «Волошской землей» «Повести временных лет» нет оснований понимать Франкскую империю Каролингов

или Восточнофранкское королевство. Русский летописец связывал с «Волошской землей» территорию современной ему Италии, а также мог подразумевать под этим термином древнюю Римскую империю.

2. Сведения о волохах в Паннонии были использованы Нестором для развития и обоснования своей искусственной, чисто умозрительной теории происхождения славянских народов и их первоначальной связи с древним Римом. Под волохами русский летописец понимал как древних римлян, так и местное, неславянское население Среднего Подунавья.

3. Теория славянской прародины и древнего волошского завоевания должна была доказать древнеапостольский, независимый от Византии источник возникновения христианства у славян и на Руси. Она отражала необычайно возросшее державное и национальное самосознание Руси в конце XI—начале XII в. при Несторе-летописце.

4. Если предположение о наличии у летописца сведений об итальянском набеге венгров 899 г., чем могла бы объясняться датировка летописной статьи именно 898 г. пока может претендовать только на роль чисто логической гипотезы, то сопоставление летописной статьи 898 г. с данными венгерского «Анонима» 1196—1203 гг. определенно убеждает в том, что в основе летописных сведений о волохах лежит устная традиция, которая могла проникнуть на Русь как из венгерской, так и из собственно славянской центральноевропейской среды. Признание устной традиции, в свою очередь, приводит к выводу о сложном, основанном на двух различных источниках составе летописных статей о волохах. В своем настоящем виде они представляют собой ученую комбинацию сведений о влахах—древних римлянах, основанных на великоморавской традиции, с данными современной летописцу устной традиции о романизированном местном населении Среднего Подунавья и его борьбе с венграми.

5. Вместе с тем сопоставление показаний венгерского «Анонима» с данными русской летописи, знавшей длительный период совместного проживания славян и волохов на одной территории, полностью исключает возможность отождествления волохов с франками, известными, кстати говоря, летописцу и его источникам под другим именем. Зато упоминание «Анонима» о «пастухах римлян», особенно если учесть, что пастухами ромеев византийские источники именуют именно влахов [58], свидетельствует как будто бы даже о пастушеском образе жизни влашского населения.

Так что представляется наиболее вероятным считать волохов русской летописи и влахов венгерского «Анонима» каким-то местным романизированным населением Паннонии IX в. Особенности хозяйства и быта пастушеского романизированного населения хорошо освещены более поздними источниками, особенно для стран Юго-Восточной Европы [59]. Иное дело — вопрос о происхождении этого населения. При настоящем состоянии источников и исследований проблемы нет возможности высказаться ни в пользу теории их кельтского родословия [60], ни фракийского, ни тем более говорить о непрерывности развития одного и того же романского населения на рассматриваемой территории со II—III вв. н. э.[61] Но считая нерешенным вопрос о происхождении волохов и их судьбах на протяжении значительной части эпохи раннего средневековья, нельзя все же не признать, что как венгерский «Аноним», так и «Повесть временных лет» являются свидетельствами сложного взаимодействия и сосуществования в Центральной Европе IX в. двух различных этносов: славянского и романского или романизированного — и двух различных культурно-хозяйственных систем: славянской оседлой земледельческой и, по-видимому, романской подвижной пастушеской.

[1] ПВЛ, ч. I, с. 10.
[2] Там же, с. 11.
[3] Там же, с. 21.
[4] Там же, с. 23.
[5] ПВЛ, ч. II; см. коммент. Д. С. Лихачева, с. 211—213.
[6] Подробный обзор мнений см.: *Gyóni M.* Les Voloches des Annales primitives de Kiev.— Études Slaves et Roumaines, Bp., 1949, vol. 2, f. 2; сам автор склонялся к тому, чтобы признать их неолатинским населением среднего Подунавья, исчезнувшим в результате венгерского завоевания. Староромáнским населением считают волохов молдавские историки; см.: История Молдавской ССР. 2-е изд. Кишинев, 1965, т. 1, с. 65.
[7] *Шахматов А. А.* Волохи древней русской летописи.— Изв. Таврич. учен. арх. комис., 1918, № 54.
[8] *Кузьмин А. Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море.— ВИ, 1970, № 10, с. 31; Д. С. Лихачев, впрочем, не считает вопрос об этнической принадлежности волохов решенным окончательно, оставляя его открытым: ПВЛ, ч. II, с. 211.
[9] ПВЛ, ч. I, с. 10.
[10] ПВЛ, ч. II, с. 212.
[11] Там же.
[12] *Барсов Н. П.* Очерк русской исторической географии. Варшава, 1885, с. 15.
[13] *Кузьмин А. Г.* «Варяги»..., с. 31.
[14] ПВЛ, ч. I, с. 11.
[15] Там же, с. 12; об этом же пути в Рим с юга через Русь рассказыва-

ется и в «Хождении» апостола Андрея, вошедшем в состав русской летописи.

16 *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Пг., 1916, т. 1, с. I—XLI; ср.: ПВЛ, ч. II, с. 107—109.

17 *Королюк В. Д.* К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв.— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968, с. 109—112.

18 Там же, с. 110.

19 Ср. коммент. Д. С. Лихачева: ПВЛ, ч. II, с. 213.

20 ПВЛ, ч. I, с. 23.

21 Житие Мефодия.— In: MMFH, t. II, p. 150, 153; Проложное житие Константина и Мефодия.— Ibid., p. 156; показательно, что связь дела Кирилла и Мефодия с апостолом Павлом подчеркивается в более поздней традиции конца X в., см. «Легенду Кристиана» (Ibid., p. 190) и греческое «Житие св. Климента» (Ibid., p. 210, 216); это продолжение линии, четко наметившейся еще в Житии Константина (Ibid., p. 111).

22 *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 186—187.

23 Там же, с. 14.

24 Там же, с. 21.

25 Там же.

26 *Никольский Н. К.* Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Вып. 1.— В кн.: Сборник по русскому языку и словесности. Л., 1930, т. II, вып. 1.

27 См. рец. Г. А. Ильинского на кн.: *Никольский Н. К.* Повесть временных лет...— Byzantinoslavica, Pr., 1930, r. II, sv. 2; ср.: *Истрин В. М.* Моравская история славян и история поляно-руси, как предполагаемые источники Начальной Русской летописи.— Ibid., 1931, r. IV, sv. 2; 1932, r. IV, sv. 1.

28 *Шахматов А. А.* Сказание о преложении книг на славянский язык.— In: Jagić-Festschrift. B., 1902.

29 *Шахматов А. А.* Повесть временных лет, т. 1, с. 5, 6, 11, 25, 26.

30 Там же, с. 5, 11, 25.

31 *Кралик О.* Повесть временных лет и легенда Кристиана о святых Вячеславе и Людмиле.— ТОДРЛ, 1963, т. XIX, с. 179.

32 *Кралик О.* Крещение Борживоя и вопрос о непрерывности старославянской литературы в Чехии.— ТОДРЛ, 1963, т. XIX, с. 158—159; *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь X—XI вв. М., 1964, с. 161—162.

33 *Pekař J.* Die Venzels- und Ludmila-Legenden und die Echtheit Christians. Prag, 1906, S. 134.

34 *Кралик О.* Крещение Борживоя..., с. 159—168.

35 Byzantinoslavica, Pr., 1930, r. II, sv. 2, s. 433—436.

36 *Jakobson R.* Minor native sources for the early history of the slavic church.— Harvard Slavic Studies. Cambridge (Mass.), 1954, vol. II.

37 Подробно о русско-чешских культурных связях XI в. см.: *Рогов А. И.* Жизнеописание первых чешских князей в древнерусской письменности и культуре.— В кн.: Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970, с. 10—30.

38 *Кралик О.* Повесть временных лет, с. 200—203.

39 Там же, с. 203.

40 Великоморавская традиция знает франков и под собственным именем и под именем немцев. Термин «Влахи» означает в ней Италию.— MMFH, t. II, p. 102, 144, 166, 212 и др.

41 ПВЛ, ч. II, с. 256.

[42] *Шушарин В. П.* Русско-венгерские отношения в IX в.— В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 173.
[43] ПВЛ, ч. I, с. 10.
[44] *Łowmiański H.* Początki Polski. W., 1970, t. IV, s. 387—392.
[45] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет и ее источники.— ТОДРЛ, 1940, т. IV, с. 83.
[46] *Łowniański H.* Początki..., s. 391.
[47] ПВЛ, ч. I, с. 21.
[48] Здесь явная описка летописца, имеются в виду черные угры-венгры. См.: Там же, ч. II, с. 224.
[49] Там же, с. 14.
[50] *Королюк В. Д.* Авары (обры) и дулебы русской летописи.— В кн.: Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963.
[51] *Шушарин В. П.* Русско-венгерские отношения..., с. 132.
[52] Там же, с. 137—145 и др.
[53] Там же, с. 144—147.
[54] Dicebant enim quod ibi confluerent nobilissimi fontes aquarum, Danubius et Tyscia et alii nobillissimi fontes bonis piscibus habundantes, quam terram habitarent Sclaui, Bulgarii et Blachii ac pastores Romanorum.— In: SRH, vol. I, p. 45; ср. p. 66; русский перевод первых глав Анонима см.: *Шушарин В. П.* Русско-венгерские отношения..., с. 135—145.
[55] *Łowmiański H.* Początki...,, s. 387.
[56] Ibid., s. 388.
[57] Ibidem.
[58] Сопоставление это дает, возможно, право ставить вопрос о влиянии на венгерского Анонима византийской традиции. Пользуюсь случаем поблагодарить Г. Г. Литаврина за указание на возможность такого сопоставления.
[59] См., например: *Милетич Л., Агур Д.* Дако-романите и техната славянска письменность.— В: Сб. за народни умотворения, наука и книжнина. С., 1893, кн. II, с. 20—24 и др.; ср.: *Gŷoni M.* La transhumance des Vlaques bąlkaniques au Moyen Age.— Bysantinoslavica, 1951, r. XII, p. 29—42.
[60] *Толстов С. П.* «Нарци» и «волохи» на Дунае.— СЭ, 1948, № 2.
[61] *Кондураки Э., Стефан Ж.* Восточнороманский мир. М., 1970 (XII Международный конгресс исторических наук, Москва, 16—23 августа 1970 г.).

Славяне, влахи, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима»

Чтобы решить вопрос, обитало ли в Среднем Подунавье, в том числе и к северу от излучины Дуная, на его левобережье, накануне венгерского завоевания старое романизованное население, известное в источниках под именем влахов-волохов, нет больше необходимости производить специальное исследование. После того как установлено, что под волохами русским летописцем начала XII в. понимались как древние римляне, так и местное в Подунавье неславянское романизованное население, вопрос этот легко решается простым сопоставлением данных русской летописи с показаниями венгерского «Анонима» конца XII—начала XIII в., в котором тоже указывалось это старое романизо-

ванное население на территории довенгерской Паннонии под именем влахов [1].

Если два совершенно независимых друг от друга источника, генетически никак не связанных между собой посредствующими источниками, фиксируют достаточно определенно одно и то же явление, у исследователя не должно возникать сомнения в истинности их показаний. В данном случае сомнения подобного рода были бы тем более неоправданными, ибо свидетельства русской летописи и венгерского «Анонима» находят явственное подтверждение еще и в третьем источнике, совершенно иного, византийского происхождения.

Никита Хониат сообщает о попытке бегства Андроника в Галицкую Русь в 1152 г. «Но когда Андроник, — пишет Никита Хониат, — перестал опасаться, поскольку уже избежал рук преследователей и достиг пределов Галиции, в которую стремился, как в спасательное убежище, тогда-то и попал в тенета ловцов. А именно: схваченный влахами, до которых еще ранее докатилась молва о его бегстве, он был отведен снова назад к василевсу» [2]. Если учесть, что, согласно византийским источникам, границы Галицкой Руси в описываемое время находились в нескольких днях пути к северу от Дуная, а византийские пограничные гарнизоны были расположены вдоль его правого берега, то будет вполне логичным предположить, что упоминаемые византийскими историками влахи обитали на левобережье Дуная [3].

Итак, существование в Среднем Подунавье, на левом берегу Дуная, влахов—волохов в конце IX—X в. и даже в XII в. полностью подтверждается тремя взаимодополняющими, но совершенно самостоятельными, независимыми друг от друга источниками XII—XIII вв. русского, византийского и венгерского происхождения. И если все же возникает необходимость вновь вернуться к соответствующим текстам венгерского «Анонима», то объясняется это тем, что наряду с влахами упоминаются в нем еще загадочные «пастухи римлян» и не менее загадочные «римляне» как коренное население Паннонии накануне венгерского завоевания.

В свое время нами уже было высказано предположение, что под именем «влахов» и «римских пастухов» у венгерского «Анонима» фигурирует одно и то же романизированное пастушеское население. Употребление двух этнонимов для одного этноса объяснялось воздействием двух самостоятельных (литературного или фольклорного характера) источников, использованных венгерским хронистом [4].

Но кто же в таком случае «римляне» венгерского «Анонима»? В венгерской литературе на этот счет существует довольно четкое представление. Один из последних исследователей венгерского «Анонима» Д. Дьерффи, проведя тщательный анализ памятника, пришел к выводу, что под «римлянами» следует понимать как древних римлян догуннской эпохи, так и франков или романо-германцев — подданных Германской империи XI—XII вв.[5] При этом автор и волохов русской летописи тоже принимает за франков, а сведения «Анонима» о романизированном пастушеском населении в довенгерской Паннонии считает явным анахронизмом[6].

К исследованию Д. Дьерффи нам еще придется возвращаться. Сейчас важно подчеркнуть, что трактовка волохов русской летописи как франков не может выдержать исторической критики, а наличие в Среднем Подунавье и к северу от излучины Дуная пастушеского романизированного населения едва ли должно подвергаться сомнению в настоящее время. Что касается объяснения венгерским историком термина «римляне», то первое его положение («римляне» — древние римляне до эпохи Аттилы) можно считать вполне обоснованным. Оно отвечает смыслу всего повествования венгерского «Анонима». Возражения вызывает второй тезис автора, полагающего, что под этнонимом «римляне» могли скрываться франки или романо-германцы XI—XII вв. Дело в том, что венгерскому «Анониму» франки были хорошо известны под их собственным именем[7]. Известны ему были и такие географические понятия, как Франция и Галлия[8]. Немцы в его повествовании фигурируют под именем тевтонов[9], а германский император носит титул «imperator Theotonicorum»[10]. В хронике упоминается он и как король тевтонов («rex Teothonocorum»)[11]. Воспевая доблесть венгерских вождей и их воинов, совершавших опустошительные вторжения в Германию, «Аноним» упоминает баварцев и алеманов[12], называет Алеманию, Баварию, Лотарингию, Саксонию, Тюрингию и Франконию[13]. Под «римлянами» «Анонима» едва ли есть основание понимать и жителей Италии — подданных Франкской или затем Германской империи. «Анониму» известно не только общее понятие Италия, но и более частное — Ломбардия[14], а ее жители называются им ломбардцами[15]. Не более оснований думать, что «римлянами» в хронике «Анонима» могли быть названы византийцы или ромеи по официальной византийской терминологии. Византия много раз упоминается венгерским «Анонимом», но всегда под именем Греции[16], византийцы именуются греками[17], а их глава — императором греков[18].

Итак, ни употребленные в источнике этнонимические наименования, ни его географическая номенклатура, ни даже принятая в нем титулатура для правителей Германской (и Византийской) империи не может служить подтверждением тезису, что под «римлянами» венгерского «Анонима» могли скрываться реальные исторические франки или романо-германцы.

Следует ли отсюда, что термин «римляне» фигурирует в хронике «Анонима» лишь в одном значении — древних римлян? Теоретически весьма соблазнительно было бы допустить и второе его значение, а именно остатки оседлого романизированного населения Паннонии, сохранившегося, несмотря на колоссальные опустошения эпохи Великого переселения народов, до прихода венгров-кочевников. Известные основания для подобного предположения могут дать последние исследования чехословацких археологов, обнаруживших вблизи бывших римских лагерей и укрепленных пунктов в южной Моравии ремесленные мастерские, связанные с традициями позднеантичного ремесленного производства, в период до образования Великоморавской державы. Эти мастерские действовали и в эпоху Аварского каганата, центром которого была Паннония [19].

Но для того чтобы проверить это сугубо теоретическое предположение, необходимо детально проанализировать все содержащиеся в хронике венгерского «Анонима» упоминания о «римлянах». Прежде чем приступить к соответствующему анализу, было бы целесообразно кратко охарактеризовать сам источник.

Сочинение венгерского «Анонима» — нотария венгерского короля Белы III — «Деяния венгров» («Gesta Hungarorum») датируется обычно 1196—1203 гг. [20] Автор использовал в своем труде более раннее венгерское историческое сочинение — «Gesta Ungarorum», ставшее общим протографом для соответствующих разделов более поздних (вплоть до XV в.) венгерских хроник. «Gesta Ungarorum» были написаны в 1091—1092 гг. или даже около середины XI в. К сожалению, «Gesta Ungarorum» (иначе их условно можно называть еще «Прагестой») не сохранились в первоначальном виде. В настоящее время делаются попытки выделить их оригинальный текст из позднейших переработок, хотя цельная реконструкция «Прагесты» еще не производилась [21]. Помимо «Прагесты», венгерскому «Анониму» были известны еще некоторые западные источники (в частности, хроника Регино и его продолжателя) [22]. Очень широко привлекал автор в своем рассказе и венгерские народные преда-

ния[23]. Впрочем, к своим устным источникам-преданиям нотарий Белы III относился, по-видимому, достаточно критически, о чем свидетельствуют его собственные слова о «лживых сказках крестьян» и «похожих на бред» песнях сказителей»[24], которым он противопоставляет свои письменные источники[25]. Из этих заявлений «Анонима», быть может, следовало бы сделать вывод о стремлении автора точно следовать изложению «Прагесты». Однако отсутствие ее реконструкции требует большой осторожности.

Приведенные выше критические высказывания «Анонима» о сказках крестьян и бредовых песнях сказителей вызвали острые замечания одного из последних исследователей этого сочинения, В. П. Шушарина. По его мнению, именно эти слова «Анонима» свидетельствуют о том, что хронист конца XII—начала XIII в. решительно отошел от своего венгерского источника XI в.— «Прагесты» и достоверной устной традиции, свидетельствовавших о мирном «обретении родины» венгерской кочевой ордой, переселившейся в Паннонию[26]. Не говоря уже о сомнительной научной корректности термина «обретение родины» для X в., следует заметить, что сам тезис о мирном освоении венграми Паннонии представляется совершенно недоказуемым. Мирное оседание в Подунавье венгров, о которых известно, что они еще в середине XII в. лето и осень проводили в шатрах[27], не согласуется с обычными для воинственной кочевой орды образом жизни и нормами отношений с соседями, с опустошительными набегами венгров на западные страны в X в. Об этом же свидетельствуют и прямые показания современных венгерскому вторжению источников[28].

В. П. Шушарин, очевидно, прав, указывая, что в Паннонии венграм не могла в то время противостоять ни одна достаточно могущественная военно-политическая сила[29]. Соперничающие в Центральной Европе политические силы на рубеже IX—X вв. действительно стремились использовать воинственных кочевников в борьбе между собой. Но эти обстоятельства могут объяснить только легкость, с которой венграм удалось укрепиться в Среднем Подунавье, не более. Сами по себе они ни в коей мере не предполагают мирного характера проникновения венгров в Паннонию.

Нельзя не подчеркнуть также, что «мирное обретение родины» как юридическое понятие было глубоко чуждо той феодальной эпохе, о которой сейчас идет речь. Феодальные нормы политических отношений, в которых были воспитаны и которыми привыкли мыслить венгерские хронисты, признавали только право вооруженного захвата либо феодаль-

ного договора на определенных условиях военной службы и дани, «ряда» наших русских источников. Именно такими нормами и руководствовался в своей хронике венгерский «Аноним». Это соответствовало духу его времени. Что же касается сохранившегося в других венгерских хрониках предания (в истинность его верит В. П. Шушарин) о выкупе венграми у великоморавского князя дунайской «земли, травы и воды» за белого коня, уздечку и седло [30], то в нем едва ли есть основания видеть отголоски состоявшегося в X в. «ряда». Перед нами скорее типичный фольклорный мотив, который нет оснований привязывать к конкретным условиям времени и пространства. Впрочем, о попытках венгров договориться с теми или иными владетелями о переходе под венгерскую власть на известных условиях отдельных земель упоминает и «Аноним». Именно так излагаются им обстоятельства перехода венгров через Русь: одолев русских и половцев и подчинив русские земли, венгры заключают с русскими князьями мир на условиях ежегодной дани в 10 тыс. марок и выдачи заложников [31]. В фантастичности этого рассказа «Анонима» нет сомнений [32]. Важно, однако, что он правильно отражает образ мыслей хрониста, его взгляды на нормы международных отношений эпохи. Характеризуя своих соотечественников IX—X вв. как народ исключительно воинственный («Ибо дух венгров в то время жаждал только захвата земель, подчинения народов и ратных подвигов») [33], венгерский хронист гораздо ближе к исторической реальности X в., чем современный исследователь.

В хронике венгерского «Анонима» есть и прямое обоснование его критического отношения к преданиям и песням. И говорит оно не о мирном «обретении родины», а о недоверии автора к преувеличениям устной традиции: «Но говорят некоторые, что они (венгры.— *В. К.*) дошли до Константинополя, и Ботонд рассек топором золотые врата Константинополя. Но поскольку я не нашел этого ни в одной книге историографов, а слышал лишь в лживых сказках крестьян, то не захотел написать об этом в настоящем сочинении» [34].

Признание критического чутья к источникам у нотария короля Белы III отнюдь не говорит о полной достоверности его сочинения. Хроника венгерского «Анонима» — памятник типично средневековый со всеми органически присущими средневековым нарративным источникам недостатками и пороками. Более того, в его сочинении они нашли особенно яркое воплощение. Исследователями хроники уже неоднократно отмечалось, что автор неточен в хронологии и исторической географии. Он свободно переносил не только

историческую обстановку времен короля Стефана I Святого (997—1032 гг.), но и XII—начала XIII в. на период венгерского завоевания Паннонии, отчего в его рассказе появились не фигурировавшие еще в IX—начале X в. народы, племена и государства. Глядя на события IX—X в. глазами человека XII в., он, опираясь на народную этимологизацию топонимов, сбивчивые и фантастические устные предания, заставлял действовать в своей хронике никогда не существовавших героев, вкладывал в их уста сочиненные им самим речи (так поступали, впрочем, и другие средневековые хронисты), принуждал исторических лиц действовать в условиях международных отношений XII в., коренным образом отличавшихся от условий IX—X вв., мыслить современными ему политическими реалиями [35]. Исследователей истории средневековой Паннонии особенно поражает полное незнание или игнорирование хронистом великоморавской государственной и церковно-культурной традиции [36]. Скорее первое, так как «Аноним» упрямо подменяет мораван чехами (богемцами), Великую Моравию Чехией, а великоморавского князя [37] чешским. Кроме того, «Анониму», повествующему о событиях IX—X вв., практически осталось неизвестным независимое Болгарское царство. Великий хан болгарский действует у него под покровительством греческого императора [38]. Столь же показательно отсутствие в источнике сведений об аварах.

Очень широко используемый прием переноса на прошлое современных автору понятий, политических отношений, даже историко-географической обстановки — отнюдь не свидетельство исторической безграмотности венгерского «Анонима». Этот прием был обусловлен отчетливой и незамаскированной тенденциозностью средневекового писателя с характерным для него символическим типом мышления. Слово — символ явления — для него по существу совпадало с самим явлением. Он в своем сочинении не столько писал, сколько как бы творил историю прошлого, утверждая ее для потомков в собственном видении. Безусловно, преклонение перед написанным словом объективно содействовало успеху его творчества. Возникшие единожды описания, суждения и оценки переходили затем из одной хроники в другую до тех пор, пока не вступали в непримиримый конфликт с новой политической или идеологической тенденцией.

Но означает ли признание явной, очевидной тенденционности рассматриваемой хроники, что современный историк должен полностью отказаться от нее как источника? Мож-

но ли вслед за некоторыми современными исследователями [39] исключить венгерского «Анонима» из круга источников, важных для истории Среднего Подунавья рубежа IX—X вв.? Конечно, нет. Во всех случаях, где данные венгерского «Анонима» могут быть проверены показаниями независимых от него памятников, обращение к нему остается обязательным. К этому побуждает и крайняя скудость источников по раннесредневековой истории Венгрии вообще.

К таким подтверждаемым другими источниками сведениям венгерского «Анонима» следует отнести не только его рассказ о семи венгерских вождях, не только часть его описаний венгерских набегов на страны Западной Европы и его характеристику венгерских племен IX—X вв. как кочевой воинственной орды, но и его сообщение о северном, через Верецкий перевал в Карпатах пути миграции основной массы венгров [40], а также его данные о славянах и волохах как местном довенгерском населении в Среднем Подунавье.

Количество подобных примеров, вероятно, можно было бы увеличить. В задачи настоящего исследования не входит, однако, реабилитация венгерского «Анонима» как источника в целом. Автора интересуют прежде всего сведения рассматриваемого источника о судьбе восточных романцев в эпоху венгерского завоевания. Именно поэтому необходимо сразу же указать, что сообщения венгерского «Анонима» о трех влахо-славянских княжествах в Паннонии и Трансильвании, разгромленных, по словам хрониста, венграми в ходе укрепления их на среднем Дунае, не могут без соответствующих оговорок и дополнительных исследований приниматься исследователями. Имена правителей и названия княжеств при настоящем уровне иследований не могут быть признаны аутентичными, подробности их столкновения с венграми легендарны, хотя возможно, и не во всех деталях. Так, соответствует другим, в частности, византийским источникам (византийцы использовали влахов в качестве вспомогательных и легковооруженных военных сил, приспособленных для боя в условиях горной местности) [41] сообщение «Анонима», что влахи (и славяне) князя Гелу в Трансильвании имели в качестве оружия только луки и стрелы [42]. Но возможно, это сообщение было результатом собственных наблюдений автора над бытом трансильванских влахов.

Из сказанного не следует, разумеется, вывод, что влахославянских политических объединений в действительности никогда в Среднем Подунавье не было или не могло быть. Рассказы «Анонима» могут быть и своеобразными отголос-

ками существования таких объединений в устной народной традиции. Однако поскольку параллельных сведений о них в других источниках не сохранилось, вопрос этот остается открытым. Быть может, он будет решен впоследствии комплексными историко-археологическими исследованиями [43].

Политическая тенденциозность памятника, называемого венгерским историком Д. Дьерффи романтической гестой [44], совершенно очевидна: венгерский «Аноним» является ярым сторонником интересов старой венгерской знати. Такое заключение вытекает из анализа памятника [45] и признается его исследователями [46].

Но в таком случае, правильно ли называть сочинение венгерского «Анонима» «романтической гестой» или, как хочет последний его исследователь [47], «рыцарским романом»? Разумеется, нет. Хроника венгерского «Анонима» не была развлекательным чтивом, полным авантюрно-драматических сюжетов. Это было историко-политическое публицистическое произведение, защищавшее сословные привилегии старых магнатских родов и провозглашавшее достаточно стройную и продуманную венгерскую государственно-правовую программу.

Не только для Венгрии, но и для других европейских стран XII—XIII вв. характерно обращение историко-политической мысли к античности, стремление связать историю своей страны с народами и государствами древности. Цель такого рода историографических конструкций не может вызывать сомнений. Связывая отечественную историю с античностью, они не просто возвеличивали прошлое, но служили идеологическим обоснованием борьбы за государственную и национальную независимость, за полноту государственного суверенитета в его феодальной форме в одних случаях, в других являлись орудием универсалистских имперских тенденций (Германия, Византия).

Особенность венгерского «Анонима» состоит в том, что вместо обычных для других европейских стран попыток связать свою историю с эпохой Александра Македонского или державным Римом в Венгрии создаются ученые историографические конструкции, провозглашающие венгров наследниками гуннского царства Аттилы. В данном случае для нас не так уж важны источники этой концепции. Она могла основываться на хроникерской традиции западного происхождения [48]. Что касается самого венгерского «Анонима», то он мог почерпнуть ее как из западной историографической традиции, так и из венгерской. Косвенным подтверждением последнего может служить его ссылка на отечествен-

ных историографов, сохранивших генеалогию венгерских королей и знати [49].

Гораздо важнее сам факт усвоения этой традиции венгерской средневековой историографией как свидетельство силы венгерского этнического самосознания в описываемую эпоху, четкости представлений об этнической обособленности венгерской народности среди других средневековых европейских народностей [50]. Гораздо важнее политическое звучание этой традиции, ее роль в государственной идеологии венгерского королевства.

Хроника венгерского «Анонима» начинается с описания Скифии и характеристики ее свободолюбивого и воинственного населения, сумевшего победить таких прославленных полководцев древности, как персидские цари Дарий и Кир и Александр Македонский [51]. Дважды при этом подчеркивается, что бесстрашный скифский народ никогда «не был подчинен власти какого-либо императора» [52]. Это не случайно оброненная фраза. В ней — ключ к стройной государственно-правовой концепции автора.

Первым королем Скифии был Магог — сын Яфета. Его потомок, могущественнейший король Аттила, в 451 г. овладел Паннонией, изгнав римлян [53]. Потомком Магога был и Юдек, отец вождя Альмоша, родоначальника венгерских королей и князей [54]. Породнив Аттилу, завоевателя Паннонии, с королевским венгерским домом и связав по происхождению венгров со скифами [55], венгерский «Аноним» создал такую генеалогическую конструкцию, которая, по понятиям того времени, полностью обеспечивала права венгров, точнее, венгерского королевского дома и старовенгерской знати на завоеванную ими в X в. территорию.

Это второй ключ к государственно-правовой концепции автора. Не случайно дальше в ходе своего повествования он уже прямо называет Альмоша и его сына Арпада потомками короля Аттилы [56]. Это звучит даже в прямой речи Арпада [57]. У «Анонима» как бы само собой подразумевается, что данники Аттилы должны быть и данниками венгров [58], подданными венгерских королей и связанной с ними узами кровавой клятвы старовенгерской знати.

Итак, права венгров, венгерского королевского дома и старовенгерской знати на Паннонию зиждятся, по убеждению «Анонима», на двух непоколебимых основаниях: на праве родового наследства и на праве завоевания (хроника насыщена картинами военных столкновений в борьбе за территорию Венгрии). Интересно, что при описании завоевания Трансильвании Тетенем «Аноним» ничего не говорит

о наследственных по Аттиле правах на нее венгерского королевского дома [59], а вымышленного вождя или князя влахов Гелу именует князем Трансильвании [60].

Доказав таким образом неоспоримость прав венгров на завоеванную ими территорию, венгерский «Аноним» одновременно провозглашает и обосновывает идею венгерского государственного суверенитета, независимости Венгерского королевства, ибо венгры — потомки скифов, никогда не подчинявшихся власти каких-либо императоров. Эта ссылка на независимость от императоров тем более важна, что она как бы прямо согласуется с ярко выраженной антинемецкой и антивизантийской направленностью хроники. За спиной противников венгров в Подунавье, по «Анониму», стоит византийский император, германский император трактуется как враг венгров [61].

Хроника венгерского «Анонима», защитника сословных привилегий старовенгерской знати, является интереснейшим памятником, характеризующим государственную, державную идеологию раннефеодальной Венгрии, политические взгляды старовенгерской знати, бывшей решительным противником имперской универсалистской программы как Германской, так и Византийской империи.

От анализа политической программы венгерского «Анонима», обусловившей яркую тенденциозность и острую публицистичность его сочинения, нам предстоит теперь перейти к вопросу о «римлянах».

Итак, кто такие «римляне» венгерского «Анонима»?

В связи с этим вернемся к Аттиле и судьбе его паннонских владений. Основания для суждений дают приводимые в хронике речи русских князей, советовавших венгерским вождям поселиться в Паннонии. Земля эта, по словам русских князей [62], принадлежала первоначально Аттиле, однако «после смерти короля Аттилы римляне назвали землю Паннонии своим пастбищем, так как их стада паслись в Паннонской земле. И землю Паннонии по праву называют пастбищем римлян, ибо до сих пор (т. е. до прихода венгров. — *В. К.*) римляне пользуются богатствами Венгрии» [63]. Так пишет «Аноним» в 9-й главе своей хроники, в 11-й он снова возвращается к этому же сюжету [64].

Данные венгерского «Анонима» о Паннонии как римском пастбище («Pascua Romanorum») восходят, как полагают, к протографу венгерских хроник середины XI в. [65] «Аноним» истолковал их в том смысле, что после смерти Аттилы римляне вновь овладели Паннонией или частью ее, как овладели частью наследства Аттилы великий болгар-

ский хан [66] и чешский князь [67]. Но если венграм удалось одолеть Салана, потомка хана Кеана, отнять у чехов область между Вагом, Гроном до Дуная и Моравы, то они должны были, разумеется, изгнать и римлян. Логика венгерского «Анонима» вела именно по этому пути, в чем полностью убеждает нас 46-я глава его хроники. В ней рассказывается о паническом бегстве римлян при вести о переходе Арпадом Дуная: «И услышав об этом, все римляне, жившие в земле Паннонии, спасли свои жизни бегством. На другой же день вождь Арпад и все его вельможи со всеми воинами Венгрии вступили в столицу короля Аттилы и увидели все королевские дворцы, частью разрушенные до основания, частью нет, и были безмерно восхищены всеми этими каменными сооружениями, и сказать нельзя, как возрадовались, что оказались достойными того, чтобы без боя взять город короля Аттилы, из рода которого произошел вождь Арпад» [68].

Если к этому рассказу «Анонима» прибавить его повествование об осаде Безпрема, в результате которой, по его словам, были изгнаны из страны остатки «римлян», «ради спасения жизни поспешивших в землю тевтонов» [69], то всякие сомнения в том, что под именем «римлян» наш хронист понимал именно римлян-потомков древних римлян, захвативших после Аттилы Паннонию, отпадут сами собой. «Римляне» здесь слишком отчетливо противопоставлены немцам-тевтонам, чтобы видеть в них романо-германцев, подданных Германской империи. Однако это и не пастушеское население, ибо римляне, по «Анониму», обитают в городах, даже в бывшей столице Аттилы. Изгнание их и вступление в города Аттилы — величайшее событие, отмечаемое многодневными пирами [70].

Нельзя забывать, однако, что весь этот сюжет с изгнанием римлян всего лишь логическая конструкция венгерского «Анонима». Делать на ее основании вывод о сохранении в Паннонии до венгерского завоевания оседлого романизированного населения нельзя. Решение этого вопроса должно строиться на базе других источников.

Но вымышленные хронистом потомки древних римлян всего лишь одно значение термина «римляне» в хронике венгерского «Анонима». Достаточно внимательно вчитаться в приведенную выше цитату из его сочинения, в которой Паннония характеризуется как пастбище римлян, земля, где паслись их стада, чтобы сразу же встала перед глазами картина пастушеского быта, свойственного тогда, согласно всем источникам, именно волошскому населению Юго-Восточной Европы [71]. О том, что в распоряжении венгерско-

го хрониста были только сведения о пастушеском романизированном населении (из них он сконструировал теорию о древних римлянах в Паннонии после Аттилы и об изгнании их потомков венграми), еще более отчетливо свидетельствует другое место его хроники. Речь опять ведется от имени русских князей, убеждающих венгров переселиться в Паннонию. Русские князья говорили будто бы, что Паннония «первоначально принадлежала королю Аттиле и что после его смерти князья римлян захватили землю Паннонии до Дуная, где поселили своих пастухов»[72]. В том, что пастухи эти — волошское романизированное население, едва ли могут быть сомнения. Именно так понимал этот термин венгерский хроникер XIII в. Шимон Кезаи[73]. В таком случае вполне естественно в князьях римлян видеть волошских кнезов[74].

Так вскрывается (независимо от воли автора) второе, объективно соответствующее данным хроники понимание термина «римляне»: романизированное пастушеское население Паннонии. Это толкование соответствует уже не умозрительной историографической схеме венгерского «Анонима» (ей оно, наоборот, прямо противоречит), а, очевидно, использованным им более ранним источникам.

Выше уже говорилось, что сообщения венгерского «Анонима» о Паннонии как о римском пастбище есть основания возводить к «Прагесте» середины XI в. Но признание этого означает, что к протографу венгерских хроник должны по логике вещей восходить и сведения «Анонима» о стадах римлян и их пастухах. Иными словами, сам термин «pastores Romanorum», означающий романизированное пастушеское население, так или иначе должен восходить к «Прагесте».

Последнее наблюдение представляется особенно важным. Оно позволяет по-иному взглянуть на вызвавшее столь оживленные споры в историографии место в хронике венгерского «Анонима» о довенгерском населении Среднего Подунавья. Эти земли тогда населяли, по данным «Анонима», «славяне, болгары и влахи, а также пастухи римлян»[75]. Нет оснований полностью отрицать это свидетельство венгерского «Анонима», как делают некоторые исследователи[76], скорее можно с большой долей уверенности предполагать, что оно восходит к «Прагесте».

Оговорка «так или иначе» в данном случае делается не случайно. Относительно уверенно можно предполагать восхождение к «Прагесте» только той части этого текста, которая отвечает русской летописи[77]. Это значит, что в прото-

графе венгерских хроник речь могла идти не обязательно о трех народах, а только о славянах и влахах (волохах русской летописи). Это во-первых. А во-вторых, сам даже сокращенный текст этого сообщения «славяне, волохи, а также римские пастухи» представляется явно непервоначальным, испорченным. В нем без всякой надобности под двумя именами фигурирует один и тот же этнос. Из этого можно сделать два вывода. Либо такое положение возникло в результате ошибки писца и в соответствии с текстом Шимона Кезаи читать его надо следующим образом: «славяне и влахи, которые есть (qui sunt) пастухи римлян». Шимону Кезаи был известен протограф венгерских хроник. Не исключено, что он мог пользоваться и сочинением венгерского «Анонима»[78]. Либо из «Прагесты» «Аноним» мог почерпнуть только термин «пастухи римлян» или просто «пастухи». Термин «влахи» мог быть заимствован им из другого источника (устного или письменного) и чисто механически соединен с первым. Судя по его описаниям Паннонии как пастбища римлян, от которых он затем перешел к римлянам из города короля Аттилы, наш хронист не слишком заботился о том, чтобы путем тщательного редактирования связать в своем сочинении концы с концами. Впрочем, это не столь уже странное для средневекового летописца и хроникера обыкновение. На механическое соединение двух этнонимов указывает как будто бы и само написание (неогласовка) имени влахов — Blahii. В нем можно видеть воздействие не венгерской, а византийской традиции[79].

Как бы то ни было, анализируемый нами источник дает полное право полагать, что в нем под именем влахов, «римских пастухов» и «римлян» следует понимать одно и то же пастушеское романизированное население Среднего Подунавья. А тот факт, что по крайней мере два из этих названий «римляне» и «римские пастухи» — могут быть с большой долей вероятности возведены к источнику середины XI в., поможет в дальнейшем поставить в качестве самостоятельной проблему этнического самосознания волохов уже в эпоху раннего средневековья. Нужно учитывать при этом, что развитость этнического самосознания зависит не только от прочности контактов внутри этноса (подвижный пастушеский быт обеспечивал такие контакты), но и предполагает определенную прочность общественно-политической организации этноса. Ее возглавляли волошские кнезы.

Проведенное исследование хроники венгерского «Анонима» позволяет сделать следующие выводы.

Хроника «Анонима» — отнюдь не «романтическая геста»

и тем более не «рыцарский роман». Сочинение «Анонима» является интереснейшим документом венгерской политической мысли XII—начала XIII в. Это остропублицистическое, историко-политическое произведение, формирующее сословную и внешнеполитическую программу старовенгерской знати. Защищая свои особые сословные привилегии в Венгерском королевстве, знать эта вместе с тем выступала за государственную независимость Венгрии, была противницей универсалистских имперских тенденций в политике Германской империи и Византии.

Этноним «римляне» в хронике венгерского «Анонима» имеет два значения. Под этим именем скрываются как потомки древних римлян — жители городов, так и пастушеское романизированное население. Первое значение этнонима «римляне» является плодом чисто логической историографической схемы автора хроники. Сочинение венгерского «Анонима» не содержит реальных сведений об оседлом романизированном населении в Паннонии.

Под именем влахов, «римских пастухов» и «римлян» в хронике «Анонима» фигурирует одно и то же романизированное волошское население.

По крайней мере два из этих названий — «римляне» и «пастухи римлян», — по-видимому, восходят к протографу венгерских хроник середины XI в. Если это предположение правильно, то тем самым реконструируется наиболее раннее, предшествующее русской летописи, письменно зафиксированное упоминание о волошском населении в Среднем Подунавье.

В заключение следует заметить, что пастушеское романизированное население, видимо, было оттеснено кочевниками-венграми из Паннонской низменности. Об этом свидетельствует летопись [80]. О влахах как о народе, живущем в горах, говорит в XIII в. Шимон Кезаи [81]. Иной была судьба покоренного славянского населения. Оно в основном осталось на месте.

Видеть в этом случайное стечение обстоятельств, по-видимому, невозможно. Дело здесь в другом — в типе волошского хозяйства. Кочевой быт, как свидетельствует об этом пример Аварской орды [82], мог сочетаться с наличием в каганате оседлого земледельческого населения. Земледелие как бы дополняло кочевое скотоводство. Оно даже могло быть хозяйственной основой возникшего в результате кочевнического завоевания политического объединения. Возможно, первоначально симбиоз кочевого скотоводства и пахотного земледелия стал возникать у венгров еще в пределах

Хазарского каганата[83], что могло существенно облегчить условия сосуществования славян и венгров в рамках одной государственности. Надо думать, что подобного симбиоза, устойчивого сосуществования с пастушеским типом хозяйства, кочевой быт не допускал. Именно поэтому более слабое в военном и политическом отношении пастушеское население было оттеснено в горы и на продолжительное время исчезло из поля зрения средневековых авторов.

[1] Подробнее разбор соответствующих текстов Повести временных лет и венгерского «Анонима» см.: *Королюк В. Д.* Волохи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971; *Он же.* Волохи и славяне Повести временных лет.— ССл., 1971, № 4; *Он же.* К вопросу о месте известий о волохах в «Повести временных лет».— ССл., 1972, № 1.

[2] Nicetae Choniatae Historia/Ed. I. Bekker. Bonn, 1835, p. 171.

[3] См.: *Литаврин Г. Г.* Влахи византийских источников X—XIII вв.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. После этой работы попытки иного толкования показаний Никиты Хониата (см.: *Шушарин В. П.* Этническая история Восточного Прикарпатья в IX—XII вв.— В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 174—176) не представляются научно актуальными.

[4] *Королюк В. Д.* Волохи и славяне «Повести временных лет», с. 53.

[5] *Györffy Gy.* Formation d'états au IX-e siècle suivante «Gesta Hungarorum» du Notaire Anonyme.— Nouvelles études historiques, Bp., 1965, vol. 1, p. 36, 49.

[6] Ibid., p. 45—46, 49.

[7] «Deinde Lotoringiam et Alemanniam devastaverunt, Francos quoque orientales in cofinio Franconie et Bauarie multis militibus eorum cesis ictibus sagittarum in turpem fugam converterunt... in Hungariam reversi sunt» (SRH, vol. I, p. 108—109).

[8] Ibid., p. 110, 112.

[9] Ibid., p. 56, 97, 99, 111—113.

[10] Ibid., p. 56.

[11] Ibid., p. 111—112.

[12] Ibid., p. 109.

[13] Ibid., p. 108, 110, 112.

[14] Ibid., p. 89, 107, 112.

[15] Ibid., p. 107.

[16] Ibid., p. 70, 81, 90—91.

[17] Ibid., p. 80—83, 86, 91, 113.

[18] Ibid., p. 80.

[19] Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность чехословацким археологам И. Поулику и З. Кланице, ознакомившим меня с результатами своих последних исследований в области развития материальной культуры в Моравии в так называемую аварскую эпоху; ср.: *Klanica Z.* Vorgrossmährische Siedlung in Mikulčice und ihre Beziehungen zum Karpatenbecken.— Študijné zvesti Archeologického ústavu SAV, 1968, t. 16, s. 131—132.

[20] *Шушарин В. П.* Русско-венгерские отношения в IX в.— В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 132; ср.: История Венгрии. М., 1971, т. 1, с. 282.

[21] Подробнее о «Gesta Ungarorum» и их источниках см.: *Deér J.* Quis fuerit fons primigenius Gestarum Chronicorumque Hungaricorum medii aevi ex saeculo XI-e oriundus at post deperditus.— In: SRH, vol. I, p. 3—11.

[22] Соответствующие указания на них имеются в издании венгерского «Анонима» 1937 г., см.: SRH, vol. I, p. 33—117.

[23] Подробнее об источниках венгерского «Анонима» см.: *Györffy Gy.* Formation...; *Шушарин В. П.* Русско-венгерские отношения..., с. 144—147; История Венгрии, т. 1, с. 282—284.

[24] «Et si tam nobilissima gens Hungarie primordia sue generationis et fortia queque facta sua ex falsis fabulis rusticorum vel a garrulo cantu ioculatorum quasi sompniando audiret valde indecorum et satis indecens esset» (SRH, vol. I, p. 33—34).

[25] «Felix igitur Hungaris, cui sunt dona data varia, omnibus enim horis gaudebat de munere sui litteratoris, quia exordium genealogie regum suorum et nobilium habet...» (Ibid., p. 34).

[26] История Венгрии, т. 1, с. 105—106, 108.

[27] Там же, с. 116.

[28] *Łowmiański H.* Początki Polski. W., 1970, t. IV, s. 392—393.

[29] История Венгрии, т. 1, с. 105.

[30] Там же.

[31] «...Tunc dux Almus inito consilio cum suis, sic legatos remisit Ruthenorum, ut duces et primates sui filios suos in obsides darent, tributumque annuatim persolverent decem milia marcarum et insuper victum vestitum et alia necessaria. Duces vero Ruthenorum, licet non sponte, tamen hec omnia Almo duci concesserunt» (SRH, vol. I, p. 45; ср. p. 80 etc.).

[32] *Шушарин В. П.* Русско-венгерские отношения...

[33] «Nam mens Hungarorum tunc tempore nichil aliud optabat nisi occurare sibi terras et subiugare nationes et bellico uti labore» (SRH, vol. I, p. 91).

[34] «Sed quidam dicunt eos ivisse usque ad Constantinopolem et portam auream Constantinopolis Botondium cum dolabro suo incidisse. Sed ego, quia in nullo codice hystoriographorum inveni nisi ex falsis fabulis rusticorum audivi, ideo ad presens opus scribere non proposui» (Ibid., p. 87).

[35] *Györffy Gy.* Formation...; Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения.., с. 135—137; История Венгрии, т. 1, с. 282—283.

[36] На это обстоятельство правильно обратил особое внимание Д. Дьерффи, см.: *Györffy Gy.* Formation..., p. 28, 40.

[37] «Qui... viderunt habitatores illius provincie Sclauos et Boemos eis obsistere cum adiutorio ducis Boemorum, quia mortuo Athila rege terram, que iacet inter Wag et Gron a Danubio usque ad fluvium Moroua, dux Boemorum sibi preoccupaverat et in unum ducatum fecerat et tunc tempore per gratiam ducis Boemorum dux Nitriensis factus erat Zubur» (SRH, vol. I, p. 27; ср. p. 76, 78).

[38] См. рассказы о завоеваниях великого хана Кеана: Ibid., p. 48, 51.

[39] *Györffy Gy.* Formation..., p. 51; История Венгрии, т. 1, с. 282.

[40] *Łowmiański H.* Początki..., s. 393.

[41] Подробнее об этом см.: *Литаврин Г. Г.* Влахи...

[42] «...et habitatores terre illius viliores homines essent tocius mundi, quia essent Blasii et Sclaui, quia alia arma non haberent, nisi arcum et sagittas...» (SRH, vol. I, p. 66).

[43] В случае положительного его решения придется признать, что в летописном тексте под 898 г. (не в историко-географическом введении к «Повести»): «Седяху бо ту (в Подунавье.— *В. К.*) преже словени,

и волохове прияша землю словеньску» (ПВЛ, ч. 1, с. 21) — произошла контаминация двух событий — ученым образом конструируемого в источнике предполагаемого покорения славян Римом и реальной попытки волошской знати основать собственные славяно-волошские политические образования в канун венгерского вторжения.

44 *Györffy Gy.* Formation.., p. 29.

45 Лучше всего свидетельствует об этом текст скрепленной кровью присяги, данной взаимно избранным семи венгерским вождям (Hetumoger) потомственным вождем и повелителем венгров Альмошем и самими этими вождями Альмошу. «Аноним» приводит 5 пунктов этой присяги, см.: SRH, vol. I, p. 40—41.

46 *Györffy Gy.* Formation..., p. 30; История Венгрии, т. 1, с. 283.

47 История Венгрии, т. 1, с. 103.

48 Там же, с. 275.

49 SRH, vol. I, p. 34.

50 Венгерский «Аноним» знал, что Аттилу называли «бичем божьим»: ...«Atthile regis, qui flagellum dei dicebatur...» (Ibid., p. 61).

51 Ibid., p. 36.

52 «Scithica enim gens a nullo imperatore fuit subiugata» (Ibid., p. 36).

53 «...Cum valida manu in terram Pannonie venit et fugatis Romanis regnum obtinuit...» (Ibid., p. 35).

54 «Longo autem post tempore de progenie eiusdem regis Magog descendit Vgek pater Almi ducis, a que reges et duces Hungarie originem duxerunt» (Ibid., p. 35).

55 «Gens itaque Hungarorum fortissima et bellorum laboribus potentissima... de gente Scithica... duxit originem» (Ibid., p. 39).

56 Показательно, что это положение автор формулирует в связи с принятием венгерской знатью решения двинуться в Паннонию: «Tunc elegere sibi querere terram Pannonie, quam audieverant fama volante terram Athile regis esse, de cuius progenie dux Almus pater Arpad descenderat» (Ibid., p. 40). В дальнейшем Альмош и Арпад постоянно фигурируют в хронике как потомки гуннского владыки, см.: Ibid., p. 42, 51, 59, 61, 75, 81, 94.

57 «Licet preavus meus, potentissimus rex Athila habuerit terram, que iacet inter Danubium et Thysciam usque ad confinium Bulgarorum...» (Ibid., p. 53—54).

58 Ibid., p. 42.

59 Ibid., p. 65—69.

60 «Gelou vero dux Ultrasiluanus...» (Ibid., p. 66—67).

61 Особенно показательны для оценки венгеро-немецких отношений «Анонимом» последние главы его хроники, см.: Ibid., p. 110—114.

62 Само собой разумеется, что речи русских князей неаутентичны, они всего лишь плод литературного творчества хроникера.

63 «Quia post mortem Athile regis terram Pannonie Romani dicebant pascua esse eo, quod greges eorum in terra Pannonie pascebantur. Et iure terra Pannonie pascua Romanorum esse dicebatur, nam et modo Romani pascuntur de bonis Hungarie» (Ibid., p. 46).

64 Ibid., p. 48.

65 *Györffy Gy.* Formation..., p. 35.

66 SRH, vol. I, p. 51.

67 Ibid., p. 71.

68 «Et hoc audito omnes Romani per terram Pannonie habitantes vitam fuga servaverunt. Secundo autem die dux Arpad et omnes sui primates cum omnibus militibus Hungarie intraverunt in civitatem Atthile regis et viderunt omnia palatia regalia quedam destructa usque ad fundamentum, quedam non, et admirabantur ultra modum omnia illa edificia lapidea et facti sunt leti ultra, quam dici potest, eo quod capere me-

ruerunt sine bello civitatem Atthile regis, ex cuius progenie dux Arpad descenderat...» (Ibid., p. 94).

[69] «Reliqui vero Romanorum videntes audaciam Hungarorum dimisso castro Bezprem fuga lapsi sunt et pro remedio vite in terram Theotonicorum properaverunt...» (Ibid., p. 97).

[70] Ibid., p. 94.

[71] *Gýoni M.* La tranhumance de Vlaques balkaniques au Moyen Age.— Byzantinoslavica, 1951, r. XII, p. 29—42; Симпозијум о средњовјековном катуну. Сарајево, 1963.

[72] «...Terra illa... etiam primo fuisset terra Athile regis et mortuo illo preoccupassent Romani principes terram Pannonie usque ad Danubium, ubi collocavissent pastores suos» (SRH, vol. I, p. 48).

[73] «...Blackis, qui ipsorum fuere pastores et coloni...» (Ibid., p. 157). Кочевниками называла влахов Анна Комнина: *Комнина А.* Алексиада. М., 1965, с. 232.

[74] Ср. аналогичное толкование этого места: *Györffy Gy.* Formation..., p. 36.

[75] «...Quam terram habitarent Sclaui, Bulgarii et Blachii ac pastores Romanorum» (SRH, vol. I, p. 45).

[76] *Györffy Gy.* Formation...; История Венгрии, т. 1, с. 103.

[77] *Королюк В. Д.* Волохи и славяне русской летописи, с. 19.

[78] История Венгрии, т. 1, с. 277, 284.

[79] Д. Дьерффи предполагает здесь воздействие южнославянской традиции: *Györffy Gy.* Formation..., p. 45.

[80] «По сем же угри прогнаша волъхи и наследиша землю ту...» (ПВЛ, ч. 1, с. 21).

[81] SRH, vol. 1, p. 162.

[82] *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. 2-е изд. М., 1953, с. 185—204.

[83] *Барта А.* Восточная Европа и раннее средневековье Венгрии до середины XI века.— Nouvelles études historiques, Bp., 1965, vol. 1, p. 20.

К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв. *

До недавнего времени не вызывавший среди подавляющего большинства историков-славистов серьезных разногласий, казалось бы, даже само собой разумеющийся тезис, что славянским народам и в далеком прошлом было свойственно сознание их исторической общности [1], в самые последние годы оказался предметом довольно оживленной дискуссии. С решительной критикой этого тезиса, в определенной мере находящегося в противоречии со схемой двух изолированных — западнолатинского и византийского — кругов европейской цивилизации, выступили западногерманские историки. Тезис этот, по их мнению, не имеет опоры в источниках и не соответствует реальным историческим условиям развития славянских народов в период раннего средневековья. Очень четко такая точка зрения сформулирована

* Текст публикуется с некоторыми сокращениями.

М. Хелманном, считающим, что в средние века невозможно обнаружить даже «следов проявления чувства славянской общности»[2]. Аналогичную позицию занимает и американский историк Д. В. А. Файн. Критикуя высказанную мною мысль, что сознание единства происхождения славянских народов было в ту эпоху (речь идет о событиях XI—XII вв. — *В. К.*) важным элементом их национального, народного самосознания[3], он не только считает ее ошибочной, ссылаясь на то, что отношения между раннефеодальными славянскими государствами были чаще скорее враждебными, чем дружественными, но и пытается представить ее панславистской. Мой американский рецензент, полагающий, что приведенная выше формулировка свидетельствует о стремлении нарисовать «картину панславянской общности» (picture of a Pan-Slavic community)[4], вольно или невольно допускает при этом передержку, пользуясь как синонимами понятиями «панславизм» и «славянская общность». Синонимами эти термины не были даже и в XIX в., когда действительно сформировался панславизм как четко выраженное реакционное общественно-политическое течение, отражающее интересы определенных политических кругов российского класса помещиков. Тем более нет оснований допускать такое смешение понятий для эпохи раннего средневековья. Общественная жизнь в ту пору, само собой разумеется, не могла породить такие по своему существу буржуазно-националистические, характерные именно для отставших в XIX в. в своем общем историческом развитии стран Восточной и Центральной Европы, политические течения, как пангерманизм и панславизм.

Что же касается конфликтов между раннефеодальными славянскими государствами, о которых говорит Файн, то факт этот общеизвестен. Формулируя свою точку зрения на проблему славянского самосознания в эпоху раннего средневековья, я отнюдь не отвлекался от анализа политических противоречий в славянском мире, как это легко можно увидеть, ознакомившись с моими исследованиями. Более того, именно учет этих конфликтов, как и исследование общего политического развития стран Центральной и Восточной Европы в X—XI вв., побудил меня подчеркнуть, что «сознание единства происхождения и языковая близость славян не заслоняли от современников факты их самостоятельного национального существования»[5]. «Несмотря на родство и ярко выраженную тогда общность культуры всех славянских народов, — подчеркивал я, — анализ политического развития восточного и западного славянства приво-

дит к выводу, что главным, направляющим процессом в это время был процесс образования в основном этнически однородных раннефеодальных государств»[6].

Итак, не некая трансплантированная в X—XII вв. мессианистическая славянская идея или панславистская идеология XIX в., а сознание общности происхождения и языкового родства — вот о чем конкретно идет речь, когда встает вопрос о славянском самосознании у славянских народов X—XII вв. Что касается культурной общности, то имеется в виду, конечно, общность неоднократно отмеченной археологическими исследованиями материальной культуры[7], что не исключает, впрочем, заметной специфики развития материальной культуры в отдельных славянских землях. Такая трактовка культурной общности, естественно, отнюдь не воспроизводит характерную для славяноведения XIX в. романтическую трактовку культурной общности славянских народов, которую современный чехословацкий исследователь Л. Гавлик вполне правильно определяет как научную фикцию[8].

Из работ, посвященных этой проблематике, особого внимания заслуживают исследования Ф. Грауса. Пересмотр взглядов на характер славянского самосознания как общественно-культурного фактора в средние века тесно связан в работах Грауса с пересмотром значения великоморавской традиции для развития средневековой чешской государственности. Отрицая сколько-нибудь серьезную роль великоморавской государственной и культурной традиции для процесса формирования раннефеодальной чешской государственности и не видя в славянской письменности X в. никакого существенного культурного или политического фактора в жизни чешского общества[9], Граус на основе анализа позднеантичных и раннесредневековых упоминаний о славянах приходит к выводу, что традиция единства происхождения и родства славянских народов — явление относительно позднее, не коренящееся в историческом развитии самих славянских народов, а выросшее на основе средневековой (неславянской) образованности. Это своеобразная ученая схема, свойственная средневековому образу мышления[10]...

Нетрудно заметить, что выраженный таким образом тезис о происхождении славянского самосознания в раннесредневековом славянском обществе находится в остром противоречии с установившейся в советской и зарубежной историографии точкой зрения, исходящей из того, что сознание общности происхождения было свойственно славянским

народам уже на очень ранних ступенях их развития. На этой точке зрения, хотя, может быть, и не формулируя ее достаточно четко и определенно, как не сформулировал в свое время ее и я, стоит большинство наших историков-славистов. В очень определенной форме высказал ее польский славист Г. Лабуда, а до него советский историк М. Н. Тихомиров [11]. В задачи настоящего сообщения и входит попытка разобраться в том, насколько обоснованной можно считать новую трактовку вопроса о происхождении у славянских народов славянского самосознания в новейших трудах части чехословацких ученых. Логика исследования подсказывает, что начинать следует с анализа позднеантичной и раннесредневековой литературной традиции.

Уже античные источники (Тацит — в I в. н. э., Птолемей — во II в. н. э.) упоминают славян как целое под общим именем венедов. В дальнейшем это общее для славян наименование прочнее сохранилось на Западе, в то время как в пределах Восточной Римской, а затем Византийской империи очень быстро распространилось другое — славяне, о чем свидетельствуют сочинения Прокопия Кесарийского, Иордана, Иоанна Эфесского, Феофилакта Симокатты и др. При этом необходимо отметить, что позднеантичная и раннесредневековая византийская традиции дают все основания полагать, что уже в то время на Юго-Востоке Европы прекрасно отдавали себе отчет в том, что славяне — собирательное наименование, означающее некую широкую этническую общность, охватывающую множество более мелких этнических единиц. Особенно важны в этом отношении показания жившего в Византии готского историка Иордана. Определяя местоположение поселений венедов, которых он помещает к востоку от Вислы, Иордан замечает: «Хотя их (венедов.— *В. К.*) наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же они преимущественно называются славянами и антами» [12]. В другом месте своего труда готский историк VI в., вновь возвращаясь к венедам, подчеркивает общность их происхождения: «Эти (венеты)... происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов» [13].

То обстоятельство, что такое общее наименование, как венеды, а затем славяне, могло распространиться в соответствии с уровнем географических и этнографических знаний, а порой и просто по традиции на племена неславянского корня, равно как и появление самих славян в византийских источниках под другими традиционными именами, например под именем скифов, ни в какой мере не может по-

колебать того факта, что в VI в. в Византии существовало твердое понятие о славянах как широкой этнической общности.

Аналогичное понятие славянской общности сложилось и на Западе, в пределах Франкской, а впоследствии в Немецкой империи, где постепенно в течение VII—IX вв. тоже получил более широкое распространение термин славяне, оттесняя старое название венеды. Может быть, лучшим доказательством тому могут служить свидетельства биографа Карла Великого Эйнгарда, знавшего, что под славянами понимаются многие народы, различающиеся между собой обычаями и образом жизни [14].

Для целей настоящего сообщения не менее важны, пожалуй, рассказы о славянах арабских источников, тем более что арабские путешественники и торговцы имели контакты как с восточным, так и с южным и западным славянством.

Можно считать установленным, что в сочинениях арабских писателей термин «as-Sakālib» означает прежде всего народы славянского происхождения и никогда не употребляется таким образом, чтобы славяне оказывались вне определенного этим термином географического или этнического понятия [15]. Расширительное употребление этого термина, как и в случае с византийскими авторами, разумеется, не меняет дела. Однако арабским источникам известно не только о славянах как этническом целом, но они сохранили и легенды о бывшем прежде политическом единстве славян. Автор «Золотых лугов», географического трактата начала X в., Масуди не только утверждает: «Если бы славяне не были так раздроблены и если бы между отдельными их племенами было менее несогласия, то ни один народ в мире не в состоянии был бы им противиться» [16], — но и вспоминает о том, что некогда одно из славянских племен (валинана) господствовало над другими и что во главе этого объединения стоял верховный царь Маджак. Не менее, если не более, важно сообщение такого хорошо информированного автора, побывавшего в 60-е годы X в. в Центральной Европе, в том числе в Чехии и у бодричей, как Ибрагим ибн-Якуб [17] — арабский купец и дипломат еврейского происхождения. Вот что он пишет о славянах: «Образуют они многочисленные, отличающиеся друг от друга племена. В прошлом их объединял вместе какой-то король, носивший титул Māhā. Он происходил из одного их племени, называемого велитаб, и это племя в очень большом почете у них. Потом они поссорились между собой, так что пропал

у них порядок, а их племена образовали особые объединения, и каждым племенем стал править особый король[18]». Далее идет подробная характеристика Бодрицкого княжества, Чехии, Польши и Болгарии.

Итак, нет никакого сомнения в том, что в окружающем славян мире в VI—X вв. существовало вполне определенное понятие о них как о широкой этнической общности, основанной, разумеется, на единстве происхождения и языковом родстве. В качестве термина, означающего эту общность, укоренилось в конце концов всюду — и в сочинениях византийских писателей и арабских географов, и в анналах и хрониках франкского и немецкого происхождения — коренное этническое наименование «славяне», хорошо известное всем трем ветвям славянского этноса. Последнему обстоятельству очень большое значение придавал М. Н. Тихомиров[19]. Напомним к тому же, что некоторые сочинения иностранцев сообщают сведения и о некогда существовавшем политическом единстве славян.

Вместе с тем характерной чертой византийских, арабских, франкских и немецких известий о славянах является указание на их политическую раздробленность, отличия в общественном быте и обычаях. Такое ясное представление о множественности славянских племен и народов, об их политической обособленности и различиях в общественном строе и образе жизни вполне отвечает всему тому, что известно о славянах на основании как более поздних письменных, так и современных археологических источников. Оно отражает важнейшие процессы, происходившие тогда в славянском мире, — процессы зарождения и формирования раннефеодальной государственности и образования самостоятельных славянских народностей на всей славянской территории, включая и территорию полабо-прибалтийских славян, о чем мне уже неоднократно приходилось писать[20].

Но если в византийской, арабской и франко-немецкой письменной традиции существовало определенное понятие славянской общности, естественно возникает вопрос, каким образом вопреки реальной политической и отчасти культурной и этнической неоднородности славянского мира оно могло возникнуть? Поскольку сами источники не дают ответа на этот вопрос, возникает логическая возможность неоднозначного его решения. Во-первых, можно предположить, что понятие славянской общности сложилось в неславянской литературной традиции на основе многочисленных и разнообразных контактов и наблюдений над славянами, путем синтеза конкретных знаний о славянском мире

с библейскими представлениями о происхождении народов. И тогда понятие славянской общности, т. е. единства происхождения славян и родства славянских языков, окажется прежде всего логической научной комбинацией, филологической по преимуществу. Более того, можно будет настаивать на том, что понятие славянской общности возникло прежде всего вне славянского мира, а у славян оно появилось только как вторичное, трансплантированное им или усвоенное ими понятие, а следовательно, нет нужды и придавать этому фактору сколько-нибудь существенного значения в процессе формирования национального самосознания славянских народов в раннем средневековье. Именно на такой точке зрения стоят названные выше чехословацкие историки.

Во-вторых, вполне закономерно предположение, что понятие славянской общности в том виде, в каком оно определено выше, было усвоено окружающим славян миром из славянской среды, в которой сохранились представления об общем происхождении и в которой были широко распространены в качестве самосознания термины «славяне», «славянский язык».

И наконец, нельзя исключать третьего решения вопроса: понятие славянской общности в неславянской, прежде всего византийской и арабской, письменности могло сформироваться в результате синтеза существовавших у славян, известных их соседям прямо или через посредников (показательна в этом смысле готская традиция Иордана) исторических преданий об общности происхождения славянских племен и народов с конкретными наблюдениями путешественников-купцов, военных и политиков над языком и обычаями славян и диктуемыми Библией представлениями об единстве происхождения человеческого рода.

Для того чтобы избрать одно из сформулированных таким образом решений, необходимо, думается, обратиться к соответствующим показаниям источников славянского происхождения. К сожалению, славянские памятники письменности возникли позже основных разобранных выше источников иностранных. Но это обстоятельство ни в коем случае не может предрешить решения вопроса в пользу первого варианта, отстаиваемого Ф. Граусом.

Если оставить в стороне в силу их очень тесной связи с византийской образованностью Паннонские легенды, то по тем же причинам следует воздержаться от привлечения славянских житий Вячеслава и Людмилы и легенды так называемого Кристиана, содержащих в связи с рассказом

о богослужении на славянском языке упоминания о славянских странах как едином целом [21]. Помимо того, неясность хронологии Кристиана вообще ослабляет значение показаний этого источника [22].

По-видимому, больший интерес для наших целей могут представить показания Козьмы Пражского, в хронике которого трудно уловить какие-либо признаки большого влияния Кирилло-Мефодиевой проповеди [23]. Писавшего в начале XII в. чешского хрониста нельзя, конечно, упрекать в незнании античной и раннесредневековой традиции. Вся его хроника, особенно вступительные разделы, свидетельствует о большой по тому времени образованности пражского каноника, декана капитула собора св. Вита. Поэтому не было бы ничего удивительного, если бы в его хронике нашел отражение существовавший уже в VI—X вв. на Западе взгляд на славян как на единое по языку и происхождению этническое целое. Козьме Пражскому действительно известны такие понятия, как «славяне», «славянский язык» [24]. Важно подчеркнуть при этом, что «славянский язык» употребляется хронистом отнюдь не в смысле языка богослужения, а как синоним языка чешского, а «славяне» — как синоним чехов. В том, что понятие «славянский язык» и православный обряд со славянским языком богослужения в представлениях Козьмы не одно и то же, убеждает и его пересказ подложной грамоты Иоанна XIII об основании пражской епископии. «Однако ты выбери для этого дела (т. е. для назначения на епископскую кафедру. — *В. К.*), — говорилось будто бы в этой грамоте папы к чешскому князю, — не человека, принадлежащего обряду или секте болгарского или русского народа или славянского языка, но... особо сведущего в латинском языке...» [25]

Прибегая к употреблению терминов «славяне» и «славянский язык» при противопоставлении чехов и немцев, Козьма, однако, не обращается к ним, касаясь характеристики отношений чехов со славянскими народами, хотя из его хроники ясно видно, что он не только всегда отличал от чехов поляков [26], но и противопоставлял Чехию, чешскую страну — Руси, Болгарии, стране лужицких сербов [27] и даже Моравии [28]. Более того, излагая древние предания о появлении в Чехии, которую хронист называет частью Германии [29], конечно, в античном понимании этого географического понятия, первого населения, о происхождении названия Чехия и чехи и, наконец, о местном крестьянском родословии династии Пржемысловцев [30], Козьма вообще не затрагивает темы славянского происхождения чешского народа.

А это уже свидетельствует о многом. Ясно, что «славяне» и «славянский язык» в произведении пражского хрониста не результат усвоения им сложившихся вне славянского мира «ученых» представлений о славянской общности, хотя такие представления, должно быть, были ему известны, а прежде всего отражение самоназвания чешского народа и вместе с тем свидетельство широко распространенного в чешском обществе его времени славянского самосознания. В том, что такое самосознание не было явлением новым, а опиралось на местные традиции, говорит как сама известная всем славянам этнотерминология «славяне», «славянский язык», так и употребление ее чехами в качестве самоназвания. Но, осознавая себя славянином, человеком, говорящим на славянском языке, Козьма прежде всего чувствовал себя чехом, как чувствовали и называли себя чехами его современники. Отсюда его гордое: «Чешская страна стоит, стояла и будет стоять вечно» [31].

Поразительно, что именно такое же соотношение славянского и развивающегося национального самосознания было характерно и для Польши начала XII в., о чем ярко свидетельствует первая польская хроника так называемого Галла Анонима. Галл Аноним тоже постоянно противопоставляет поляков не только чехам [32], русским [33], но и, что особенно важно, поморянам [34]. Порой он не скупится даже на бранные слова. Он не любит чехов и пылает открытой ненавистью, как и положено фанатику-христианину, к язычникам-поморянам. И тем не менее для его хроники в большей мере, чем для хроники Козьмы Пражского, свойственно развитое чувство славянского единства. Не случайно, очевидно, он начинает свой рассказ о подвигах польских государей с характеристики Польши как составной части славянского мира: «Со стороны Аквилона Польша является северной частью земли, населенной славянскими народами», — пишет он. И тут же, говоря о соседях Польши, называет поморян, как и других язычников, «змеиным родом» [35]. Это не мешает, впрочем, ему сразу же перейти к описанию области расселения славян в целом: «Земля славянская... тянется от сарматов, которые называются и гетами, до Дании и Саксонии, от Фракии через Венгрию, некогда захваченную гуннами, называемыми также венграми, спускаясь через Каринтию, кончается у Баварии, на юге же возле Средиземного моря, отклоняясь от Эпира, через Далмацию, Хорватию и Истрию ограничена пределами Адриатического моря и отделяется от Италии там, где находятся Венеция и Аквилея» [36].

Если эта характеристика областей славянского расселения и может быть легко объяснена европейской образованностью автора хроники, который к тому же был, скорее всего, не поляком, а иноземцем, нашедшим приют и службу в Польше [37], то зато следующие затем строки его сочинения, звучащие как гимн богатству, славе и доблести славянских стран, свидетельствуют уже об очень четком и сильном славянском самосознании описываемого им общества. «Страна эта,— восклицает Галл Аноним,— хотя и очень лесиста, однако изобилует золотом и серебром, хлебом и мясом, рыбой и медом, больше всего ей следует отдать предпочтение перед другими народами в том, что она, будучи окружена столькими вышеупомянутыми народами, христианами и язычниками, и подвергаясь нападению с их стороны, действовавшими как вместе, так и в одиночку, никогда, однако, не была никем полностью покорена. Это край, где воздух целителен, пашня плодородна, леса изобилуют медом, воды — рыбой, где воины бесстрашны, крестьяне трудолюбивы, кони выносливы, волы пригодны к пашне, коровы дают много молока, а овцы — шерсти» [38].

Но если нельзя свести эти восторженные отзывы польского хрониста к сухой ученой схеме, привнесенной к тому же извне, то столь же трудно предполагать, что нашедшее в них отражение развитое славянское самосознание польского общества начала XII в. было всего лишь недавно зародившимся явлением. Для того чтобы одушевлявшие польского летописца чувства зазвучали с такой силой и выразительностью, они должны были, очевидно, корениться в прочных, сложившихся традициях. Говорить, что традиции эти могли сложиться только на базе усвоения византийской или немецкой, шире — западноевропейской, образованности в польских условиях, при относительной слабости связей польского общества со странами Западной и Юго-Восточной Европы и непродолжительности культурного воздействия христианской идеологии на польское общество, очевидно, более чем рискованно. Более убедительным кажется предположение, что и в Польше, как и в Чехии, исходным пунктом развития чувства славянской общности были местные традиции, коренящиеся в народных представлениях и народном самоназвании. «Славяне» и «славянский язык», вероятно, и здесь были синонимами «поляки» и «польский родной язык». Кстати, об этом свидетельствуют, как кажется, и слова самого Галла Анонима. Замечая, что Гнезно по-славянски означает гнездо [39], а какие-то миски по-славянски называются «cebri» [40], он, без сомнения, имел

в виду местную польскую речь, так же как в XI в. имелась в виду Адамом Бременским речь бодричей, когда он сообщал о том, что бодрицкий князь Готшалк «сам с ободряющими речами обращался в церкви к народу, а именно желая передать яснее славянскими словами то, что епископами и пресвитерами говорилось туманно»[41]. Думается, что и само название «Славия» или «Славония»[42] для обозначения Бодрицкого княжества было всего лишь латинской передачей местного понятия «славянская земля». Другое дело, что острота славянского самосознания в раннефеодальной Польше (как, впрочем, и у полабо-прибалтийских славян) могла и даже должна была усиливаться остовраждебной и длительной польско-германской конфронтацией. Известную роль могли при этом сыграть и честолюбивые планы Болеслава Храброго основать обширную западнославянскую монархию как часть четырехчленной империи Оттона III под названием «Sclavinia»[43]. Наконец, не могли не способствовать развитию славянского самосознания в Польше и тесное польско-чешское политическое сотрудничество 60—80-х годов X в., активное участие Чехии в христианизации Польши и связанное с этим проникновение в страну сложившихся уже на Западе четких представлений об общности славянского мира.

Иными словами, нашедшее отражение на страницах Галла Анонима развитое общеславянское сознание синтезировалось на основе прежде всего местных традиций, опыта политического развития и в какой-то мере влияния западных представлений о славянах.

Но если славянская идеология Галла Анонима была, таким образом, результатом известного синтеза, то в еще большей мере синтез этот должен быть характерен для Чехии, где так или иначе долго сохранялся славянский язык в богослужении и чувствовались отзвуки просветительской деятельности Кирилла и Мефодия.

Об аналогичном синтезе нужно, очевидно, говорить переходя к проблеме славянского самосознания в Киевской Руси. Замечательным памятником его является труд Нестора, тоже возникший в начале XII в.

«По мнозех же времянех, — пишет летописец, — сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарська, и от тех Словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте, яко пришедше седоша на реце имянем Морава и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася... а се ти же Словени: Хорвате Белии и Серебь и Хорутане. Волхом бо нашедшем на Словене

на Дунайския и седшем в них и насилящем им. Словени же ови пришедше седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне. Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане седоша в лесах, а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи. Инии седоша на Двине и нарекошася Полочане, речьки ради, яже втечеть в Двину, имянем Полота. От сея прозвашася Полочане. Словени же седоша около озеря Илмеря, и прозвашася своим имянем и сделаша град и нарекоша и Новъгород. А друзии седоша по Десне и по Семи и по Суле и нарекошася Север. И тако разидеся словеньский язык тем же и грамота прозвася Словеньская» [44].

Для писателя, задумавшегося над вопросом, «откуда есть пошла руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда руская земля стала есть», такое обращение к славянской праистории, по-видимому, представлялось совершенно необходимым. При этом сознание славянского единства у Нестора, как и в сочинениях Галла Анонима и Козьмы Пражского, нисколько не мешало четкому представлению, что речь идет не об одной, а о группе самостоятельных родственных народностей. Сознание славянского единства не противоречило, не вступало, таким образом, в конфликт с развивающимся на Руси национальным самосознанием. Скорее наоборот. Именно стремление понять себя как особую народность, определить место этой народности в тогдашнем цивилизованном мире, прежде всего в семье народов Европы и Средиземноморья, ответить на вопрос, «откуда есть пошла руская земля», и побуждало обращаться к эпохе, понимаемой как эпоха славянского этнического единства.

Делалось это, разумеется, на уровне тогдашней европейской образованности, в соответствии с библейскими представлениями об единстве человеческого рода. Славяне признавались потомками сына Ноя Иафета: «От сих же 70 и 2 языку бысть язык словенеск, от племени Афетова, нарци, еже суть словене» [45].

Чисто ученой комбинацией была, конечно, и теория Нестора о дунайской прародине славян, теория, сложившаяся не без сильного воздействия Кирилло-Мефодиевой традиции. Однако не только византийская образованность или великоморавская традиция определяли ученую схему Нестора. Разрабатывая свою теорию происхождения славянских народов, русский летописец опирался, по-видимому, и на

изучение реального опыта межславянского общения. Он не только понимал, что широкое понятие «славяне» или «славянский язык» охватывает большую группу славянских народностей, но и внутри формирующихся славянских народностей подчеркивал этнические различия между моравanами и чехами, польскими полянами и мазовшанами. Очевидно, результатом самостоятельных изысканий если не самого Нестора, то его предшественников и современников был взгляд на ляхов как особую ветвь западного славянства. В полном соответствии с современным языкознанием [46] к этой лехитской ветви отнесены им не только поляки, но и поморяне и прибалтийские славяне — лютичи.

В труде Нестора наличествует, таким образом, синтез европейской образованности с образованностью русской, с опытом и наблюдениями русского общества. Но был еще один, третий элемент этого синтеза: коренящееся в народных самоназваниях «славяне» и «славянский язык» древнее народное представление о славянском единстве. О том, что и в Киевской Руси термины «славяне» и «славянский язык» употреблялись в качестве самоназвания, прямо свидетельствуют слова летописца об ильменских славянах, которые «прозвашася своим имянем».

Завершая анализ источников славянского происхождения XII в., приходится констатировать, что проблему развития славянского самосознания, нашедшего отражение в них, оказывается невозможным свести только к проблеме усвоения славянской историографией сложившихся в эпоху раннего средневековья в Европе представлений о единстве происхождения и родстве славянских языков. В выработке этого самосознания участвовала и местная традиция, и собственный исторический опыт политического развития. Особый акцент необходимо при этом ставить, очевидно, на местной традиции, на коренящихся в самих самоназваниях «славянский язык» и «славяне» представлениях о славянском единстве. Политические и экономические связи между славянскими народами в X—XI вв. могли способствовать развитию этих представлений, но не могли обусловить их появление. Экономические контакты не проникли еще глубоко в народную толщу, сами купцы, связанные с внешней торговлей, были еще слишком слабым социальным фактором в обществе для того, чтобы формировать его национальное самосознание (хотя их жизненный опыт и наблюдения и могли, естественно, расширять горизонт образованных слоев раннефеодального польского, чешского или русского обществ), помогать ему формулировать свои пред-

ставления о расселении, языке и быте славянских народов. Очевидно, не купцы были источником славянского самосознания Киевской Руси, Польши и Чехии.

Не более обоснованной представляется и попытка вывести местные славянские традиции из политической идеологии и политического опыта правящих славянских династий и их окружения. Особенно убедительно подтверждает это положение варяжская концепция начала Древнерусского государства, развивавшаяся на Руси как политическая идеология правящего княжеского рода. Ведь именно опираясь на эту явно не соответствующую славянской идеологии, отраженной в труде Нестора, концепцию, русская княжеская династия оправдывала свои права на все русские земли, одновременно используя ее и как орудие упрочения политической независимости Руси. Варяжская концепция как идеология политического единства Руси сосуществовала, но не могла никогда совпасть с имеющей в конечном счете ту же направленность концепцией славянского единства. В условиях конфронтации с Византией или Германской империей концепция славянского единства могла отвечать интересам династий и господствующих классов в Польше и Чехии, она легко совмещалась с концепцией местного происхождения княжеской власти; кровавые польско-немецкие и чешско-немецкие конфликты, как и противостояние Руси и Византии, могли усиливать ее, но не в политическом опыте князей и королей коренились ее первоначальные истоки.

В сочинениях духовных лиц нашли свое отражение славянские представления, существовавшие в X—XII вв. на Руси, в Польше и Чехии. Именно в трудах духовенства и мог только произойти синтез местных славянских традиций с европейской образованностью, но отсюда еще очень далеко до того, чтобы признать духовенство главным или единственным носителем славянской идеологии в эпоху раннего славянского средневековья. Для духовенства главное значение имела вероисповедная общность, которая в ряде случаев заслоняла собой родство этническое. Особенно ярко это сказалось в хронике Галла Анонима при характеристике языческих поморян. Религиозные противоречия способствовали развитию антипольских настроений в среде киевского духовенства во второй половине XI в.[47] Конфликт язычества и христианства на западе славянского мира, церковный раскол XI в., разделивший славян на католиков и православных, — таковы основные факты из области религиозного самосознания, которые вступали в противоречие с традициями славянского единства.

Остается, следовательно, только одно — признать, что славянское самосознание у восточных и западных славян X—XII вв. могло основываться, иметь своим истоком только старые, а потому народные (общенародные) традиции. Трудно сказать, в какой форме эти традиции сложились в предшествующий период истории восточных и западных славян. Здесь только отчасти может помочь такой драгоценный источник, как русская летопись. В ней сохранились следы бытовавших некогда легенд и преданий о древнеславянских передвижениях в Восточной Европе (отсюда и летописная статья о ляшском происхождении радимичей и вятичей) [48], в нее проникла, по-видимому, и западнославянская устная традиция о столкновениях и борьбе славянских и неславянских кочевнических племен [49]. Интересно, что следы аналогичных преданий можно обнаружить и в сочинении Константина Багрянородного. Думается, поэтому, что не будет слишком рискованным предположить, что предания о расселении и передвижениях славян искони были свойственны славянской устной исторической традиции. Издревле, видимо, существовали у славян и самоназвания «славяне» и «славянский язык», т. е. складывались известные у разных групп славянских племен неодинаковые по своему территориальному ареалу представления о славянской общности. Но тем самым решается и поставленный выше вопрос об источниках понятия «славянство» в раннеславянских памятниках. Именно местные представления и были использованы позднеантичными и средневековыми неславянскими писателями для создания ученого понятия «славянство», основанного на синтезе славянских традиций и существовавших тогда общих взглядов на развитие человечества. В XII в. синтез этот на более высоком научном уровне с учетом опыта политического развития IX—XI вв. был повторен в трудах Галла Анонима и особенно Нестора. Синтез этот, несомненно, имел место и в Чехии XI—начале XII в. Анализ хроники Козьмы Пражского уполномачивает только на то, чтобы признать этот синтез в Чехии начала XII в. для формирования государственной идеологии Пржемысловцев менее значительным, чем для формирования государственной идеологии Руси или Польши. Объяснение этому, разумеется, надо искать в конкретных политических условиях развития Чехии в конце XI в. Но это уже особая тема исследования.

Все сказанное выше приводит к выводу, что славянское самосознание не только существовало, но и играло активную роль в национальном развитии восточных и западных

славян в раннефеодальный период их истории. Оно способствовало, а не противоречило в тот период формированию самостоятельного национального самосознания русских, чехов и поляков. Для последних оно являлось важным идеологическим фактором в отпоре начавшемуся германскому феодальному «Дранг нах Остен».

Само собой разумеется, что самосознание это должно было способствовать и развитию политических, экономических и культурных связей между славянскими народами. Но в таком случае не могло ли оно оказать своего воздействия на такие важные явления в жизни тогдашнего славянства, как принятие Русью христианства со славянским языком богослужения, участие Чехии в христианизации Польши, церковнославянские традиции в Чехии X—XI вв., чешские элементы в формировании польской и русской государственной идеологии? Вопросы эти ждут своего решения.

[1] *Bidlo J.* Dějiny Slovanstva. Pr., 1927, s. 8; ср.: *Державин Н. С.* Славяне в древности. М., 1945; Obrysy Slovanstva. Pr., 1948.

[2] *Hellmann M.* Grundfragen slawischer Verfassungsgeschichte des frühen Mittelalters.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1954, Bd. 2, H. 4, S. 403; ср.: *Barnik J.* Deutsch-russische Nachbarschaft. Stuttgart, 1959, S. 154.

[3] *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964, с. 88.

[4] См. рец. на кн.: *Королюк В. Д.* Западные славяне...— Kritika: A review of current soviet books on russian history, 1966, vol. II, N 3, p. 2.

[5] *Королюк В. Д.* Западные славяне..., с. 29.

[6] Там же, с. 337.

[7] *Арциховский А. В.* Культурное единство славян в средние века.— СЭ, 1946, № 1; *Третьяков П. Н.* О происхождении славян.— ВИ, 1953, № 11; *Ляпушкин И. И.* К вопросу о культурном единстве славян.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961 и др.

[8] *Havlík L.* Zapadní Slované a Kyjevska Rus.— Slovanský přehled, 1965, N 6, s. 366, не думаю, что в настоящей связи следовало бы особо подробно оговариваться, что моя точка зрения на проблему славянской культурной общности в древности не имеет методологических основ с историографией прошлого столетия.

[9] *Graus F.* Velkomoravská Říše v české středověké tradici.— ČslČH, 1963, N 3; *Idem.* Slovanská liturgie a písemnictví v Premyslovských Čechách 10. stoleti.— Ibid., 1966, N 4; ср.: *Třeštík D.* Miscelanea k I staroslovanské legendě o sv. Václavu: «Každy kdo povstává proti pánu svému, podoben jets Judási» (Ibid., 1967, N 3).

[10] *Graus F.* Deutsche und slawische Verfassungsgeschichte.— Historische Zeitschrift, 1963, S. 272—277.

[11] *Labuda G.* Fragmenty dziejów Słowiańszczyzny zachodniej. Poznań, 1960. T. 1; *Тихомиров М. Н.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.— В кн.: Славянский сборник. М., 1947, с. 128.

[12] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, с. 71, 72.

[13] Там же, с. 90.

[14] Einhardi. Vita Caroli Magni.— In: MGHSS, t. II, c. 15.
[15] Źrodła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. Wrocław; Kraków, 1956, t. 1, s. 86.
[16] *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 135.
[17] MPH. Nova ser. Kraków, 1946, t. 1, s. 41, 42 (коммент. Т. Ковальского).
[18] Ibid., s. 188.
[19] *Тихомиров М. Н.* Исторические связи..., с. 128.
[20] См.: *Королюк В. Д.* Западные славяне...; *Он же.* Некоторые общие закономерности раннефеодальной истории восточных и западных славян.— КСИС, 1963, № 39; *Он же.* К вопросу о раннефеодальной государственности у полабо-прибалтийских славян.— В кн.: Славяно-германские отношения. М., 1964.
[21] См., например: «Missas preterea ceterasque canonicas horas in ecclesia publica voce resonare statuit, quod et usque hodie in partibus Sclavorum a pluribus agitur, maximeque in Bulgariis, multeque ex hoc anime Christo domino acquiruntur» (*Pekař J.* Die Wencels- und Ludmila-Legenden und die Echtheit Christians. Prag, 1906, S. 89, 90).
[22] *Graus F.* Slovanská liturgie a písemnictví..., s. 490.
[23] Ibid., s. 492.
[24] *Козьма Пражский.* Чешская хроника. М., 1962, с. 66, 68, 113.
[25] Там же, с. 66. Вот как звучит важное для нас место в оригинале хроники: «Non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae aut Sclavonicae linguae» (Cosmae Pragensis Chronica Boemorum. I, 1, c. 22.— In: Fontes Rerum Bohemicarum. Pr., 1876, t. II).
[26] *Козьма Пражский.* Чешская хроника, с. 69, 79, 82, 93, 102, 113, 149 и др.
[27] Там же, с. 66, 114, 153.
[28] Там же, с. 93, 123, 165 и др.
[29] Там же, с. 32.
[30] Там же, с. 33—45.
[31] Там же, с. 97.
[32] *Галл Аноним.* Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961, с. 27, 32, 33, 51, 60, 67, 102, 103 и др.
[33] Там же, с. 27, 33, 37, 39, 51.
[34] Там же, с. 27, 51, 66—68, 71, 89, 90, 94, 98, 102, 104, 110 и др.
[35] Там же, с. 27.
[36] Там же.
[37] См.: *Plezia M.* Kronika Gałła na tle historiografii XII w. Kraków, 1947.
[38] *Галл Аноним.* Хроника..., с. 27, 28.
[39] Там же, с. 28.
[40] Там же, с. 29.
[41] Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum. Hannoverae, 1846, I, III, c. 19.
[42] Ibid., c. 18.
[43] *Королюк В. Д.* Западные славяне..., с. 184—186 и след.
[44] ПСРЛ, т. 1, стб. 5, 6.
[45] Там же, стб. 5.
[46] *Лер-Сплавинский Т.* Польский язык. М., 1954, с. 55.
[47] ПСРЛ, т. 1, стб. 140.
[48] *Королюк В. Д.* Западные славяне..., с. 98.
[49] *Королюк В. Д.* Авары (обры) и дулебы русской летописи.— В кн.: Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ В. Д. КОРОЛЮКА

Настоящая библиография не исчерпывает многочисленных и чрезвычайно разнообразных по жанру, объему, тематике печатных работ В. Д. Королюка. Наиболее полно в ней учтены исторические исследования ученого; чтобы показать диапазон его интересов, включены также книги и статьи В. Д. Королюка, опубликованные в центральной печати и посвященные различным вопросам искусства, в частности искусству западных и южных славян и советскому экслибрису. За пределами библиографии остались статьи В. Д. Королюка, напечатанные без подписи во втором издании Большой советской энциклопедии [1], в десятом томе Советской исторической энциклопедии [2], в различных изданиях Дипломатического словаря [3]; предисловия к художественным альбомам и каталогам выставок экслибрисов; статьи в областных, городских и других газетах; тексты на пригласительных билетах на заседания клуба экслибрисистов и т. п.

Неоценимую помощь составителям оказала Ирина Константиновна Королюк, которая предоставила в их распоряжение личную картотеку работ мужа, позволившую сделать ряд ценных дополнений; И. К. Королюк ознакомила также составителей с редкими изданиями трудов ученого, часть которых отсутствует даже в крупнейших московских библиотеках.

В составлении библиографии принимала участие А. Н. Москаленко.

Книги и статьи, включенные в библиографию, расположены по годам их издания. В пределах года материал дается в алфавите названий авторских работ В. Д. Королюка,

---

[1] Август II Сильный; Август III; Александр Казимирович Ягеллон; Альберт; Альтранштадтский мир 1706; Баторий; Болеслав; Вацлав; Вельгорский; Владислав I Герман; Владислав I Локоток; Владислав II; Войтех (Адальберт); Кревская уния (Кревский акт).

[2] Олесницкий З.; Оливский мир.

[3] Куруковское соглашение, Ольшанское соглашение, Переяславские соглашения (изд. 1961 и 1971 гг.); Лещинский (изд. 1950 и 1961 гг.); Переяславское соглашение 1654 г. (изд. 1950 г.); Польское наследство (изд. 1950, 1961 и 1971 гг.); Сапега (изд. 1950 г.).

после которых перечисляются с соответствующим обозначением работы, редактировавшиеся В. Д. Королюком, подготовленные им к печати и т. д.

Работы, авторство которых установлено по личной картотеке В. Д. Королюка, отмечены звездочкой.

1943

1. Николай Коперник, астроном и патриот.— Славяне, № 6, с. 36.

1944

2. Пять лет кафедры славяноведения Исторического факультета МГУ.— ИЖ, № 10/11, с. 140—141. В конце текста: В. К.*
3. Работа сектора славяноведения Института истории АН СССР (1943—1944 гг.).— ИЖ, № 10/11, с. 139—140. Совм. с Г. Э. Санчуком.

1945

4. Сессия в Московском государственном ордена Ленина университете имени М. В. Ломоносова, посвященная истории западных и южных славян.— ИЖ, № 3, с. 92.

1946

5. О последнем периоде правления Болеслава Храброго.— ИЗ, т. 19, с. 142—148.

1947

6. Владимир Иванович Пичета.— ВДИ, № 3, с. 209—210 (Без подп.) *.
7. Государство Готшалка (XI в.).— В кн.: Славянский сборник. М.: Госполитиздат, с. 336—355.

1948

8. Избрание Августа II на польский престол и вступление Речи Посполитой в Северную войну (1697—1704): Автореф. дис. [канд.]. М.: Ин-т славяноведения АН СССР. 18 с.

   То же под загл.: Из истории польско-русских отношений в эпоху Петра Первого (1697—1704).— Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1949, № 3, с. 276—279.
9. Рец. на журн.: Kwartalnik historyczny, Kraków, 1947, r. 54.— ВИ, № 5, с. 124—126.
10. Рец. на кн.: Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1946, т. 7, вып. 2.— УЗИС, т. 1, с. 374—381.
11. Рец. на кн.: Šimek E., Poulik J., Kalousek F. Západní slované a Germáni. Brno, 1947.— ВИ, № 8, с. 133—135.
12. Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе.— ВИ, № 4, с. 43—67.

    То же на пол. яз.— In: *Koroljuk W.* Polska i Rosja a Wojna Północna. W.: Książka i wiedza, 1954, s. 201—244.

1949

13. Польская историческая наука на VII Вроцлавском съезде 1948 г.— ВИ, № 2, с. 108—127. Совм. с И. С. Миллером и М. В. Миско.

    То же на пол. яз.— In: Zbiór artykułów historycznych o Polsce w literaturze radzieckiej. W., 1950, s. 257—309.

14. Рукописное наследство академика В. И. Пичета.— УЗИС, т. 1 [а], с. 25—34.
См. также № 8.

1950

15. Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии.— Рец. на кн.: Velká Říjnová socialistická revolúce a naše národní svoboda. Brno, 1950.— Славяне, № 10, с. 51—54.
16. Новый документ по истории польского восстания 1863 г. в Подолии.— УЗИС, т. 2, с. 326—332.
17. Рец. на кн.: Гербільський Г. Ю. Петро Перший в Західній Україні (1706—1707 рр.). Львів, 1948.— ВИ, № 3, с. 130—132.
18. Рец. на кн.: Labuda G. Pierwsze Państwo slowiańskie: Państwo Samona. Poznań, 1949.— ВИ, № 8, с. 148—152.
То же на чеш. яз.— Sovětská věda. Historie, 1952, N 4, s. 502—507.
См. также № 13, 52.

1951

19. [Выступление на совещании советских и польских историков в Институте славяноведения АН СССР по обсуждению проспекта «Истории Польши», 3 окт. 1950 г.].— КСИС, вып. 4/5, с. 69—77.
20. П. Домбковский.— УЗИС, т. 4, с. 373—374. С И. С. Миллером.
21. Избрание Августа II на польский престол и русская дипломатия.— УЗИС, т. 3, с. 176—219.
То же на пол. яз.— In: *Koroljuk W.* Polska i Rosja a Wojna Północna. W.: Książka i wiedza, 1954, s. 5—70.
22. О периодизации истории Польши.— ВИ, № 11, с. 87—98. Совм. с И. С. Миллером.
То же на пол. яз.— Zeszyty historyczne «Nowych dróg», 1952, N 5, s. 23—29; То же на венг. яз.— A Magyar Tuddományos akademia Történettudományi intézeténck értesitöjé, 1953, N 1/3, l. 78—96.
23. Обсуждение основных проблем истории Польши.— ВИ, № 1, с. 107—115. Совм. с И. С. Миллером и Ю. А. Писаревым.
24. Польское восстание 1830—1831 гг. и предательская политика буржуазной Франции.— Рец. на кн.: Dutkiewicz J. Francia i Polska w 1831. Łódz, 1950.— Славяне, № 1, с. 55—57.
25. Рец. на журн.: Przegląd historyczny, W., 1950, t. 41.— ВИ, № 6, с. 118—121.
26. Рец. на кн.: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.— ВИ, № 8, с. 132—135.
27. Речь Посполитая и подготовка Северной войны.— УЗИС, т. 4, с. 190—236.
То же на пол. яз.— In: *Koroljuk W.* Polska i Rosja a Wojna Północna. W.: Książka i wiedza, 1954, s. 71—140.
28. Речь Посполитая, французская дипломатия и измена Мазепы.— Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, № 1, с. 82—87.
29. Ценное исследование о древнейшем периоде истории чешского народа.— Рец, на кн.: Nejedlý Z. Dějiny národa českého. Praha, 1949, d. 1.— Славяне, № 9, с. 53—55.
30. *Подгот. к печ.*: Пичета В. И. Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг.— УЗИС, т. 3, с. 136—175. Совм. с И. С. Миллером и А. П. Пичета.
В. Д. Королюк — авт. предисл. (с 136—137) и один из публ.

31. *Подгот. к печ.*: Пичета В. И. Феодальное поместье в XV—XVI вв. в Великом княжестве Литовском.— УЗИС, т. 4, с. 237—262. Совм. с А. П. Пичета.
В. Д. Королюк — авт. предисл. (с. 237—239) и один из публ.
32. *Чл. редкол.*: Краткие сообщения Института славяноведения. М.: Изд-во АН СССР, 1951—1960. Вып. 6, 8—29.
См. также № 52.

1952

33. История Москвы. М.: Изд-во АН СССР. Т. 1. 779 с. Совм. с А. В. Арциховским, С. В. Бахрушиным и др.
34. История средних веков. М.: Госполитиздат. Т. 1. 748 с. Совм. с Е. А. Косминским, З. В. Удальцовой и др.
35. К вопросу от отношениях Руси и Польши в X веке.— КСИС, вып. 9, с. 43—50.
То же на пол. яз.— In: Historycy radzieccy o Polsce: Wybór prac. W.: Książka i wiedza, 1953, s. 5—17.
36. Летописное известие о крестьянском восстании в Польше в 1037—1038 гг.— В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия. М.: Изд-во АН СССР, с. 69—75.
37. Начало шведской агрессии против Речи Посполитой в ходе Северной войны (1701—1702 гг.).— УЗИС, т. 6, с. 208—283.
То же на пол. яз.— In: *Koroljuk W.* Polska i Rosja a Wojna Północna. W.: Książka i wiedza, 1954, s. 245—365.
38. Неудачное пособие для учителей.— Рец. на кн.: *Бущик Л. П.* История СССР в средней школе. М., 1951. Ч. 1.— Преподавание истории в школе, № 1, с. 104—109. Совм. с А. Зиминым и др.
39. Рец. на кн.: Манусевич А. Я. Очерки по истории Польши. М., 1952.— ВИ, № 12, с. 151—155. Совм. с И. С. Миллером и др.
40. Речь Посполитая и начало Северной войны.— УЗИС, т. 5, с. 259—295.
То же на пол. яз.— In: Historycy radzieccy o Polsce: Wybór prac. W.: Książka i wiedza, 1953, s. 44—102; *Koroljuk W.* Polska i Rosja a Wojna Północna. W.; Książka i wiedza, 1954, s. 141—200.
41. Славный поборник дружбы народов [Я. Коллар].— Славяне, № 1, с. 50—51.
42. *Подгот. к печ.*: Пичета В. И. Литовский статут 1529 г. и его источники.— УЗИС, т. 5, с. 243—258. Совм. с А. П. Пичета.
То же на пол. яз.— In: Historycy radzieccy o Polsce: Wybór prac. W.: Książka i wiedza, 1953, s. 18—43.
43. *Ред.*: Неедлы З. Р. История чешского народа: Пер. с чеш. М.: Изд-во иностр. лит. Т. 1. 251 с.
См. также № 18, 22, 32, 69.

1953

44. Рец. на кн.: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства, 2-я половина XV в. М., 1952.— Сов. книга, № 3, с. 59—63.
45. Русская дипломатия и подготовка вступления Речи Посполитой в Северную войну: (Восстановление рус.-саксон. союза, 1702—1703 гг.).— УЗИС, т. 7, с. 210—276.
46. *Подгот. к печ.*: Пичета В. И. К истории восстания Костюшко 1794 г.— УЗИС, т. 7, с. 179—209. Совм. с О. П. Морозовой и А. П. Пичета.
В. Д. Королюк — авт. предисл. (с. 179—182) и один из публ.
См. также № 22, 32, 35, 40, 42.

1954

47. Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. М.: Госполитиздат. 112 с. Совм. с И. Б. Грековым и И. С. Миллером.
48. Вступление Речи Посполитой в Северную войну.— УЗИС, т. 10, с. 239—347.
    То же (отрывок) на нем. яз.— In: Um die Polnische Krone: Sachsen und Polen während der nordischen Krieges, 1700—1721. B.: Rütten und Loening, 1962, S. 129—160.
49. Выдающееся историческое событие: [К 300-летию воссоединения Украины с Россией].— Природа, № 1, с. 15—20.
50. Исторические предпосылки Переяславской рады 1654 г.— КСИС, вып. 13, с. 3—16.
51. «История Белорусской ССР»: К выходу в свет первого тома. [Минск, 1954].— Правда, 4 окт. С Н. М. Дружининым.
52. История Польши. М.: Изд-во АН СССР. Т. 1. 583 с. Совм. с Ю. В. Бромлеем, И. Ф. Бэлзой и др.[1]
    То же с доп. и изм. 2-е доп. изд. М., 1956. Т. 1. 706 с.
53. История средних веков. М.: Госполитиздат. Т. 2. 519 с. Совм. с С. Д. Сказкиным, А. Н. Чистозвоновым и др.
    Кн. вышла также на болг., венг., нем., пол., укр. и чеш. яз.
54. Ливонская война: К истории внеш. политики Рус. централиз. государства во 2-й половине XVI в. М.: Изд-во АН СССР. 111 с.
    Кн. вышла также на пол. и укр. яз.
55. Polska i Rosja a Wojna Północna. W.: Książka i wiedza. 367 s.
    Сборник статей В. Д. Королюка (см. № 12, 21, 27, 37, 40).
56. *Отв. ред.*: Бойко И. Д., Голобуцкий В. А., Гуслистый К. Г. Воссоединение Украины с Россией. М.: Изд-во АН СССР. 112 с.
57. *Ред.*: История Польши. М.: Изд-во АН СССР. Т. 1. 584 с. Совм. с И. С. Миллером и П. Н. Третьяковым.
58. *Чл. редкол.*: Воссоединение Украины с Россией, 1654—1954: Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР. 439 с.
    См. также № 32.

1955

59. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в... М.: Изд-во АН СССР. 959 с. Совм. с С. В. Бахрушиным, Л. В. Даниловой и др.
60. Польша.— БСЭ. 2-е изд., т. 34, с. 3—94.
    В. Д. Королюком написана часть разд. 6 (с. 19—31).
61. *Отв. ред.*: Рубцов Б. Т. Гуситские войны (Великая крестьянская война XV в. в Чехии). М.: Госполитиздат. 324 с.
    См. также № 32.

1956

62. История Чехословакии. М.: Изд-во АН СССР. Т. 1. 415 с. Совм. с А. И. Виноградовой, С. В. Никольским и др.
63. Обсуждение макета первого тома «Истории Польши», подготовленного Институтом истории Польской академии наук.— ВИ, № 7, с. 209—212. Совм. с И. С. Миллером.
64. Обсуждение труда польских историков [«История Польши». Т. 1].— Вестн. АН СССР, № 5, с. 69—71. Совм. с И. С. Миллером.
65. [Wystąpienie dyskusyjne].— KwH, N 3, s. 71—77.
    Выступление при обсуждении 1-го тома «Истории Польши».

---

[1] В. Д. Королюк является также одним из авторов проспекта книги (М., 1950; КСИС, 1951, вып. 4/5).

66. *Ред.*: История Польши. 2-е доп. изд. М.: Изд-во АН СССР. Т. 1. 706 с. Совм. с И. С. Миллером и П. Н. Третьяковым.
См. также № 32, 52.

1957

67. Всемирная история. М.: Госполитиздат. Т. 3. 896 с. Совм. с В. В. Бирюковичем, Н. И. Конрадом и др.
68. Древнепольское государство. М.: Изд-во АН СССР. 216 с.
69. История южных и западных славян. М.: Изд-во МГУ. 574 с. Совм. с И. М. Белявской, Ю. В. Бромлеем и др.[1]
70. Обсуждение в Институте славяноведения макета II тома «Истории Польши», подготовленного Институтом истории Польской академии наук.— ВИ, № 7, с. 207—210. Совм. с Н. П. Митиной.
71. *Отв. ред.*: Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник: Опыт анализа. М.: Изд-во АН СССР. 210 с.
См. также № 32.

1958

72. Б. Р. Бржего.— КСИС, вып. 24, с. 3—4.
73. Всемирная история. М.: Соцэкгиз. Т. 4. 823 с. Совм. с Ю. А. Корховым, Д. А. Ольдерогге и др.
74. Изучение в СССР истории зарубежных славянских народов.— Славяне, № 10, с. 26—32.
75. К вопросу о посольстве в Москву от запорожского гетмана Петра Сагайдачного в 1620 г.— В кн.: Славян. арх., М., с. 34—38.
76. Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в.— В кн.: Славянский архив. М.: Изд-во АН СССР, с. 5—18.
77. О праздновании тысячелетия Польского государства.— ННИ, № 3, с. 208—209.
78. О совместной советско-польской публикации источников по истории восстания 1863—1864 годов.— ННИ, № 5, с. 178—181. Совм. с И. С. Миллером.
79. Рец. на кн.: Скандинавский сборник. Таллин, 1956—1957. Т. 1, 2.— История СССР, № 1, с. 183—188. Совм. с Я. Я. Зутисом *.
80. Рец. на кн.: Stepermanis M. Zemnieku nemieri Vidzemē. 1750—1784. Riga, 1956.— ВИ, № 1, с. 174—177. Совм. с Я. Я. Зутисом.
81. Славяноведческие исследования Б. Д. Грекова.— Рец. на кн.: Греков Б. Д. Избр. тр. М., 1957.— Т. 1.— Славяне, № 7, с. 55—57.
82. *Отв. ред.*: Разумовская Л. В. Очерки по истории польских крестьян: От древних времен до XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 366 с.
83. *Отв. ред.*: Рубцов Б. Т. Эволюция феодальной ренты в Чехии (XIV — начало XV в.). М.: Изд-во АН СССР. 196 с.
84. *Ред.*: Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М.: Изд-во АН СССР. 547 с. Совм. с А. П. Пичета и Н. Н. Улащиком.
85. *Чл. редкол.*: Славянский архив. М.: Изд-во АН СССР. 302 с.
См. также № 32.

1959

86. Значение Полтавской победы: Вместо предисловия.— В кн.: Полтавская победа. М.: Изд-во АН СССР, с. 3—12. Совм. с И. Б. Грековым.

---

[1] В. Д. Королюк является также одним из авторов проспекта этой книги (М., 1952).

87. **Малопольский исторический журнал.**— Рец. на журн.: Małopolskie studia historyczne, 1958, zesz. 1—2.— В кн: Славянский архив. М.: Изд-во АН СССР, с. 343—344.
88. «Словарь славянских древностей».— Рец. на кн.: Słownik starożytności słowiańskich: Zeszyt dyskusyjny. Wrocław, 1958.— История СССР, № 3, с. 216—218.
То же с сокр. и в др. ред.— В кн.: Славян. арх. М., с. 344—346.
89. Тысячелетие Польского государства.— ВИ, № 7, с. 102—115.
90. Wydawnictwo źródeł do dziejów powstania 1863—1864 r.— KwH, № 1, s. 299—303. Совм. с И. С. Миллером.
91. *Отв. ред.*: Полтавская победа: Из истории междунар. отношений накануне и после Полтавы. М.: Изд-во АН СССР. 265 с. Совм. с Н. Б. Грековым.
92. *Чл. редкол.*: Славянский архив. М.: Изд-во АН СССР. 355 с.
См. также № 32.

1960

93. Грамота 1086 г. в хронике Козьмы Пражского.— КСИС, вып. 29, с. 3—23.
94. Итоги и задачи славистических исследований в СССР (1945—1959 г.).— ВИ, № 6, с. 117—135. Совм. с И. А. Хреновым.
То же на рум. яз.— Analele romîno-sovietice. Ser. istorie, N 4 (32), s. 98—120; то же с изм.— Slavia orientalis, 1961, N 4, s. 591—616.
95. К 550-летию Грюнвальдской битвы.— ВИ, № 7, с. 92—100. Совм. с Г. Н. Караевым.
96. Новые материалы о Янке Черском: — Рец. на кн.: Черский И. Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Иркутск, 1956.— В кн.: Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М.: Изд-во АН СССР, с. 683—687.
97. Тысячелетие Польского государства: Грюнвальдская битва.— Преподавание истории в школе, № 6, с. 19—30. С И. С. Миллером.
98. *Ред.*: Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов: Сб. ст. и материалов. М.: Изд-во АН СССР. 731 с. Совм. с И. С. Миллером.
См. также № 32.

1961

99. Историческое значение Грюнвальдской битвы: [Перераб. докл. на расш. заседании в Ин-те славяноведения АН СССР].— КСИС, вып. 32, с. 72—85.
100. Некоторые спорные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период (VII—XI вв.).— В кн.: Координац. совещ. по актуальным проблемам славяноведения: (Программа и тез. докл. ...). М.: Ин-т славяноведения АН СССР, с. 24—29.
101. Некоторые спорные и нерешенные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период (VII—XI вв.).— КСИС, вып. 33/34, с. 105—112.
То же на рум. яз.— Analele romano-sovietice. Ser. istorie, 1962, N 3 (39), p. 161—169.
102. О состоянии германистики в Польской Народной Республике.— ННИ, № 6, с. 167—168.
103. Об организации исследовательской работы по истории славяно-германских отношений в связи с борьбой против идеологии западногерманского реваншизма: [Докл. на координац. совещ. по актуальным проблемам славяноведения. Янв. 1961 г.].— КСИС, вып. 33/34, с. 72—81.
104. *Отв. ред.*: Галл Аноним: Хроника и деяния князей или правителей польских. М.: Изд-во АН СССР. 171 с.

105. *Отв. ред.*: Краткие сообщения Института славяноведения. М.: Изд-во АН СССР, 1961—1965. Вып. 30—43.
106. *Ред. и авт. предисл.*: Русинек М. Королевство спеси: Ист. роман. Пер. с пол. [Предисл., с. 5—15]. М.: Изд-во иностр. лит. 583 с.
107. *Ред.*: Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV—XVI вв.: (Исслед. по истории соц.-экон., полит. и культ. развития). М.: Изд-во АН СССР. 315 с. Совм. с З. Ю. Копысским и Н. Н. Улащиком.
108. *Чл. гл. ред. серии*: Восстание 1863 г.: Материалы и документы. М.; Wrocław etc.: Наука; Ossolineum; Wyd. Polskiej Akademii Nauk, 1961—1980. [Т. 1—23].
См. также № 94.

1962

109. Государство Бодричей и правление князя Готшалка (1031—1066).— Slavia occidentalis, t. 22, s. 165—196.
110. Зденек Романович Неедлы (1878—1962).— УЗИС, т. 25, с. 3—10. Совм. с И. Ф. Бэлзой.
111. Изучение славяно-германских отношений [В Ин-те славяноведения АН СССР].— ННИ, № 3, с. 185—186.
112. Патриотический подвиг народа: [Отеч. война 1812 г.].— Дружба народов, № 9, с. 228—235. Совм. с И. Б. Грековым.
113. O organizacji badań nad stosunkami i powiązaniami słowiańsko-niemieckimi w Instytucie słowjanoznawstwa Akademii Nauk ZSRR.— Przegląd zachodni, t. 1, N 2, s. 295—304.
114. *Ред.*: Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года: Сб. ст. и материалов. М.: Изд-во АН СССР. 611 с. Совм. с В. А. Дьяковым и И. С. Миллером.
115. *Чл. редкол. серии*: Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы. М.: Наука, 1962—1981. [Вып. 6—9, 11—14].
См. также № 48, 101, 105, 108.

1963

116. Авары (обры) и дулебы Русской летописи.— В кн.: Археографический ежегодник за 1962 год. М.: Наука, с. 24—31.
117. Академик М. Н. Тихомиров как историк-славист.— УЗИС, т. 26.
118. Историко-славистические исследования в СССР (1945—1961).— Slavia, seš. 2, s. 260—282. Совм. с И. А. Хреновым.
119. Некоторые общие закономерности раннефеодальной истории восточных и западных славян.— КСИС, вып. 39, с. 3—20.
120. Об изучении славяно-германских отношений в Институте славяноведения АН СССР: (Вместо введения).— В кн.: Славяно-германские исследования. М.: Изд-во АН СССР, с. 3—9. Совм. с В. М. Туроком-Поповым.
121. [Отговор по въпроса № 27: Изиграли ли са норманите някаква роля при образуване на полския народ?].— В кн.: Славянска филология. С.: Изд-во на БАН, т. 2, с. 347—348.
122. [Отговор по въпроса № 1: Какви са състоянието и задачите на историческата наука в рамките на славистиката?].— В кн.: Славянска филология. С.: Изд-во на БАН, т. 2, с. 292—293. Совм. с И. И. Удальцовым.
123. Русь и Польша в первые пятнадцать лет XI века.— УЗИС, т. 26, с. 24—36.
124. Советское славяноведение: Крат. обзор лит. 1945—1963 гг. V меж-

дунар. съезд славистов. М.: Изд-во АН СССР. 84 с. Совм. с Н. И. Толстым, И. А. Хреновым и др.
125. Ян Яковлевич Зутис.— КСИС, вып. 36, с. 109—110.
126. *Публ.*: К поездке Любора Нидерле в Россию в 1893 г.: (Неопубл. письмо Л. Нидерле А. К. Жизневскому).— В кн.: Славянский архив. М.: Изд-во АН СССР, с. 252—255. Совм. с М. А. Ильиным.
127. *Сост.*: Польша.— В кн.: Хрестоматия по новой истории. М.: Соцэкгиз, т. 1, с. 344—369.
128. *Отв. ред.* Гельмольд: Славянская хроника. М., 299 с.
129. *Отв. ред.*: Славяно-германские исследования. М., 443 с.
130. *Отв. ред.*: Тульчинский М. Р. Адвокаты реванша. М., 120 с.
131. *Ред.*: История, фольклор, искусство славянских народов: Докл. сов. делегации. V междунар. съезд славистов (София, сент. 1963). М.: Изд-во АН СССР. 511 с. Совм. с Б. А. Рыбаковым, Б. Н. Путиловым, И. М. Шептуновым.
132. *Ред.*: Советское славяноведение: Крат. обзор лит., 1945—1963 гг. V междунар. съезд славистов. М.: Изд-во АН СССР. 84 с. Совм. с И. А. Хреновым.
133. *Чл. редкол. и авт. Введения*: Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг. [Введение, с. V—XXXVII, совм. с Г. И. Мараховым]. Киев: Вид-во АН УССР. LIV, 387 с.
См. также № 105, 108, 115.

1964

134. Болеслав Вевюра.— В кн.: Славяно-германские отношения. М.: Наука, с. 292—293.
135. Глеб Михайлович Лызлов.— КСИС, вып. 42, с. 111—112.
136. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М.: Наука. 383 с.
137. К вопросу о раннефеодальной государственности у полабо-прибалтийских славян: (Докл. на совм. сес. Ин-та славяноведения АН СССР и Зап. ин-та /Познань/ 27 мая 1963 г.).— В кн.: Славяно-германские отношения. М.: Наука, с. 3—10.
138. Московский период в жизни Зденека Неедлого и развитие советского славяноведения.— В кн.: Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый. М.: Наука, с. 208—218.
139. Czy Austro-Węgry były modelem zintegrowanego wielenarodowego państwa w Europie środkowej? — Przegląd zachodni, N 5/6, s. 3—10. Совм. с В. М. Туроком-Поповым.
140. *Отв. ред.*: Славяно-германские отношения: [Сб. ст.]. М., 295 с.
141. *Чл. редкол.*: Общественно-политическое движение на Украине в 1863—1864 гг. Киев: Наук. думка. XLIX, 551 с.
См. также № 105, 108.

1965

142. Битва под Веной 1683 г. и русско-польские отношения: (Документы Посол. приказа о приезде в Москву пол. посланника Я. Окрасы).— В кн.: Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М.: Наука, с. 183—199. Совм. с А. И. Роговым.
143. Введение.— В кн.: Славяне и Восток. Париж: ЮНЕСКО, с. 9—15.
144. А. Н. Мальцев (1921—1964).— КСИС, вып. 43, с. 102—103. Совм. с А. И. Роговым.
145. Михаил Николаевич Тихомиров.— ВИ, № 11, с. 216—217. Без подп.*
146. Михаил Николаевич Тихомиров.— ССл., № 6, с. 105—106. Совм. с А. И. Роговым.
147. Вступ. ст.— Каталог книжн. знаков Г. Н. Карлова.— В кн.: Карлов Г. Н. Экслибрисы. Тамбов, с. 5—15.

148. Подпольный университет Западных земель в 1940—1945 гг.— Рец. на кн.: Kowalenko Wł. Tajny uniwersytet Ziem zachodnich.— Uniwersytet Poznański, 1940—1945. Poznań, 1961.— В кн.: Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М.: Наука, с. 263—266.
149. Познанская конференция по истории славяно-германских отношений.— В кн.: Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М.: Наука, с. 183—199. Совм. с Н. Д. Ратнер.
150. Рец. на кн.: Henzel W. Archeologia o początkach miast słowiańskich. Wrocław etc., 1963.— ССл., N 1, с. 82—85.
151. Рец. на кн.: Ondrouch V. Nálezy keltských antických a byzantských minci na Slovensku. Br., 1964.— ССл., N 2, с. 84.
152. Сборник статей по истории польско-немецких отношений.— Рец. на кн.: Z dziejów stosunków polsko-niemieckich. W., 1964.— ССл., N 6.
153. *Отв. ред.*: Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М.: Наука. 283 с.
154. *Чл. редкол.*: Советское славяноведение: Журнал... М.: Наука, 1965—1982 (№ 2).
См. также № 108, 115.

1966

155. Гершон Кравцов.— ВМК, № 5, с. 48 и 3-я с. обл.
156. «Дранг нах Остен» и историческое развитие народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в период феодализма: (Обзор осн. проблематики исслед.).— ССл., № 4, с. 14—27.
157. Михаил Николаевич Тихомиров — историк славянских народов и славяно-германских отношений.— В кн.: Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М.: Наука, с. 3—9. Совм. с А. И. Роговым.
158. [Научная конференция по вопросам западноевропейской интеграции (Познань, 29 сент. 1965 г.)].— Вестн. АН СССР, № 2, с. 151.
159. Рубен Бедросов.— ВМК, № 11, 3-я с. обл.
160. Тысячелетие Польского государства: (Нац. торжество и ист. наука).— ВИ, № 10, с. 3—16. Совм. с И. С. Миллером.
161. Zur Erforschung der slawisch-deutschen Problematik im Institut für Slawenkunde der Akademie der Wissenschaften der UdSSR.— Lětopis. Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung, Reihe B, N 13/1, S. 91—100. Совм. с А. И. Роговым.
162. *Отв. ред.*: Волков В. К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. М.: Наука. 271 с.
163. *Отв. ред.*: Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография: [Сб. ст.]. М.: Наука. 283 с.
164. *Чл. редкол.*: История и культура славянских народов: Пол. освободит. движение XIX—XX вв. и пробл. истории культуры. М., 240 с.
См. также № 108, 154.

1967

165. Герман Ратнер.— ВМК, № 5, 3-я с. обл.
166. Е. Н. Голяховский — иллюстратор чешской и словацкой литературы.— ССл., № 4, с. 92—95.
167. Графика Гебус-Баранецкой.— КО, 16 сент., № 38, с. 11.
168. «Дранг нах Остен» и историческое развитие народов стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в период феодализма.— В кн.: «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., с. 3—22.

169. Советские историко-славистические исследования (1917—1967 гг.).— ССл., № 5, с. 37—52.
170. Творческая удача художника: [Об иллюстрациях Е. Н. Голяховского].— КО, № 18, 29 апр., с. 10.
171. Slaves — Orient et Occident.— In: VI Mezinárodni sjezd slavistů v Praze 1968: Resumé přednášek, příspěvků a sdělení. Pr. p. 407.
172. *Отв. ред.*: «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука. 279 с.
173. *Отв. ред.*: Зуев Ф. Г. Польский народ в борьбе против фашизма. М.: Наука. 136 с.

1968

174. Архитектурный памятник X века в Несебре.— ССл., № 4, с. 113.
175. Болгарское возрождение в графике Н. И. Калиты.— ССл., № 3.
176. К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв.— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов: VI Междунар. съезд славистов (Прага, 1968). Докл. сов. делегации. М.: Наука, с. 98—113.
177. Музыка и экслибрис: [Об экслибрисах художника А. Калашникова].— Муз. жизнь, № 7, 3-я с. обл.
178. [О народности в период раннего средневековья: Выступление на сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Зап. Европе» (30 мая — 3 июня 1966 г.) в прениях по докл. А. Р. Корсунского].— Средние века, вып. 31, с. 143—144.
179. Памяти Зденека Неедлы (1878—1962).— ВИ, № 4, с. 203—209.
180. Польша.— СИЭ, т. 11, стб. 321—389.
В. Д. Королюк — автор разделов, посвященных истории Польши с древнейших времен до 1-й половины XVIII в. (с. 322—334), хронологии истории Польши до 2-й половины XVIII в. (с. 373—375), перечня правителей Польши (с. 381—382), хронологии важнейших событий научной и культурной жизни Польши (с. 383) *.
181. Польша и Германская империя в системе международных отношений Центральной и Восточной Европы во второй половине X—первой половине XI в.— В кн.: Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. М.: Наука, с. 5—14.
182. Поэзия Франтишека Грубина в иллюстрациях А. В. Сапожникова.— ССл., № 6, с. 78—81.
183. Развитие экслибрисного жанра: [О III Междунар. биеннале соврем. экслибриса (Польша, 1967 г.)].— Художник, № 8, с. 54—55.
184. *Рец. на кн.*: Новое о прошлом нашей страны: Памяти акад. М. Н. Тихомирова. М., 1967.— История СССР, № 6, с. 157—160.
185. Русская тема в книжных иллюстрациях Вацлава Фиалы.— ССл., № 1, с. 82—91.
186. Русский Север в гравюрах Бурмагиных.— ВМК, № 2, с. 48.
187. Свод источников по истории производства в средневековой Чехии.— Рец. на кн.: Husa V., Petraň J., Šubrtová A. Homo faber. Pr., 1967.— ССл., N 4, с. 122—123.
188. Современный советский экслибрис. Тамбов: Обл. науч. б-ка, 12 с.
189. Экслибрисы К. С. Козловского.— ВМК, № 10, с. 48.
190. *Отв. ред.*: Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения: [Сб. ст.]. М.: Наука. 326 с.
191. *Ред.*: «Дранг нах Остен» и историческое развитие народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: (От эпохи раннего

феодализма до конца XVIII в.). Проспект. М.: Ин-т славяноведения АН СССР. Т. 1. 94 с.

192. *Ред.*: Польские земли под властью Пруссии и восстание 1863 года. Wrocław etc.: Ossolineum. LXXXVI, 371 с. Совм. с С. Кеневичем. См. также № 108, 154.

1969

193. Александр Сапожников.— ВМК, № 5, с. 48.
194. В. М. Богданов — собиратель и график-любитель. Красноярск: Краснояр. о-во экслибрисистов. 19 с.
195. [Выступление на совещании «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма у народов СССР» (14—16 июня 1964 г.)].— В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., с. 110.
196. Классики немецкой литературы в московской ксилографии: (Гёте, Шиллер, Гейне).— В кн.: Славяно-германские культурные связи и отношения. М.: Наука, с. 160—176.
197. Ленинские места в Польше и Чехословакии в гравюрах К. С. Козловского.— ССл., № 3, с. 9—13.
198. О славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в XI—XII веках.— В кн.: Советское славяноведение: Материалы IV конф. историков-славистов (Минск, 31 янв.— 3 февр. 1968 г.). Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, с. 530—533.
199. Основні етапи розвитку ранньофеодальної державності у східних і західних слов'ян.— УІЖ, № 12, с. 40—49.
    То же с доп. и ред. изм.— KwH, 1970, № 2, s. 281—292.
200. По русским мотивам: [Экслибрисы В. Житникова].— ВМК, № 12.
201. Послесловие.— В кн.: *Бадигин К. С.* Кольцо великого магистра: Ист. повесть. М.: Дет. лит., с. 375—380.
202. Проблематика истории Польши до середины XIV в. в советской литературе.— В кн.: Материалы науч. конф. пол. и сов. историков по пробл. историографии. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР и Комис. историков СССР и ПНР, с. 33—47.
203. *Ред. и авт. вступ. ст.*: Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе: Сб. ст. по истории так называемого «Дранг нах Остен»: Пер. с пол. [Вступит. ст., с. 5—21]. М.: Прогресс. 349 с.
204. *Отв. ред.*: Славяно-германские культ. связи и отношения. М., 367 с. См. также № 108, 154.

1970

205. Владимир Иванович Пичета: (Опыт творческого портрета).— ВИ, № 8, с. 72—85.
206. Воскрешение древних шедевров: (О реконструкциях художника В. Н. Кедрина).— Азия и Африка сегодня, № 3, с. 43—44.
207. Любовь Вячеславовна Разумовская.— ССл., № 1, с. 133—134.
208. Особенности становления феодализма и формирования славянских раннефеодальных государств и народностей в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе.— ССл., № 5, с. 3—9.
209. Поэзия Болеслава Лесьмяна в графике А. Е. Голяховской.— ССл., № 3, с. 78—82.
210. Раннефеодальная государственность и формирование феодальной собственности у восточных и западных славян (до середины XI в.). М.: Наука. 17 с.
    То же.— В кн.: Пятый междунар. конгр. по экон. истории, Ленинград, 1970. Доклады. М.: Междунар. ассоц. экон. истории, 1976, т. 5, с. 27—42 [1].

[1] Тезисы доклада опубликованы в кн.: Пятый междун. конгр. по экон. истории: Тез. докл. М., 1970, ч. 1, с. 319—338.

211. Советское византиноведение и проблемы истории славяно-византийских отношений.— Рец. на кн.: Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.— ССл., № 6, с. 86—89.
212. Язык народных сказов: [О творчестве художников Г. и Н. Бурмагиных].— Художник, № 10, с. 26—28.
213. *Отв. ред.*: Ратнер Н. Д. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М.: Наука. 222 с.
214. *Отв. ред.*: Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М.: Наука. 127 с.
См. также № 108, 115.

1971

215. Волохи и славяне русской летописи. Кишинев: АН МССР. 23 с.
То же с ред. изм. под загл.: Волохи и славяне «Повести временных лет».— ССл., № 4, с. 41—53.
216. Рец. на кн.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.— Визант. временник, т. 32, с. 240—243.
217. Рец. на кн.: Расы и народы: Соврем. этн. и расовые пробл. Ежегодник. М., 1971, т. 1.— СЭ, № 6, с. 172—175.
218. Рец. на кн.: Poppe A. Państwo i kościoł na Rusi w XI wieku. W., 1968.— Визант. временник, т. 31, с. 202—206.
219. Русская крестьянская иконопись: (Традиция и развитие).— Études balkaniques, N 3, p. 83—101.
220. Славяноведение.— СИЭ, т. 13, стб. 13—32. Совм. с М. Р. Тульчинским.
221. Тадеуш Мантейфель.— ССл., № 2, с. 126—127.
222. *Отв. ред.*: Исследования по славяно-германским отношениям: [Материалы симпоз.]. М.: Наука. 372 с.
223. *Отв. ред.*: Кузьмин М. Н. Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII — 30-е годы XX в.). М.: Наука. 261 с.
224. *Чл. редкол.*: Двадцать пять лет деятельности института (1947—1972)/АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 141 с.
См. также № 154.

1972

225. Академик Б. Д. Греков и советские историко-славистические исследования: (К 90-летию со дня рождения).— ССл., № 5, с. 13—18.
226. Е. Н. Голяховский. М.: Книга. 63 с.
227. Графика Виктора Пензина.— Молодая гвардия, № 8, с. 189—192.
228. «Дранг нах Остен».— БСЭ. 3-е изд., т. 8, с. 481—482. Совм. с В. К. Волковым.
229. Иркутский экслибрис.— Сибирь, № 1, с. 123—125.
230. К вопросу о месте известий о волохах в «Повести временных лет».— ССл., № 1, с. 76—77.
231. К вопросу об изучении русского народного изобразительного искусства (Крестьян. образа-«примитивы»).— СЭ, № 3, с. 79—88.
232. Г. А. Кравцов. М.: Книга. 63 с.
233. Некоторые итоги и перспективы историко-славистических исследований в области медиевистики.— Вопр. истории славян, Воронеж, [вып. 4], с. 3—8.
234. Новые тенденции в современном русском экслибрисе.— В кн.: Книга и графика. М.: Наука, с. 280—286.
235. О так называемой «контактной зоне» в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев: Штиинца, вып. 1, с. 31—46.
236. Основные проблемы формирования раннефеодальной государствен-

ности и народностей славян Восточной и Центральной Европы.— В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киев. Русь и ее славян. соседи. М.: Наука, с. 7—28.

То же с сокр.— В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев: Наук. думка, с. 207—228.

237. Рец. на кн.: Ганцкая О. А. Народное искусство Польши. М., 1970.— ССл., № 6, с. 104—106.
238. Рец. на кн.: Шиклев Ст. С. Екслибрис в България. С., 1971.— ССл., № 2, с. 94—95.
239. Славяне, влахи, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима».— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев: Штиинца, вып. 1, с. 139—159.
240. Фундаментальный научный труд.— Рец. на кн.: История Молдавской ССР. 2-е изд. Кишинев, 1965. Т. 1.— Сов. Молдавия, 8 июля. Совм. с Л. Е. Семеновой.
241. Юго-Восточная Европа как контактная зона между регионами синтезного и бессинтезного пути генезиса феодализма.— В кн.: Тез. докл. и сообщ. XIV сес. Межресп. симпоз. по аграрной истории Вост. Европы (Минск — Гродно, 25—29 сент. 1972 г.). М.: Ин-т истории СССР; Ин-т истории АН БССР, с. 43—45.
242. *Отв. ред. и авт. предисл.*: Исследования по истории... 290 с.
243. *Зам. отв. ред. и авт. предисл.*: Юго-Восточная Европа в средние века: [Сб. ст. Предисл., с. 3—6, совм. с Л. Л. Полевым и П. В. Советовым]. Кишинев: Штиинца. Т. 1. 376 с. *
244. *Отв. ред.*: Достян И. С. Россия и балканский вопрос: Из истории рус.-балкан. полит. связей в первой трети XIX в. М.: Наука. 368 с. См. также № 108, 115, 154.

1973

245. Андрей Петрович Ковалевский.— В кн.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., с. 59—61.
246. «Вместо городов у них болота и леса...»: К вопр. об уровне славян. культуры в V—VI вв.— ВИ, № 12, с. 197—199.
247. Волыняне Абу-л-Хасана Ам-ал-Масуди и «Повести временных лет».— В кн.: Античная древность и средние века, сб. 10, с. 139—141.
248. Выставка произведений народного искусства «Русские мастера».— СЭ, № 3, с. 163—167.
249. К выходу в свет первого тома «Гісторыі Беларускай ССР» (Минск..., 1972...).— История СССР, № 2, с. 159—165. Совм. с В. Т. Пашуто и М. А. Ючасом.
250. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев.— ССл., № 3, с. 73—91.
251. Послесловие.— В кн.: Малик В. К. Посол Урус-Шайтана: Роман: Пер. с укр. М.: Дет. лит., с. 457—462.
252. Проблема этногенеза моравских влахов в современной чехословацкой историографии.— В кн.: Историографические аспекты славяно-волошских связей. Кишинев, с. 33—38. С Н. Н. Грацианской.

То же с доп.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев.— М.: Наука, 1976, с. 250—257.

253. Рец. на кн.: Славянский сборник. Саратов, 1972.— ССл., № 5.
254. Славяне и волохи в Великом переселении народов и феодализация Центральной и Юго-Восточной Европы: (К вопр. о соотношении внутр. и внеш. факторов).— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма: (Рез. докл. Кишинев. симпоз. 1973 г.). Кишинев: Штиинца, с. 24—33. Совм. с Ю. В. Бромлеем.

255. Славяне и Восток.— Бюл. Комис. СССР по делам ЮНЕСКО, № 4 (14), с. 17—20.
256. Турецкая феодальная агрессия в страны Юго-Восточной и Центральной Европы и формирование многонациональной Дунайской монархии (XVI—XVII вв.).— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма: (Рез. докл. ...). Кишинев: Штиинца, с. 142—149.
257. *Отв. ред. и авт. предисл.*: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений (Предисл., с. 3—5). М. 286 с.
258. *Отв. ред. и авт. послесл.*: Кобычев В. П. В поисках прародины славян [Послесл., с. 116—120]. М.: Наука. 167 с.
259. *Отв. ред.*: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М.: Наука. 223 с.
260. *Ред.*: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма: (Рез. докл. Кишинев. симпоз. 1973 г.). Кишинев. 199 с. Совм. с П. В. Советовым.
261. *Чл. редкол.*: Историографические аспекты славяно-волошских связей: (Рез. докл. сес. Науч. совета [по комплекс. изуч. пробл. славян.-волош. связей и происхождения молд. народности] 1973 г.). Кишинев: Штиинца. 52 с.
262. *Чл. редкол.*: Становление раннефеодальных славянских государств: Материалы науч. сес. пол. и сов. историков. Киев, 1969 г. Киев: Наук. думка. 259 с.
См. также № 108, 154.

1974

263. Контактная зона в Юго-Восточной и Центральной Европе эпохи раннего средневековья и проблемы ее этнической истории.— ССл., № 1, с. 53—67.
264. О современном советском экслибрисе.— В кн.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела: 2-я Всесоюз. науч. конф. по пробл. книговедения. Секция теорет. пробл. библиофильства: Тез. докл. М.: АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры [и др.], с. 33—38.
265. Чехословакия.— СИЭ, т. 15, стб. 914—987.
В. Д. Королюк (совм. с Г. Э. Санчуком) — автор разделов, посвященных истории Чехословакии в VI—XVII вв. (стб. 918—928).
266. *Науч. ред.*: Данилова Г. М. Проблемы генезиса феодализма у славян и германцев: (Сравн. анализ франк., древнерус., хорват., серб. и пол. источников). Петрозаводск: Карелия. 231 с.
См. также № 108, 154.

1975

267. О некоторых спорных вопросах развития черняховской, славянской, древнерусской и балкано-дунайской археологических культур Днестровско-Прутского междуречья.— Рец. на кн.: Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974.— ССл., № 4, с. 102—106.
268. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Центральной и Восточной Европе.— В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. М.: Наука, с. 158—184.
269. Польша.— БСЭ. 3-е изд., т. 20, стб. 288—322.
В. Д. Королюком написана часть разд. 5 (стб. 290—293).
270. *Отв. ред.*: Видукинд Корвейский: Деяния саксов. М.: Наука. 272 с.
271. *Отв. ред.*: Грацианская Н. Н. Этнографические группы Моравии: К истории этн. развития. М.: Наука. 175 с.
272. *Отв. ред.*: Наумов Е. П. Господствующий класс и государственная

власть в Сербии XIII—XV вв.: Динамика соц. и полит. системы серб. феодализма. М.: Наука. 336 с.

273. *Отв. ред.*: Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука. 336 с.

274. *Зам. отв. ред.*: Карпато-дунайские земли в средние века. Кишинев: Штиинца. 342 с.

См. также № 115, 154.

1976

275. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев.— В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, с. 6—29.

276. Пастушество у славян в I тысячелетии н. э. и перемещение славян в Подунавье и на Балканы.— В кн.: Симпоз. по структуре балкан. текста: Тез. докл. и сообщ. М., с. 23—24.

277. Перемещение славян в Подунавье и на Балканы: (Славяне и волохи в VI — середине VII в.).— ССл., № 6, с. 43—54.

278. Петр Николаевич Третьяков.— ССл., № 12, с. 111—112.

279. Славяноведение.— БСЭ. 3-е изд., т. 23, стб. 546—550.

280. *Отв. ред. и авт. предисл.*: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. [Предисл., с. 3—5, совм. с Е. П. Наумовым]. М. 283 с.

См. также № 108, 154, 252.

1977

281. Исследования этногенеза славян.— Общ. науки, № 4, с. 137—152.

282. [О Московском клубе экслибрисистов: Ответ на вопрос корреспондента «Чем вам лично интересен клуб?»].— КО, 17 июня, с. 16.

283. Рец. на кн.: Алпатов М. В. Русская историческая мысль и Западная Европа, XVII — первая четверть XVIII в. М., 1976.— История СССР, № 2, с. 164—167.

284. Рец. на кн.: Карпатский сборник. М., 1976.— СЭ, № 5, с. 158—162.

285. Рец. на кн.: Крушельницька Д. І. Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза. Київ, 1976.— ССл., № 6, с. 103.

286. Рец. на кн.: Славяне и Запад: Сб. ст. к 70-летию И. Ф. Бэлзы. М., 1975.— ССл., № 3, с. 89—92.

287. Чешский художник Вацлав Фиала.— ССл., № 4, с. 98—106.

См. также № 154.

1978

288. Академик В. И. Пичета (1878—1947): (К 100-летию со дня рождения).— ССл., № 5, с. 77—82. Совм. с В. Г. Карасевым и др.

289. «Венеды» и вопрос о балто-славянской общности и балто-славянские этнические контакты в эпоху средневековья: Тезисы.— В кн.: Конф. «Этнолингвист. балто-славян. контакты в настоящем и прошлом», 11—15 дек. 1978 г.: Предв. материалы. М.: Наука, с. 93—96.

290. Владимир Иванович Пичета.— В кн.: Славяне в эпоху феодализма. М.: Наука, с. 5—25.

291. Пастушество у славян в I тысячелетии н. э. и перемещение их в Подунавье и на Балканы. Славяне и волохи: (Попытка реконструкции по письмен. источникам).— В кн.: Славяно-волошские связи. Кишинев: Штиинца, с. 177—198.

292. Связь времен.— Рец. на кн.: Алпатов М. В. Русская историческая мысль и Западная Европа, XVII — первая четверть XVIII в. М., 1976.— Молодая гвардия, № 7, с. 318—320.

293. У истоков славянской общности.— Курьер ЮНЕСКО, сент.— окт., с. 9—12.
294. Чехословакия.— БСЭ. 3-е изд., т. 29, стб. 142—171.
В. Д. Королюком (совм. с Г. Э. Санчуком) написана часть разд. 5 (стб. 144—147).
295. [Vzpomínka na Z. Nejedleho].— In: Zdeněk Nejedlý ve vzpomínkach svých sovětských žáků a spolupracovníků. Pr.: Akademia, s. 27—29.
296. *Отв. ред.*: Записки янычара: Написаны Константином Михайловичем из Островицы. М.: Наука. 136 с.
297. *Отв. ред.*: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М.: Наука. 301 с.
298. *Чл. редкол.*: Славяне в эпоху феодализма: К столетию акад. В. И. Пичеты. М.: Наука. 343 с.
299. *Чл. редкол.*: Славяно-волошские связи. Кишинев: Штиинца. 242 с.
См. также № 108, 154.

1979

300. Дулебы, анты, авары и готы.— В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, с. 53—59.
301. От эпохи Просвещения к романтизму.— Рец. на кн.: Свирида И. И. Польская художественная жизнь конца XVIII — первой трети XIX в. М., 1978.— Искусство, № 8, с. 71.
302. Перемещение славян в Юго-Восточной Европе и формирование народностей.— В кн.: Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы исслед. М.: Наука, с. 40—47. Совм. с Е. П. Наумовым.
303. Средневековое искусство Чехии и Моравии.— Рец. на кн.: Поп И. И. Искусство Чехии и Моравии IX — начала XVI в. М., 1978.— ССл., № 6, с. 117—118.
304. Термин «Волошская земля» в раннесредневековых письменных источниках.— В кн.: Этнич. история вост. романцев. М., с. 5—17.
305. *Отв. ред. и авт. предисл.*: Этническая история восточных романцев. Древность и средние века: [Сб. ст. (Предисл., с. 3—4, совм. с Е. П. Наумовым)]. М.: Наука. 226 с.
306. *Чл. редкол.*: Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М. 288 с.
307. *Чл. редкол.*: Сводный каталог и описание старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. М.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Вып. 1. 51 с.; 8 л. ил. в папке.
308. *Чл. редкол.*: Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиогр. словарь. М.: Наука. 429 с.
См. также № 154.

1980

309. «Волошская земля» и формирование восточнороманской (волошской) общности.— В кн.: Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). Кишинев: Штиинца, с. 28—44.
310. Илья Соломонович Миллер (1918—1978).— В кн.: Миллер И. С. Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М.: Наука, с. 5—18.
311. История средних веков. М.: Просвещение. 576 с. Совм. с М. Л. Абрамсон, Н. Ф. Колесницким и др.
312. Перемещение славян в Центральной и Юго-Восточной Европе и формирование народностей: Итоги и перспективы.— В кн.: Славянские древности. Киев, с. 5—11. Совм. с Е. П. Наумовым.

313. Рец. на кн.: Мохов Н. А. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев, 1978.— СЭ, № 5, с. 167—168.
314. Сливенська графіка Ф. Д. Молібоженка.— Проблеми слов'янознавства, вип. 21, с. 75—77.
315. *Отв. ред.*: Власова Л. В. Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII — начале XVIII в. Кишинев, 166 с.
316. *Отв. ред.*: Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси: Сб. науч. тр. Киев: Наук. думка. 166 с.
317. *Отв. ред.*: Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.): [Сб. ст.]. Кишинев. 256 с.
318. *Чл. редкол.*: Миллер И. С. Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М.: Наука. 456 с.
См. также № 108, 154.

1981

319. Рец. на кн.: Łowmiański H. Religia Słowian i jej upadek (w. VI—VII).— ССл., № 2, с. 101—104.
320. *Отв. ред. и авт. Введения*: Формирование раннефеодальных славянских народностей: [Сб. ст. «Введение (Комплексное изучение этногенеза славян и вопросы колонизации)», с. 3—9]. М.: Наука. 291 с.
321. *Отв. ред.*: Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.: Из истории междунар. отношений в Вост. и Юго-Вост. Европе. М.: Наука. 180 с.
322. *Отв. ред.*: Сказания о начале славянской письменности. М., 198 с.
См. также № 115, 154.

1982

323. *Авт. и отв. ред.*: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 358 с. Авт. совм. с Г. Г. Литавриным и др.

1985

324. История крестьянства в Европе. М., т. I. Совм. с Ю. В. Бромлеем и др.
325. *Чл. редкол.*: Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 288 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСЭ — Большая советская энциклопедия.
ВДИ — Вестник древней истории, М.
ВИ — Вопросы истории, М.
ВМК — В мире книг, М.
ВЯ — Вопросы языкознания, М.
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения, СПб.
ИЖ — Исторический журнал.
ИЗ — Исторические записки, М.
ИИИ — Известия на Института за история, С.
ИП — Исторически преглед, С.
КО — Книжное обозрение, М.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР, М.
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ННИ — Новая и новейшая история, М.
ПВЛ — Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1, 2.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1.
С.— София.
СА — Советская археология, М.
САИ — Свод археологических источников, М.
СИЭ — Советская историческая энциклопедия.
ССл.— Советское славяноведение, М.
СЭ — Советская этнография, М.
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Ленинград, М.; Л.
УЗИС — Ученые записки Института славяноведения АН СССР, М.
УІЖ — Український історичний журнал, Київ.
B.— Berlin.
Br.— Bratislawa.
ČslČH — Československý časopis historický, Pr.
FRB — Fontes rerum bohemicarum. Pr., 1873—1876. T. I, II.
KwH — Kwartalnik historyczny, W.
MGHSM — Monumenta Germaniae historica. Scriptorum rerum Merovingicarum. Hannoverae, 1888. T. II.
MGHSS — Monumenta Germaniae historica. Scriptores.
MMFH — Magnae Moraviae Fontes Historici, Brno, 1967. T. II.
MPH — Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1864. T. I, VI; Nova ser. Kraków, 1946—1953. T. I, II.
Pr.— Praha.
PAN — Polska Akademia Nauk.
SA — Slavia Antiqua, Poznań.
SAV — Slovenska Akademia Vied.
SO — Slavia occidentalis, Poznań.
SRH — Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum/Ed. J. Szentpetery. Bp., 1937. Vol. I.
W.— Warszawa.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 3

ВЛАДИМИР ДОРОФЕЕВИЧ КОРОЛЮК (Очерк творческого пути) 5

I

ФОРМИРОВАНИЕ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы 22

Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе 46

К вопросу о раннефеодальной государственности у полабо-прибалтийских славян 69

Государство бодричей в правление князя Готшалка (1031—1066 гг.) 77

«Вместо городов у них болота и леса...» (К вопросу об уровне славянской культуры в V—VI вв.) 109

О последнем периоде правления Болеслава Храброго . . . 114

II

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН И ВОСТОЧНЫХ РОМАНЦЕВ

К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев 122

Пастушество у славян в I тысячелетии н. э. и перемещение их в Подунавье и на Балканы. Славяне и волохи (Попытка реконструкции по письменным источникам) 148

Волохи и славяне русской летописи 168

Славяне, влахи, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима» 186

К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв. 204

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ В. Д. КОРОЛЮКА 221

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 239

1 р. 80 к.

Видный советский историк-славист В. Д. Королюк внес большой вклад в становление и развитие советского славяноведения. Его исследования посвящены взаимоотношениям Киевской Руси с западными славянами, этногенезу и этнической истории славянских и восточнороманских народов, истории Польши и Речи Посполитой с древнейших времен до середины XIX в. В предлагаемом читателю сборнике представлены работы по истории формирования феодальных государств в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, они публиковались в течение длительного времени в разных изданиях. В книге помещены библиография трудов В. Д. Королюка и очерк его научной деятельности.

СЛАВЯНЕ И ВОСТОЧНЫЕ РОМАНЦЫ

В. Д. Королюк • ●